

Наталья КОЛЕСОВА

Нестрашные сны

Роман

Часть III

ПУСТЫНЯ

**Новокузнецк
«Ник без Сопрані»
2020**

Центральная городская библиотека им. Н.В.Гоголя
Новокузнецкий городской
клуб любителей фантастики
«КОНТАКТ»

Наталья КОЛЕСОВА

Нестрашные сны

Роман
Часть III
ПУСТЫНЯ

Новокузнецк
«Ник без Компані»
2020

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос=Рус)6
К60

КОЛЕСОВА Н.В.

К60 **Нестрашные сны** : роман : часть III : **Пустыня** / Наталья Колесова ; Центральная городская библиотека им. Н.В. Гоголя, Новокузнецкий городской клуб любителей фантастики «КОНТАКТ». – Новокузнецк: Ник без Company, 2020. – 112 с.
16+

Агата Мортимер – загадка для всего магического сообщества. У неё как будто бы нет способностей к волшебству, однако это не помешало девушке обезвредить полный магии Котёл в центре столицы. Теперь Агату ждут в Институте магических феноменов, чтобы изучать и контролировать её странный дар. Только хочет ли этого она сама? Вопросов становится всё больше. Как Агата связана с Кобуци, мощнейшей магической аномалией, результатом неудачного эксперимента? Что за Пустыня преследует девушку во снах? Что это за сны, которые переносят Агату и её друзей на многие километры от столицы?

И как быть, когда ты совершенно не нравишься тому, кого ты любишь?

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос=Рус)6

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ ПУСТЫНЯ

Сон – тяжёлая вода.
Камни выстилают дно.
У меня в руке беда,
у меня – веретено.
Яд на кончике иглы,
смех и слёзы, боль и страх.
Из холодной серой мглы –
к правде – правда.
К праху – прах.
И с тропинки не сбежать.
И назад – не повернуть.
И ладони не разжать.
И беду – не отшвырнуть.
У меня веретено.
Всё уже предрешено.

Н.Караванова

Глава 1

Контроль над снами

– Итак, в ИМФ вас заклинило на Кобуци... А дома вам она тоже снится?

– Нет, – автоматически ответила Агата. – Дома мне снится Пустыня.

И замерла. Келдыш поворачивался к ней очень-очень медленно.

– Что? – спросил он. – ЧТО вам снится?

– Пустыня, – Агата глянула с опаской.

Келдыш смотрел на неё, оскалив зубы.

– И как давно?

– Ну... не очень...

– КАК давно?!

– Как я попала в ИМФ... почти с самого начала.

– Вы говорили Осипенко об этом?

– Да. Пару раз.

– И что она?

Агата пожала плечами.

– Ничего.

– Ничего, – сквозь зубы повторил Келдыш. – А мне почему не сказали? Агата молчала.

– Почему мне не сказали, спрашиваю?!

– Боялась, что вы разозлитесь... – сказала Агата в сторону.

– С чего бы я на вас-то злился?

Агата могла перечислить много случаев, когда Келдыш злился именно на неё, хотя она была ни в чём не виновата.

– ...и с кем-нибудь опять поругаетесь.

Пауза.

– Вы боялись – за меня?

Она упорно смотрела в сторону.

– Мортимер, я в состоянии позаботиться о себе сам!

Это вы так думаете.

– Лучше о себе беспокойтесь!

– А может, они правы?

– В отношении чего?

– В отношении... ведь я же пока не маг. Так что, наверное, ничего страшного в этом сне для меня нет? Ну подумаешь, пустыня и пустыня.

Келдыш медленно прошёлся по комнате, остановился перед окном. Агата прищурилась – на фоне солнечного дня его было плохо видно.

– Что вы испытываете, когда оказываетесь в Пустыне?

Она подумала.

– Там тихо. Спокойно. Даже красиво. Ничего там ужасного нет...

– И не хочется возвращаться, – закончил Келдыш.

– Ну... да.

– Вот именно, – выразительно сказал Игорь. Постоял, глядя в окно. – Давайте-ка навестим эту вашу... ДМН Осипенко.

Келдыш вышел из лаборатории сна, аккуратно прикрыл за собой дверь, секунды три поглядел на неё и неожиданно шибанул кулаком в косяк. Посыпалась штукатурка. Встряхивая отбитой рукой, Игорь прошёл мимо – Агата испуганно посторонилась – вернулся и сказал, глядя в пол:

– Идёмте.

Они дошли почти до конца коридора, когда сзади открылась дверь, и до них донёсся голос Осипенко:

– И всё-таки хорошенько подумайте над моим предложением, Ловец!

Келдыш сделал ещё несколько шагов, остановился, по-прежнему глядя в пол. Развернулся и улыбнулся:

– Обычно я стараюсь быть вежливым с женщинами, но для вас, *доктор*, сделаю исключение.

И показал ей палец.

Средний.

Агата моргнула, Осипенко фыркнула и хлопнула дверью.

Келдыш вёл машину ровно, не дёргая – только очень быстро. Агата поглядывала на него с осторожностью: чем это его Осипенко так разозлила? Остановился возле знакомого серого неприметного здания в три этажа – СКМ.

– Подождите меня здесь.

– Игорь.

Он вернулся, заглянул в открытое окошко.

– Что?

– А что она вам... такого предложила?

Келдыш оскалился.

– Это неважно. Важно то, что я не сумел донести до неё всю серьёзность ситуации. Подождите, я быстро!

Как будто она собиралась вылезти из машины и убежать куда-то... Келдыш, похоже, так и думал – торопливо прошёл в здание мимо кивнувшего охранника. Его не было с полчаса. Агата сидела, разглядывая приборную панель: что значат все эти стрелочки, циферки и огоньки? Если попросить Келдыша научить её водить машину – согласится? Или ему и так с ней забот хватает: вози, охраняй, ругайся с Осипенко и СКМ...

Агата увидела возвращавшегося Игоря и поняла, что спрашивать об уроках вождения сейчас не стоит. Он шёл неспешно, заложив руки в карманы, чуть ли не вразвалочку, подпिनывая какой-то мусор под ногами. И был бледен от бешенства. Остановился перед машиной. Стоял так долго, что Агата вопросительно выглянула из окна.

– Ну и... как?

Келдыш улыбнулся ей стиснутыми губами. Агата боялась, что он как в ИМФ будет бить кулаком по машине и грохать дверцей – нет, очень бережно, точно стеклянную, прикрыл за собой дверь, взялся за руль и уставился в лобовое стекло.

– Игорь?

– Он меня не принял.

– А?

– Констанц меня не принял. Наверное, эта с-су... э-э-э... ведьма с ним уже связалась и преподала всё в нужном свете.

– И что теперь?

– Теперь мы просто посидим и подумаем.

Они подумали. Ну, то есть Игорь, наверное, думал – хотя, скорее всего, пытался справиться с кипящей в нем злостью – а Агата просто таранилась в лобовое стекло на скромненькую вывеску: «Служба

Контроля над Магией». Единственное, что ей пришло в голову – вызвать на помощь бабушку. Кажется, Игорь подумал о том же, потому что сказал:

– Ну, мадам Мортимер мы пока задействовать не будем. Оставим её в качестве тяжёлой артиллерии.

– А что тогда?

– Попробуем контролировать ваши сны.

Борис с Анжеликой явились ранним вечером после звонка Келдыша.

– Ну, что за шум, а драки нет? – бодро спросил Борис с порога.

– Будет тебе драка. Агате начала сниться Пустыня.

Пауза.

– Что?!

В голосе Келдыша появилась невесёлая усмешка.

– Осипенко сформулировала вопрос по-другому: ну и что?

– Она знает?

– Агата ей говорила. И я тоже. Эта... этот хваленый специалист по сновидениям считает, раз Агата не настоящий маг, Пустыня для неё не опасна.

– Почему ты не пошёл к Констанцу?

– А кто тебе сказал, что я к нему не ходил?

Пауза.

– Я вот думаю, – снова начала Агата, – и правда, ну какая опасность может быть от сновидений?

Борис усмехнулся:

– Кобуци, мы, конечно, не вспоминаем...

– Кобуци совсем другое дело! Наверное, это даже и не сон уже. И вообще, Кобуци – реальное место! А Пустыня – это же просто фольклор волшебников, место вымышленное... Мифическое.

Келдыш помолчал.

– Хорошо, тогда приведём пример из жизни. *Реальной* жизни. Как-то из одной диктаторской страны бежали семьи с детьми. Дети, насмотревшиеся ужасов тамошнего режима, боялись засыпать – такие им снились кошмары. Родители, естественно, всё равно укладывали их спать, и тогда дети начали умирать во сне.

Агата поежилась.

– Н-но... это всё не про меня? У меня же не кошмары! Мне просто снится *пустыня!*

Борис шевельнулся и ничего не сказал. Анжелика сидела тихонько – тень в тени. Келдыш, подавшись к Агате, произнёс убедительно:

– Мортимер. *Просто так* Пустыня не снится. Не магам. Только не магам. В неё начинают уходить либо в тяжёлой болезни, либо в депрессии,

либо... прячутся в ней от чего-либо... От навязчивых страхов, например.

Пауза. Келдыш внимательно рассматривал её.

– Вам всё ещё снится Инквизитор?

– Но вам же он тоже снится! Вы сами мне говорили! – выпалила Агата. – Вы ведь не бежите от него в Пустыню!

Келдыш словно не услышал. Повторил спокойно:

– Вам по-прежнему снится Инквизитор?

– Нет, – буркнула Агата.

– И когда это прекратилось?

Она промолчала.

– С того самого времени, как начала сниться Пустыня. Я прав?

Агата против воли кивнула. Никак не получается научиться врать убедительно – тем более, когда ей смотрят прямо в глаза. Тем более, когда смотрит Келдыш.

– Что и требовалось доказать, – тихо сказал он.

Агата беспомощно взмахнула руками. Повернулась к вампирам.

– Ну скажите же ему!.. Со мной всё в порядке!

– Да, конечно, в порядке, – Борис успокаивающе коснулся её плеча.

– Но Осипенко в своём «кусачем» списке я переносу на первую позицию... Что предлагаешь-то, Игорь?

– Мы не можем заставить её не видеть Пустыню. Но можем не давать видеть сны.

– То есть, не доводить сон до фазы сновидений?

– Будить *до* того.

Агата переводила глаза с одного на другого.

– Вы что, мне теперь и поспать не дадите?

– Дадим. Вы просто будете слегка не высыпаться. И не будете видеть снов.

– Борис. Игорь, – тихо сказал Анжелика. – Игра опасная.

Келдыш резко повернулся к ней:

– А что прикажешь делать?! Оставить всё как есть?

– Тихо-тихо, – теперь Дегтяр успокаивал ещё и Игоря. – Это же ненадолго. Пока мы не придумаем чего-нибудь другое.

– Другое, – Игорь с силой потёр лицо ладонями. – Только об этом другом я и думаю...

Дегтяр поглядел на него внимательно. Спросил через паузу:

– Итак?

– Итак. Сейчас едем в интернат и забираем вещи и... что там вам ещё надо? Учебники?

А?

– Несколько дней поживёте у меня.

– А... зачем?

– Я не дам вам спать.

Агата моргнула. Прозвучало это как-то... двусмысленно. Или это просто она такая испорченная? Но Дегтяр тоже заметил – заухмылялся радостно.

– Ах, какое заманчивое предложение! Я бы на твоём месте, Агата, соглашался сразу, не раздумывая!

– Да иди ты... – сказал Келдыш беззлобно. В глазах его – впервые за весь разговор – тоже замерцал смех.

– А Божевич разрешит?

– Ему-то что? Всё будет на законных основаниях. Я же куратор, в конце концов? Расписку ему оставлю. Ну... а ты, Борис, если сможешь, приходи ночью. Будешь моей личной дуэньей.

Агата засмеялась: «дуэнья» кокетливо повела могучим плечиком, захлопала хитрющими карими глазками.

– Ну-ка, поди сюда, девочка. Покажи-ка глазки, хорошо... покажи-ка язычок, скажи «а-а-а». Мне кажется или ты похудела?

– Нет, вроде бы.

– Похудела-пхудела, – сказала Анжелика. Мужчины оглянулись на неё.

– Ну, женский глаз насчёт фигур всегда вернее, – пробормотал Борис.

– А что делать с ИМФ, с Осипенко? Я теперь могу к ней просто не ходить?

– Борис выдаст вам справку на неделю – ну что там можно сочинить? Переутомление, ангина...

– Инфлюэнция, – томно подсказал Дегтяр.

Глава 2

Искушение

Келдыш свозил её в интернат за вещами. Пока он договаривался с директором, собиравшаяся Агата безуспешно отбивалась от Стефи: так и осталась в твёрдой уверенности, что в отсутствие Агатиной бабушки они с Игорем решили оторваться по полной. (О, если бы!)

Агата увидела озабоченного Келдыша и вдруг подумала – а не задавал ли ему Божевич таких же вопросов? Да ну, бред!

Дома – то есть, у куратора – их уже ждала Анжелика.

– А где Борис?

– Сказал, сегодня прийти не сможет. Я подежурю вместо него ночью.

Келдыш отозвался неожиданно резко:

– Нет, спасибо!

– Почему же? – спокойно спросила Анжелика. – У вас впереди тяжёлые дни, вы, Игорь, сможете как следует выспаться, пока я здесь с Агатой...

– Как-нибудь сам справлюсь.

– Но... – Анжелика замолчала. Молчала, и, не двигаясь с места, наблюдала за Келдышем. Агата в замешательстве так и стояла с вещами в руках, пока хозяин не забрал у неё сумку.

– И что вы застряли на пороге?

– Да, проходите? – неловко предложила Агата. Уж лучше бы Келдыш сам соблюдал правила вежливости и гостеприимства!

Анжелика улыбнулась ей, но одними губами. Глаза оставались настроженными и холодными.

– Нет, раз уж я здесь не нужна, действительно пойду. Завтра вечером придёт Борис, сменит Игоря. Желаю удачи, девочка.

Агата поглядела на закрывшуюся дверь и сердито уставилась на Келдыша. Тот пристраивал её куртку на вешалку. Это была трудная задача – Агата всё забывала пришить оборванную петельку. Наконец Игорь укротил выскальзывающую куртку и оглянулся.

– Вы намереваетесь спать прямо здесь на коврик?

– Это было очень грубо! – выпалила Агата.

– Неужели? – сухо сказал Келдыш. – Но я всегда груб с незваными гостями.

– Но ведь... Борис же...

– Борис – единственное исключение. Пусть Климова приходит, но только вместе с ним. А теперь – хватит уже меня воспитывать, или вы решили поменяться со мной ролями? Хотите есть?

Агата, насупившись, поплелась за ним на кухню. Келдыш, не обращая на неё внимания, изучал содержимое своего холодильника. Открыл морозилку, сказал с раздражением – словно выговаривал замороженным продуктам:

– И хватит дуться, Мортимер! Меня, знаете ли, тоже не всё радует в сложившейся ситуации. Одно то, что мы некоторое время будем жить вместе...

Ну да, она, наверное, для него тоже гость незваный... ну или вынужденный, опять ничего хорошего.

– Я вас могу скомпрометировать, да?

Келдыш, достававший покрытый инеем лоток, на мгновение замер. Глянул странно:

– Пожалуй.

Агата чувствовала, что её несёт, но всё равно ляпнула:

– Перед Ириной?

И немедленно покраснела.

– Перед Ириной? – рассеянно переспросил Келдыш. Точно не сразу и вспомнил, кто это такая. – Причём тут Ирина? Скорее уж – перед вашей бабушкой...

Да, причём тут Ирина? Ему даже в голову не приходит, что кто-то может составить конкуренцию его великолепной Ирине. И уж она – тем более. Интересно, он так любит свою девушку или просто не воспринимает Агату как существо женского пола? А ведь верное слово – «существо». Порученное его заботам. Хотя Келдыш сам настоял, чтобы его назначили куратором, и даже дважды отбил, когда его хотели с этого кураторства снять...

– А бабушка причём? – спросил Агата, рассеянно кроша кусок хлеба на стол. Водила пальцем, рисуя среди крошек спирали и цветы.

– Ну-у... если вы не понимаете, то даже не знаю, что и сказать.

Агата подняла глаза и не поверила:

– Вы? Не знаете, что сказать?!

Келдыш коротко развёл руками: мол, и такое бывает, хоть и крайне редко. Вновь принялся за полуфабрикаты. Сказал, не глядя на неё:

– Иногда мне кажется, вы существуете в каком-то... в своей собственной вселенной. Там, где вампиры – первейшие человеческие друзья, где все друг другу с радостью помогают. И где проживание несовершеннолетней девушки в доме постороннего взрослого мужчины в порядке вещей.

– А? – Агата съехала на стуле пониже. – В *этом* смысле?

– В этом.

– То есть, вы думаете, бабушка вас обвинит... ну, в моём совращении?

– Ваша бабушка, несмотря на все её... хм, достоинства... всё же представляется мне вполне вменяемым человеком. Но мы с вами сейчас даём недоброжелателям великолепный повод для лишения меня кураторских прав. Да просто-напросто усиленно на это напрашиваемся!

Агата сползла ещё ниже. Интересно, а что бы Келдыш сказал, если б узнал, что она совсем не против совращения... частичного. Например, не против его поцелуев. Она поглядела на куратора: тот, задумавшись, упёрся кулаками по обе стороны коробки с заморозкой. Словно вспоминал какой-то забытый рецепт или вообще пытался понять, что же перед ним такое. Агатин взгляд остановился на его губах: Стефи как-то говорила, какие они... эротичные. Теперь она сама, кажется, поняла – красивые, мягкие и твёрдые одновременно и очень-очень горячие...

– Ч-чёрт!

Келдыш отдернул руки: коробка перед ним задымилась, вкусно запахло жареным мясом. Игорь быстро и как-то виновато глянул на Агату.

– За это в детстве отец бы мне уши надрал!

– А что случилось?

Келдыш с чувством шмякнул коробку на стол. Аппетитный запах, аппетитная корочка, прямо слюнки текут.

– Разогрел мясо сам – вместо того чтоб приготовить по-человечески, используя печку!

– Но это же здорово! Можно?

– Подождите, дам столовые приборы. Меня за это «здорово» в детстве наказывали. Тоже очень здорово.

– А почему? – спросила Агата, стараясь не глотать горячее мясо целиком.

– Потому что иначе не научишь ребёнка-огневика пользоваться обычной человеческой техникой. Он будет запускать кучу светляков или шаровую молнию вместо того чтобы просто нажать выключатель. Выжигать половину кухни при попытке подогреть котлету. Доводить до заикания соседей тем, что в отсутствие фонарей светится в темноте наподобие собаки Баскервилей...

– Ух ты! – Агата замерла с куском за щекой. Восторженно глазела на Келдыша. – И вы всё это проделывали?

Келдыш пожал плечами.

– Это и ещё многое другое. Так что в меня буквально *вбито* правило: если под рукой имеется техника – нечего прибегать к магии.

Агата задумчиво жевала. Сказала через пару минут:

– Но ведь вы уже всему научились?

– Более-менее.

– И вы уже взрослый...

Келдыш поднял бровь.

– А что, у вас имеются в этом какие-то сомнения?

Иногда бывают, да ещё какие!

– И вы теперь сам себе хозяйин, – задумчиво констатировала она.

– Ваша наблюдательность иногда просто ошеломляет!

– Ну тогда вам уже и стыдиться нечего, – закончила Агата.

Келдыш внимательно смотрел на неё. Сказал через пару минут:

– Да. Детские запреты самые крепкие; иногда и не замечаешь, что они свою роль уже выполнили. Спасибо, Мортимер, вы открываете мне глаза.

Она промолчала: его слова казались насмешкой, но за суховато-ироничной интонацией пряталась искренность.

Но Агата тут же озадачилась:

– То есть, когда я... если я овладею своей магией, я тоже буду выкидывать такие... фокусы?!

– Как бы ещё не хуже! – «обрадовал» её Келдыш. Усмехнулся, увидев выражение Агатино лица: – Вообще-то вы приобрели дар уже в сознательном возрасте, так что думаю, детского этапа освоения магии сумеете избежать. Вернее, очень на это надеюсь!

– Ну вот, кабинет опять будет вашей девичьей светёлкой! Точно не хотите занять спальню?

– Нет-нет! – поспешно отказалась Агата. – Мне и здесь хорошо!

Келдыш хмыкнул:

– Ну да, там атмосфера слишком уж расслабляющая, сразу спать захотите!

Она бы подобрала другое слово. *Интимная*. Агата принялась очень внимательно разглядывать кабинет.

– Да и моей бедной старой спине, – Келдыш с демонстративным вздохом потёр поясницу, – будет куда уютнее на собственной кровати. Ванная на первом этаже ваша. Постельное бельё я, конечно, предоставлю, но...

– ...спать мне почти не придётся, – закончила Агата. – Да, я помню.

Келдыш бросил на диван стопку белья. Сверху привычно приземлилась чёрная майка, и Агата невольно заулыбалась. Келдыш проследил за её взглядом:

– Что, дежавю? А, у вас же собственных вещей целая сумка!

– Нет-нет, оставьте! – Агата забрала у него майку. – Будем соблюдать традиции.

– Забыл! – Келдыш шлёпнул себя ладонью по лбу. Ну да, чтобы дежавю было полным, сейчас скажет, что не выспался, и уйдёт к себе в комнату. – У вас уже прошёл экзамен по Обществу или ещё нет? А-тличный я куратор!

– Экзамен завтра.

Келдыш потёр руки в предвкушении:

– Ну тогда я знаю, чем мы займёмся сегодняшней ночью!

– Вы – садист, – горько сообщила ему Агата.

– И ещё какой!

Однако и История, и Общество в компании нескольких чашек кофе и Келдыша оказались очень даже приемлемыми. В интернате Агата давно бы уже махнула рукой – перед смертью не надышишься! – и завалилась бы спать. Здесь же они прервались только в полночь, чтобы послушать бой часов на площади, и Келдыш вновь принялся бомбардировать её вопросами. Если честно, Агата иногда даже притворялась, что забыла – только б его лишний раз послушать.

Как-то невзначай её ответственный куратор сполз к куда более занимательным темам: например, какие шпаргалки они использовали в интернате и в Академии. Агата слушала с завистью.

– Да-а, у магов больше возможностей! А у нас только листочки-гармошки и заготовки. Сотовые-то сразу на входе отбирают...

– С «раскладушками» всё понятно, а куда вы заготовки пристраиваете?

– Ну парни за ремень под пиджак, а девочки у нас в школе на экзамены обычно в фартуках приходят, изнутри к нему большой карман пришивают... А ещё можно под резинку чулок, вот здесь...

Тут Агата обнаружила, что показывает на себе, а куратор с большим интересом на это смотрит. Вспыхнув, отдернула руки. Келдыш широко улыбнулся:

– Да-а, как-то рановато я ушёл из школы, до экзаменов не доработал! Такое зрелище пропустил!

– Но вообще-то, – строго сказала Агата, – я шпаргалок не пишу!

– Понятно-понятно. Вам всё это интересно чисто в теоретическом плане...

Игорь встал, с наслаждением потянулся. Выглянул в окно.

– Три часа ночи... А что вам снилось здесь в прошлый раз? – Не дождавшись ответа, Келдыш обернулся. Посмотрел на Агату, втянувшую голову в плечи, и переформулировал вопрос: – Я не прошу пересказывать *содержание*. Вам снилась Пустыня или что-то иное?

– Иное, – быстро сказал Агата.

– Тогда давайте сегодня так: сейчас вы ложитесь спать...

– Но я могу ещё...

– Через некоторое время я вас бужу. Если снится не Пустыня – спокойно спите себе дальше. А то завтра на экзамене вам точно понадобятся все эти ваши... эротичные шпаргалки.

...Искушение, мягко шепнула темнота.

Он не повернул головы, но по напрягшимся плечам было ясно, что услышал.

...Ты тоже его чувствуешь? Искушение, да?

– Зачем ты пришла?

– Поговорить.

Раньше она не подозревала, насколько прекрасна и мягка темнота – и все её степени – тени, сумерки, полуночный мрак. Темнотой можно дышать, укутываться, одеваться... В ней можно скользить, сливаться с нею: как просто-человек может разглядеть тень в тени?

Жаль, но этот – мог.

– Ты не можешь приходить в мой дом.

– Могу, раз она меня пригласила!

Мужчина промолчал. Он по-прежнему не поворачивался, но она знала, что он чувствует её движения – всем телом, кожей. Каждым нервом. Он боялся её. Боялся? Она поддержала это слово на языке – неправильный вкус. Опасался. Но и она его... опасалась. А в игре с опасностью разгорается огонёк жизни.

Она знала, что он не поддастся, но всё равно не смогла удержаться от танца на подвижной границе света-тени от огня камина. Она не разучивала этот танец, танец был просто заложен в её... крови. Скольжение, поворот, шагжок, невесомое прикосновение – нет, она не касалась его, только лишь думала, что касается, но он и это чувствовал. Если б мужчина был волкодавом, давно бы вздыбил шерсть на загривке.

Он чуть повернул голову.

– Говори, что тебе надо, и уходи.

...Не так быстро. О, не так быстро! Она кружила и кружилась, наслаждаясь уже не назначением танца – самим танцем. Паутина движений, мелодия шорохов, сложнейший узор теней...

В голосе мужчины скользнула насмешка.

– Считай, что ты меня очаровала, и не трать больше свой драгоценный дар и моё не менее драгоценное время. Мне скоро будить её. Или ты хочешь, чтобы девочка увидела тебя в этом обличье?

А она ведь ещё даже не начинала петь. Хотя вряд ли это поможет... Оказывается, иметь в давних друзьях вампира – всё равно что получить прививку от вампирской магии. На миг её мысли переключились, возвращаясь к аналитике учёного – обучал ли Борис его поддерживать ясность сознания или Келдыш сам наблюдал и набирался сил и опыта? А ведь люди и маги столько лет бьются над способами противостоять Зову...

– Знаешь, почему ты меня боишься?

Раздражённое пожатие плечами.

– Ну хорошо, – уступила она, – боишься за неё. Потому что ты очень хорошо меня понимаешь...

– И что это значит?

– Что ты сам испытываешь то же искушение...

Почти смех:

– Испытываю желание хлебнуть её крови?!

– Кровь ведь для нас с тобой не главное...

– Мне надоело выслушивать всякий бред среди ночи!

– Искушение магией, искушение энергией, искушение силой... ты же чувствуешь себя куда лучше рядом с ней, чем вдали от неё, ведь так? Это – признак влюблённости, но мы же не влюблены, ведь так? Ведь так?

Наконец он перестал следить за её движениями и стал следить за её словами. Сказал сухо – но лишь через пять ударов сердца:

– Слушаю.

Она остановилась у него за спиной – далеко, у стены, – но, казалось, нашёптывала в самое ухо:

– Это случается редко, так редко – когда она сияет – но этого сияния так много, она щедро делится им с тобой, и ты чувствуешь себя заполненным... сильным, здоровым, и твой собственный огонь вновь горит так ярко, так мощно... Скажи, что ты не впитываешь этот свет, эту силу. Магию?

– Люди всегда делятся между собой своим теплом. Энергией. Силой. Даже ты должна это... помнить.

– Делятся?

Она засмеялась и скорее почувствовала, чем увидела, как у него болезненно дрогнуло лицо.

– А чем ты можешь с ней поделиться? Что у тебя такого осталось? Где твоя сила, Ловец? Где твоё пламя, Огневик? Как далеко ты запрятал свое тепло, Черныш?

Движение-дуновение: как будто она погладила-скользнула ладонью по его затылку. Шепнула:

– Поэтому не надо меня ненавидеть. Не так уж мы и отличаемся друг от друга... Нам обоим ей дать нечего, мы можем только забирать. Мы просто хотим погреться возле её огня, ведь так?

Он молчал, повернув голову – она видела его профиль на фоне угасающего камина. Ресницы опущены, губы плотно сомкнуты. Может, она сумела оплести его не танцем, не пением, а просто словами?

– Уходи, – сказал он спокойно.

– Но...

– Уходи, – повторил он, и губы его скривились в улыбке. – Хоть что-то я могу ей дать. Например, защиту от тебя.

Мужчина наклонился и настойчиво потряс за плечо спавшую на диване девушку.

– Мортимер, пора просыпаться!

Глава 3

«История и Общество» и... неудачное общество

Келдыш будил её несколько раз. Странно, но Агата сразу вспоминала, где она находится и почему её тормозит куратор, требуя отчёта о сновидениях. Честно отвечала (хорошо, что ничего такого... криминального не снилось) и сразу засыпала, когда её оставляли в

покое. Так что она лишь чуть-чуть не выспалась; иногда они со Стефи, заболтавшись, спали ночью куда меньше.

На её смущённое «доброе утро» Келдыш пробурчал что-то невнятное: если она спросонья собирает все косяки, то Игорь спозаранку, наверное, вечно злой и раздражённый. Да ещё они то и дело сталкивались в дверях и в коридоре, хотя дом вроде такой большой: ну просто броуновское движение какое-то! Агата всё больше ощущала себя путающимся в ногах бестолковым котёнком, которого не отпинавают с дороги лишь гигантским усилием воли...

Хозяин опять сварил свой фирменный «ядерный» кофе и после выпитой чашки стал самим собой – то есть поглядел на неё и объявил:

– Отвратительно выглядите, Мортимер!

Агата вздохнула:

– И вам тоже доброго утра...

Келдыш кинул в рот пару таблеток. Заметил её вопросительный взгляд и пояснил:

– Амфетаминчики. Для бодрости.

Она виновато сморщилась:

– Вы совсем не спали, да? А мне можно?

Келдыш поколебался.

– Ну разве что одну...

Но едва она протянула руку, поспешно выхватил таблетки из-под самых пальцев. Пояснил:

– Сутки-то вы, конечно, будете как огурчик, и даже как... реактивный моторчик, но потом организму придется за это расплачиваться. Так что пока не будем рисковать – принимаете только витамины.

Игорь начал торопить её сразу после завтрака: собирался перед работой подбросить Агату в интернат. Она спешила и потому то и дело что-то роняла, теряла, забывала... После третьего её возвращения домой уже севший за руль Келдыш поднял глаза к небу:

– Давненько уже я не жил в одном доме с женщиной! Отвык!

Агата осторожно огрызнулась:

– Я к вам на житьё, между прочим, не напрашивалась!

– Пристегнитесь.

Агата пристегнулась и отвернулась к окну, хотя язык так и чесался продолжить: а то, что он встречается с Ириной или с кем-то ещё и она (они) наверняка остаются у Келдыша ночевать – не в счёт? Их-то он явно не приветствует таким вот комплиментом «отвратительно выглядишь». Наверняка ещё и целует по утрам...

А вообще, всё равно ей, с кем он там встречается и кого целует! Это личное дело Келдыша. Вот она тоже возьмёт и заведёт себе парня,

которому всегда будет нравиться – хоть с утра, хоть с вечера. Агата тихонько вздохнула. Мечтать не вредно. Все её так называемые «поклонники» так далеко, что не имеют и малейшего шанса полюбоваться на её красоту неземную: Вуд – в Светлогорске, Димитров теперь её ненавидит, а Грач...

– А Грачу ведь нужно же как-то передать, чтобы он нас не ждал зря?

– Какая заботливость! – пробормотал Келдыш. – Дать вам его телефон?

– Нет-нет, лучше вы.

– Угу.

– А в ИМФ я ещё когда-нибудь пойду?

Келдыш глянул внимательно.

– Что, уже соскучились по Осипенко?

– Нет...

Рассказать Игорю о своих странствиях в прошлое ИнЭМа? Вряд ли она сумеет снова попасть в призрачное крыло, если не будет ездить в ИМФ. А ведь у неё только начало получаться, и с каждым разом всё лучше и лучше. Кажется, мама даже услышала её – во всяком случае, она обернулась и огляделась, как бы отыскивая окликнувшего. Или ей просто показалось, потому что уж очень этого хотелось? Ох, кажется, она вскоре окончательно запутается, где сон, а где явь...

Пока Агата решалась на рассказ, они уже доехали до интерната. Пожелав ни пуха ни пера и получив предложение убраться к чёрту, Келдыш и убрался. На службу.

– Ну что?! – с жадностью набросилась на неё Стефи. – Как ночка? Поди, совсем не спали?

– Ты не поверишь, – честно сказала Агата, – почти до утра учили «Общество».

И Стефи, конечно, не поверила.

Вопросы на экзамене попались именно те, что вчера рассказывал Келдыш – он, случайно, не поворожил потихоньку? Хотя говорят, в интернате, как и в остальных магических учебных заведениях, очень строго следят за применением жульнических заклинаний... Ха, за шпаргалками тоже вроде следят, но некоторым всё равно удаётся списать!

Преподаватель истории Тельма, выслушав Агадины ответы, просто расцвела. Трубным гласом обратилась к дежурным преподавателям:

– Ну вот же! А ещё говорят, что молодёжь не интересуется прошлым! Молодец, Агата, ставлю тебе «отлично»!

Молодёжь, может, и интересуется. Только надо эту молодёжь ещё заинтересовать. Вот если бы вместо командирши Тельмы в интернате преподавал Келдыш...

А что? Он со всеми, кроме Агаты, очень мил.

Набрав на полдник печений и яблок, интернатовцы радостно повалили в парк. Все дружно завидовали Агате: у них-то ещё экзамены, а она уже свободная, как ветер! Агата молча улыбалась и кивала: конечно, свободная. Знали бы они, какая у неё распрекрасная свобода – опыты в лаборатории, сонные порталы, а теперь ещё и выспаться не дают!

Хотя, судя по сегодняшней ночи, она вполне может обойтись без сна. Ну почти без сна. А что? Кофе, Келдыш под боком... то есть рядом. Тем более, это всего на несколько дней. Борис сказал, попробует надавить на СКМ через свои каналы. А может, и ещё что-нибудь придумают...

Кое-кто из девочек вытащил в парк покрывала и теперь загорал на свежей травке. Агата, сидя в тени, поглядывала на них с завистью: на таком жарком солнце она сгорит мгновенно, неделю будет ходить розовым поросёнком, да ещё и с красным носом. А потом ещё и облезет для полного счастья. А вон Стефи – даром, что блондинка, – уже приобрела ровный золотистый загар.

Подружка лежала на животе в коротеньких голубой маечке и шортиках, мотая в воздухе гладкими ногами в спадающих шлёпках, грызла яблоко и как будто не замечала, что по ту сторону ограды зависло трое парней примерно их возраста. Да нарочно легла так, чтобы её было прекрасно видно с тротуара, не ушла вглубь парка! Парни погломонили, погоготали. Видя, что их упорно не замечают, перешли ко второй фазе контакта.

– Эй, девушка! Эй, алё!

Стефи одалила парней удивлённым взглядом.

– Вы это мне, молодые люди?

Агата уселась поудобнее, в который раз с интересом и восхищением наблюдая процедуру знакомства с её неотразимой подружкой.

– Привет! Давай познакомимся?

– Знакомьтесь, – снисходительно разрешила Стефи.

– Меня Сергей зовут!

– Меня Майкл.

– А я Давид.

– Очень приятно, – сообщила Стефани, деловито переворачивая страницу учебника. Как будто она там что-то прочитала!

– Эй, а тебя как?

Стефи перевернулась набок, подпёрла щёку кулачком. Сказала удивлённо:

– А вы разве не знаете, что нам запрещено открывать своё истинное имя? Да и вам свои называть не советую! А вдруг я вас заколдую?

– А мы и не против, чтобы нас приворожила такая хорошенькая ведьмочка!

Стефи надменно дёрнула головой, рассыпав по плечам блестящие светлые волосы. Пренебрежительно фыркнула:

– Вот ещё, больно вы мне нужны!

– Иди сюда, мы тебя получше рассмотрим!

– Иди-иди, цып-цып...

– Ой, – вздохнула Стефи раздражённо, – ну просто детский сад какой-то!

И с головой погрузилась в учебник, не забывая краем глаза приглядывать за поклонниками. Сказала Агате тихонько:

– А тот тёмненький, Давид который, ничего так, да?

– Ну... да, вроде.

Между тем парни, не видя ожидаемого отклика, начали терять терпение. Понесли всякую чушь; протягивая руки через ограду, принялись подманывать Стефани кто сигаретой, кто конфетой, причмокивать и кискискать. Наконец, кто-то самый нетерпеливый умудрился кинуть в Стефани смятую пачку сигарет.

Агату просто подбросило со скамьи. Злость подкатила к горлу, мешая крикнуть что-нибудь возмущённое.

Да и кричать уже не было нужды...

Потому что завопил и отпрянул бросивший – тот самый тёмненький Давид. Второй тоже затряс руками, обожжёнными раскалившимися прутьями ограды. Брошенная пачка догорала, медленно кружась в воздухе и осыпаясь пеплом...

Незадачливые поклонники пошагали прочь: они ругались, прижимали к груди повреждённые руки, и то и дело оглядывались, точно опасались, что девчонки-ведьмы перемахнут через забор и кинутся за ними в погоню.

Стефи с Агатой, испуганно и смущённо переглянувшись, выпалили одновременно:

– Это не я!

Естественно, именно в этот самый момент и явился Келдыш. Он проводил взглядом ругавшихся парней, с профессиональным интересом осмотрел всё ещё раскалённые докрасна завитки ограды и сказал буднично:

– Развлекаетесь, девушки?

Глава 4

Плетельщик снов

Агата начала зевать уже в машине. Старательно таращилась по сторонам, но улицы за автомобильными стеклами всё равно то и дело подёргивались плёнкой дремоты.

– Мортимер, приехали! – Куратору даже пришлось встряхнуть её за плечо. – Идите умойтесь холодной водой и будем праздновать конец ваших мучений.

– Угу, – Агата вяло полезла из машины. – А? Это экзаменов, что ли? Да ну, я люблю учиться!

– Неужели? Хотя одна разумная девушка на моём пути...

Агата плескала в лицо водой и раздумывала, считать ли замечание об её разумности комплиментом. Наверняка нет: не дожидаться ей в этой жизни от Келдыша доброго слова!

Стол хозяин, и правда, накрыл праздничный, еды хватило бы на целую футбольную команду. И всё напрасно: Агату подташнивало от недосыпания. Она без аппетита клевала то да се, с изумлением наблюдая, как Игорь подчищает тарелки.

– А мужчины всегда так много едят?

– А девушки всегда так мало едят? – парировал тот. – Или вы решили сесть ещё и на диету, чтобы успешно закончить начатое нашей ДМН? У вас и без того все ребра наружу...

Агата фыркнула:

– Вы сейчас прямо как бабушка говорите!

– Мадам Мортимер тоже иногда изрекает мудрые мысли.

– Мудрые – это те, которые совпадают с вашими, да?

– Язвите, Мортимер? Так что там у вас произошло с этими несчастными юношами?

Агата даже подпрыгнула от возмущения:

– Несчастливыми?! Да они сами во всём виноваты! Сначала к Стефи приставали, а потом обзывать начали и ещё кидаться всякой гадостью! Вот и получили!

– Справедливо получили, – неожиданно кротко согласился куратор. – А теперь расскажите, что с вами в тот момент происходило.

Да всё как обычно – в минуты злости у неё всегда колотится сердце, жар приливает к голове, а язык просто к нёбу прилипает...

Агата с ожиданием глядела на Келдыша: тот задумчиво отщипывал куски пиццы и отправлял в рот. Спросила обречённо:

– Это что, тоже я, да? Сделала?

Келдыш вынырнул из своих мыслей и неожиданно улыбнулся:

– Вовсе не обязательно.

– Стефи?

– Может, и не она тоже.

– А кто тогда?!

Келдыш пожал плечами:

– Полагаю, просто сработала интернатская ограда. *Своих* защищала. Вы же не думаете, что обычная чугунина, пусть и красивая, может оградить мир от сотни малолетних волшебников-недоучек? В ковку вплетены охранные руны, да и сам металл заряжен магией... Кстати, *внутри* через ограду ещё что-нибудь передать можно, а вот наружу, на улицу, уже не получится. А то мало ли, вдруг кто-то вроде вашей талантливой подружки начнет приторговывать мелкими амулетами? Или чем ещё похуже.

– Мне кажется, что узор иногда как будто движется, меняется...

– Да-а, вы заметили? Интересно, а сегодня она *вас* защищала или от вас защищала?

Агата сморщила нос: Келдыш-то наверняка думает, что второе!

– Но если ограда такая... заговоренная, почему тогда она выпускает нас без разрешения? Вас, когда вы здесь учились, меня в прошлое полнолуние?

– Наверное, понимает, что иногда нам полезно выпускать пар. А то взорвёмся, да ещё и её с собою прихватим... Ну, и какие вопросы вам достались на экзамене?

Агата спохватилась:

– Представляете, именно те, что вы мне вчера... или сегодня?.. ну то есть ночью рассказывали!

– Вот видите, – заявил Келдыш значительно, – у меня имеется дар предвиденья!

Оказывается, с куратором можно легко и свободно беседовать на любые темы – когда он отключает свой ядовитый язык. Или включает своё обаяние? Ну какой бы там ни был у Келдыша переключатель, сейчас он сработал на все сто: Агата обнаружила, что наступила ночь, лишь когда в горле окончательно пересохло, а голова стала странно лёгкой, как воздушный шарик, – то ли от бесконечной болтовни, то ли всё-таки от недостатка сна.

Стоило только вспомнить о сне, как глаза начали буквально слипаться. Агата внезапно увяла. За окном тоже стало как-то кисло – то ли дождь собирается, то ли природа вдруг вспомнила, что ещё не разгар лета, а практически весна... Келдыш, весь вечер подливавший в Агатино кружку то чай, то тоник, поглядел-поглядел и выдал разрешение:

– Можете ненадолго прилечь.

...И правда получилось недолго: только-только глаза закрыла, а её уже будят:

– Пока достаточно, вставайте, к нам Борис пришёл!

– Угу, – согласилась Агата, повернулась на другой бок и тут же уснула, да так крепко, что пришлось тормошить её уже вдвоём.

С приходом Бориса стало легче. Потому что, поглядев на «всё это безобразие», Дегтяр предложил задействовать Плетельщика снов.

– Долго так ни ты, ни Агата не продержитесь!

Келдыш с силой потёр лицо, отозвался раздражённо:

– Продержимся, сколько сможем! Амфетамин...

– Хорошо, тогда сформулирую по-другому! Ты продержишься. И на психостимуляторах и на энергетиках, и на кофе и на собственной магии. Не говоря уже о твоём ослином упрямстве. Да ещё ты можешь поспать, пока я здесь... Ты об Агате подумай.

Агата сидела, из всех сил тараща глаза и стараясь не терять нить разговора, но то и дело уплывала в забытье: всё-таки пары часов сна за пару дней оказалось маловато. Так после почти бессонной ночи (они с девочками гадали под Вальпургиеву ночь) она пыталась конспектировать лекцию Тельмы. Вроде пишет-пишет-пишет, вздрогнула, очнулась, глядь: а ручка уже выписывает странные вензеля на самой парте...

Агата опять вынырнула из пелены дремоты, услышав необычное название: Плетельщик снов. Красиво.

– Кроме профи я к ней никого не подпущу! А профессионал обязательно потребует отчёта в том, что здесь происходит.

– Ну да...

Борис ненадолго задумался. Келдыш, засунув руки в карманы, бродил туда-сюда. Раньше Агата не замечала у него такой привычки: он просто наматывал километры по комнате. Наверное, так куратор борется со своей сонливостью. Или со своим беспокойством...

– Насколько ты мне доверяешь? – спросил Дегтяр таким странным тоном, что Агата резко взбодрилась. Келдыш остановился, глядя на друга исподлобья. Сказал через паузу:

– Ты о чём?

– Отвечай на вопрос.

– Я верю только Лизке и тебе. Достаточно? И что дальше?

– Я мог бы сам заняться её сновидениями.

– И что, я могу теперь спать? – с надеждой спросила Агата. – Это так просто – вы изменяете мой сон, и мне больше ничего уже не грозит?

Игорь негромко рассмеялся, Дегтяр поцокал языком.

– Просто! Девочка моя, да ты меня переоцениваешь! Эти способности, конечно, свойственны нашей природе, но я ведь не настоящий Плетельщик снов.

– Не плетельщик он, – проворчал Келдыш. Он сидел у камина с рюмкой в руке – всё-таки огонь разожгли, потому что Агата теперь постоянно мёрзла. Игорь и ей плеснул немного красного вина – сказал,

надо расслабиться: – А кто на первом курсе всю декаду перед каникулами насылал на меня кладбищенские сны?

– А нечего было поджаривать мою любимую летучую мышь!

– А чего она запуталась в моих волосах? Ещё и оцарапала до крови!

– А кто тебя заставлял отращать такие длинные волосы?

Агата переводила глаза с одного на другого. Да, кажется, друзья весело проводили свои студенческие годы! Просто позавидуешь.

– Думаешь, Агата, только тебе приходится... лихо? Ты вон на Игоря погляди.

Агата послушно поглядела. Сидевший в кресле Келдыш скрестил на груди руки и поудобнее вытянул ноги.

– Сколько ему прилетало от своей собственной магии! Это как гормоны: бушуют, и как ты их не подавляй, не контролируй, взбрыкивают в самый неподходящий момент. Я тебе про него такого бы мог порассказать – волосы дыбом!

Келдыш поморщился.

– Вот только давай без натуралистических подробностей!

Дегтяр подмигнул Агате – совсем не весёлым глазом.

– Мы очень не любим делиться своими юношескими проблемами! Хотим выглядеть в глазах прекрасных девушек супербезупречными. Но поверь мне на слово – было-было. Вот, например...

– Бори-ис...

– Что?

– Рот закрой.

– Закрыл, – послушно сказал Дегтяр. – А если ещё вспомнить...

И отбил рукой полетевшую в него диванную подушку. Довольно крякнул и затих, глядя на Келдыша. Продолжил неожиданно:

– А знаешь, как трудно мне было стать хирургом?

– Почему? – отозвалась Агата, стараясь зевать не слишком откровенно. – По баллам в медицинский не прошли?

– По баллам, – повторил Борис, глядя на неё странно. – По баллам, это да. Быть вампиром – и одновременно человеческим лекарем – ну что может быть проще и естественней?

Агата начала понимать. Села попрямее.

– Вам не разрешали быть хирургом, потому что вы... не человек?

– Нескончаемые шуточки насчёт тяги вампиров к крови. Насчёт того, что я наверняка съедаю после операции то, что ампутирую, – улыбка, точно оскал крупного злобного пса. – Нет, юмор я, конечно, понимаю... Но не весь. И не всегда.

Келдыш шевельнулся:

– Кое-кто потом больше так не шутил.

– Но всем ведь не набьёшь морду, а? А сколько было тех, кто промолчал, хотя думал так же?

Агата задумалась.

– А как вам вообще... живётся? Среди нас? Среди людей?

– Глобальненький вопросец, – прокомментировал Игорь вполголоса. С ожиданием посмотрел на молчащего Дегтяра: – А? Мне тоже очень интересно.

Борис послал ему непонятный взгляд и сказал Агате:

– Поговорим в другой раз – на свежую голову. Не хочешь ли уже поспать?

– Да, конечно! – она с готовностью улеглась на диван, подбив под голову подушку. Нашарила и натянула на себя плед. – А я буду чувствовать, как вы... плетёте?

– Вот ты нам потом и расскажешь. Игорянь, а ты, – спросил Борис, не оглядываясь, – соснуть не желаешь?

– Желаю, но мне наведённые сны уж точно ни к чему.

– Формулирую доступнее: вали к себе в спальню, ты будешь мне мешать!

– Дяденька, не гоните меня, я же только посмотрю-ю... – проныл Игорь от камина.

Дегтяр развернулся к нему всем корпусом.

– Ты же говорил, что мне доверяешь?!

– Доверяю, – подтвердил Келдыш и не сдвинулся с места. Вытянул ноги на соседнее кресло, поставил рюмку на живот. – Приступай, хватит филонить!

Глава 5

Странные стоят нынче погоды...

– Скверно, – услышала Агата.

Кажется, она проспала всего мгновение, но за отодвинутой оконной шторой уже ощутимо светлело. Агата поглядела сквозь ресницы. Мужчины стояли над ней, переговариваясь негромко. Келдыш – выпавшийся, в свежей майке, обтягивающей широкие плечи. Дегтяр, впервые за всё Агатино с ним знакомство выглядевший усталым, говорил:

– ...сопротивляется изо всех сил. Я ей петлю – она мне десять. Виток – она его расправляет. Я её вытягиваю из Пустыни – она меня хватать за ноги – и я уже в песке по щиколотку... Хреново дело, Игорь!

– Скажи чего поновее, – пробурчал Келдыш.

– Я к тому, что её Пустыня затягивает, а здесь ей и зацепиться не за что. Она сама туда уходит, понимаешь?

– Чего тут не понять, не ори! Да за этот год любой взрослый с катушек слетел бы. Все её достали. Начиная с меня. Она хоть поспала?

– Немного. Но тебе придётся следить хорошенько, пока меня не будет. Я посоветуюсь со своими... Да и отдохнуть, знаешь, мне тоже теперь не мешает. Я ж тебе не профессионал всё-таки!

Келдыш ухмыльнулся:

– Что, сильна?

– И чему это ты так радуешься? Что не ты один мучаешься? Кстати, если сокращается продолжительность самого сна, то и фаза сновидений наступает быстрее, учти это.

– Учту.

Агата поспешно зажмурилась – Келдыш склонился над ней: запах влажной мужской кожи, аромат то ли одеколona, то ли средства для бритья... Услышала негромкое:

– Мортимер, а подслушивать нехорошо!

Разоблачённая Агата распахнула глаза. Виновато похлопала ресницами.

– Доброе утро?

– Встаём! – скомандовал Келдыш. – Утренняя зарядка! Холодный душ!

Куратор-садист! Хотя наверняка сам он уже всё это проделал... Агата еле-еле поднялась и, заплетаясь в собственных ногах, направилась в ванную.

– И литр кофе! – сказал ей Келдыш в спину.

Она чуть не задремала, сидя на краю ванны – какая уж тут зарядка! Да и холодный душ тоже... Агата осторожно потыкала пальцем в ледяные струи, и поняла, что этого она просто не переживёт.

С кухни бодряще тянуло кофе. Литр – не литр, но чашку ей налили пребольшую. Агата отпила горько-сладкий напиток и огляделась.

– А где Борис?

– Ушёл. Вечером вернётся.

– У него что-нибудь получилось?

– А вы сами как думаете? Помните, что вам снилось?

Агата нахмурилась. Не сны, а какое-то сплошное мелькание... То она падает на мягкий пружинящий песок в пустыне, то бредёт по коридорам Института, то танцует на серебряной нити, натянутой над тёмным – ни единого огонька – городом. И ещё кажется, она летала. Но не одна: прозрачные дымчатые крылья, туман вместо лица...

– Борис пытался сделать – что? Заменить мои сновидения своими?

– В некотором роде. Когда вы начинали видеть Пустыню, он пытался вас оттуда вытянуть – на ходу придумывал и сплетал новый сон.

– А почему он спрашивал у вас о доверии?

Келдыш помолчал.

– Способность проникать во сны присуща всем вампирам. В той или иной степени. И этой способностью можно воспользоваться по-разному. Можно, например, зачаровать, вплести в сновидения Зов – и

тогда человек сам придёт туда, где его ждут. А можно запутать до такой степени, что ты уже не понимаешь – что тут сон, а что явь...

– Я помню... вы как-то на него сердились, что он зашёл ко мне ночью. Вы боялись, что Борис меня зачаровывает?

– Думаю, всё-таки имеется у него такое искушение. Но скорее, не столько ради себя, сколько для своей разлюбленной.

– Анжелики?

Келдыш кивнул. Агата задумчиво подышала ароматным кофейным паром, струящимся из кружки. Всё-таки Игорь точно огнеупорный – любит всё горячее. Обжигающе горячее.

– А за что вы так Анжелику не любите?

– А за что вы-то её любите?

Вопросом на вопрос, нече-е-естно!

– Ну я не знаю... всегда легче объяснить, за что не любишь, чем наоборот... Она добрая. Любит Бориса, вашего друга, между прочим! Хорошо ко мне относится. И ещё она...

– Да-да, я слушаю?

Агата поглядела исподлобья.

– Она несчастная.

Келдыш хмыкнул.

– А-а, так вы обожаете всех встречных несчастных? Надо будет запомнить!

– Не смейтесь, ей и правда плохо.

– Я понимаю так, что вы опять проводите какие-то свои аналогии... Все мы сравниваем себя с кем-нибудь, это нормально. Но всё-таки есть разница между жертвой и палачом.

Агата захлопала глазами:

– А?

Келдыш откинулся на высокую спинку стула, постукивая пальцами по столу. Поглядел в окно.

– Для меня Климова олицетворение всего того, что я ненавижу в нас, магах. Безответственность, беспринципность, эгоизм, эксперименты только лишь ради экспериментов... И потому считаю: всё, что с ней случилось, – справедливо.

Агата сжалась – конечно, всё это не только про Анжелику, Игорь сейчас говорит и про её родителей! Но всё же попыталась возразить:

– Но ведь Анжелика учёный! Для того чтобы узнать, исследовать что-то новое, они должны идти и на риск...

– Вот и пусть рискуют, – Игорь поднялся, резко сдвинув стул. Отошёл к окну. – Но только сами. Одни. Не вовлекая в свои эксперименты ни в чём неповинных людей.

Больше спорить она не решилась. Поглядывая в спину куратора, уныло запивала бутерброд кофе. Бывают в жизни ситуации, когда правы все. И как тут разберёшься и как тут что-то исправишь?

– Пойдём погуляем? – сказал Келдыш, не оборачиваясь.

Агата чуть не подавилась.

– А?

– Хорошая погода, говорю.

Агата глянула мимо него в окно. Даже отсюда, из тёплой кухни было слышно, как свистит за окном ветер. За ночь температура упала градусов на десять; и не поверишь, что только вчера Стефи загорала в парке! Небо стало мерзко-ноябрьским: кажется, ещё чуть-чуть и пойдёт снег.

– Хорошая?!

– Просто ведьмина погодка, – сказал Келдыш. Он уже улыбался. – Ваша погода, Мортимер! Самое время для прогулок. Пойдёмте проветримся, взбодримся. Да не ёжьтесь вы, не ёжьтесь, выдам я вам какой-нибудь свитер!

Дал. Агата в который раз уже поправила ворот-хомут, попыталась (безнадёжно) причесать волосы то так, то эдак. Какая же она страшная – ну в смысле, больше обычного. Лицо на фоне чёрного свитера просто мучнисто-белое, глаза глубоко запали, кажется, даже морщины появились... Может, она так рано стареет?

– Пошли-пошли, хватит прихорашиваться, – нетерпеливо сказал Келдыш, промелькнув мимо зеркала. – Вы и так прекрасны.

Предложить ему свои очки – для зрячести? Агата вздохнула и, подворачивая длинные рукава, выбрела наружу. Ветер тут же с удовольствием отвесил ей чувствительные пощёчины и растрепал с таким трудом укрощённые волосы. Ещё и мелкими брызгами окропил. Агата с опаской поглядела на небо.

– А вы зонтик взяли?

– Не сахарные, не растаем.

Агата брела рядом с энергично шагавшим Игорем. Кажется, что она не пару дней провела в полусне, а целый месяц, ноги просто ватные, словно ступаешь не по твёрдым плитам площади, а по зыбкому болоту.

– А я думала, раз вы огненный маг, вы любите тепло и не любите дождь...

– И жить мне следует в Африке, конечно? Вы очень упрощённо рассуждаете, Мортимер.

Агата неожиданно разозлилась.

– А вы не можете называть меня просто по имени?!

Игорь мельком глянул на неё.

– Могу, конечно. Не знал, что это так вас раздражает.

Агата посопела: мощный заряд злости пропал впустую – утонул в спокойном озере келдышевского ответа. Если б она могла сформулировать, объяснить ему, как понимала сама! Ведь совсем недавно Игорь сам говорил Осипенко, что, называя её «объектом», ДМН абстрагируется от неё как от человека. Вот и он... пытался абстрагироваться. Заслониться печально известной фамилией от самой Агаты.

Келдыш продолжал как ни в чём не бывало:

– По некоторым особенностям характера *стихийные* маги безусловно очень близки. Вот огневики, например, как правило, крайне упрямы, вспыльчивы и любят преодолевать препятствия.

Агата вспомнила Димитрова. Да и сам Келдыш... Ну да. Очень упрямы.

– Значит, вы занимаетесь мной из-за своего упрямства?

– В том числе.

Очень хотелось спросить – а ещё из-за чего? Да наверняка ничего приятного она не услышит: ещё обзовёт её каким-нибудь... трудным препятствием. Высоким барьером.

– А Борис какой маг?

– Маг воздуха. Вампиры, как правило, представители именно этой стихии, есть ещё и немногочисленные земляные. Огненных нет.

– А... моя мама кем была?

– Тоже воздух. Изменчива, непостоянна, коварна, – перечислял Келдыш, поглядывая на неё. Наверняка ожидал, что дочка бросится на защиту. Не дождётся. Она тоже упряма, хоть и не огневик...

– А стихии наследуются?

– Как группы крови, хотите сказать? Разумеется, пытались проследить закономерности, но пока вывести не удалось. Кстати, у не-магов тоже может родиться одарённый ребёнок. Хотя, кто его знает, вполне возможно, что в семье присутствовал какой-нибудь троюродный дедушка – слабенький неинициированный маг. Хотите покачаться на качелях?

– А?

Келдыш дразняще качнул металлические качели: они дребезжали и скрипели, выломанное сиденье заменяла картонка.

– Я вам что, маленькая?

Келдыш вздохнул:

– И я тоже не маленький, увы! Но я бы покачался. Боюсь только, под моим весом они окончательно придут в негодность. Тогда идём дальше, я покажу вам город.

– Да я вроде уже видела, – пробормотала Агата, зарываясь в воротник свитера до самого замёрзшего носа. Двигаться не хотелось от слова совсем.

– Ничего вы не видели!

Сегодня Келдыш показал ей столицу иную – не спящую и ошеломляющую, и даже не исторически-знаменитую – просто старый центр с множеством узких улочек, переулков и тупиков. Зелёный и цветущий. Уютные дворики, скамейки и трогательно ухоженные клумбы с сиренью, черёмухой и яблонями. Одинаковых домов здесь просто не было: разнообразные окна, двери, арки, козырьки, крыши, лепнина – то освежённая краской, то облезлая и полуразрушенная. На многих зданиях висели памятные таблички; Агата в конце концов бросила их читать – всё равно ведь не запомнишь, кто где и сколько жил и чем был при этом знаменит. А ещё здесь встречались старые дворовые ворота со шпильями и узорными решётками и переброшенные через узкие городские речки мостики с коваными перилами. То и дело обнаруживались небольшие фонтаны; может, горожане в старину набирали из них воду, как из колонок? И сидели тут же на бортиках, под журчание струй обмениваясь сплетнями и новостями...

Всё это было настолько необычным – всего в нескольких кварталах от гудящих широких магистралей и высотных зданий – что казалось просто другим миром. Даже солнце то и дело выныривало из плотных облаков, чтобы вместе с Агатой рассмотреть очередную мощёную улочку.

Келдыш рассказывал то о своём детстве, то историю той или иной улицы или здания – да, без работы, если его уволят (не дай бог, из-за неё, Агаты!), он явно не останется! Пойдёт в настоящие столичные гиды. Агата так увлеклась, что и думать забыла про сон.

Любопытное солнце наконец решительно и окончательно раздвинуло тучи. Мгновенно потеплело.

– Может, зайдём в кафе?

– Да жарко уже стало! Давайте лучше на набережной посидим.

– Тогда принесу вам мороженого.

Агата уселась на парапете, болтая ногами и поглядывая то на дверь кафе, за которой скрылся Келдыш, то на редких из-за внезапной непогоды прохожих. На ближайшем кусте – как он называется? – росли белые мелкие цветочки. Агата сорвала ветку. Запах сильный, но приятный.

Келдыш всё не появлялся, и прилив бодрости, вызванный увлекательной прогулкой, начал понемногу таять. Как-то резко потемнело, от Сени подул холодом. Агата начала опять дрожать и ёжиться, даже толстый кашемировый свитер уже не спасал. Да что такое сегодня с погодой творится?! Кажется, вот-вот снег повалит... Зайти и правда в кафе погреться?

На крыльце появился Игорь. Застыл с двумя рожками мороженого в руках. Поглядел в небо. Дунуло ветром, на его тёмные волосы опустился сорванный с куста белый цветок... снег! Крупные хлопья

снега – просто праздничного новогоднего снега – падали, оставляя на асфальте тёмные пятна. Агата бездумно вертела в пальцах веточку, глядя, как Келдыш идёт к ней сквозь внезапно закружившую метель. Как красиво: и снег, и... он. Когда Игорь добрался до неё, все его волосы были припорошены снегом. Не спуская глаз с Агаты, куратор замедленно положил уже ненужное мороженое на парапет, снял куртку и набросил ей на плечи. Куртка была тяжёлой и нагретой.

– Не надо, – слабо запротестовала Агата, с радостью впитывая его тепло.

– Надо-надо, – как-то рассеянно отозвался Игорь. Огляделся по сторонам. Снег начал редеть. Посветлело.

– Эксперимент, – неожиданно объявил Келдыш. – Не поймите неправильно...

Взял Агату за талию, снял с парапета и – обнял.

Обхватил, прижал крепко, словно укутывая собственным телом. Агата ошеломлённо замерла. Уткнувшись лицом в его шею, слушала ускорявшееся биение собственного сердца, тихо, осторожно вдыхала его запах, его жар, его силу. Какой же он большой и горячий – ещё немножко и она расплавится, растает... как этот только что выпавший редчайший летний снег.

Келдыш, стоявший неподвижно, повёл головой – щёку Агаты царапнула жёсткая кожа его подбородка. Сказал неожиданно:

– Ну вот, я так и думал!

Агата перевела дыхание, приходя в себя. Думал – что? Что именно так она и отреагирует? Зашевелилась, смущённо пытаясь освободиться. Келдыш тут же отпустил её – но лишь на расстояние вытянутых рук. Приказал:

– Оглянитесь.

Агата заторможено огляделась. Ни снега, ни туч не было уже и в помине, лишь голубое небо и солнце – как оно и положено летом.

– Мортимер, – торжественно заявил Келдыш, по-прежнему держа её за плечи. – Прекратите нам портить погоду!

Глава 6

Пески Пустыни

– ...Я об этом и раньше подумывал. Замечал кое-какие закономерности. Помните, совсем недавно город просто плавился от жары – тогда вас Осипенко буквально допекла, вы сами рассказывали?

Агата перестала скрести ложкой растаявшее в блюде мороженое. Они, как сказал Келдыш, решили больше не «экспериментировать с климатом» и вернулись домой.

– Хотите сказать, я... Да ну, вы всё выдумываете, это просто совпадение!

Келдыш, как обычно, не обратил на её протесты никакого внимания.

– Потом вы начали не высыпаться. Обратите внимание – вчера вечером вы почувствовали себя плохо, и на улице моментально похолодало. Ночью немного поспали – температура держалась на уровне обычной весенней. Едва вы начинаете сегодня... эээ... вянуть, как погода портится. Взбодрились, отогрелись – и вот оно, солнышко!

Агата послушно посмотрела в окно: и правда, снова солнце. Покачала головой:

– А теперь поглядите на меня! Я что, выгляжу такой... крутой? Всемогущей?

Келдыш хмыкнул.

– Менять погоду – не всемогущество. Любой крепкий маг-стихийник (исключая земляных) может это сделать. А если ещё освоить специализацию Погодника... Просто, как обычно, вы делаете это неосознанно. Любопытно.

– Ну да, – сказала Агата хмуро. – Вы всё это в свой блокнотик не забудьте занести.

– В какой блокнотик?

– Ну у вас ведь заведён на меня блокнотик, да? Как у Осипенко. Только она изучает меня честно, а вы...

– ...а я крайне бесчестно, – закончил за неё Келдыш. – На том и сойдёмся. Я пойду что-нибудь поесть приготовлю. Вы как?

Агата протёрла очки. Бесполезно. Она всё равно видела окружающее словно сквозь туманную дымку. Наверное, просто глаза устали – нагляделись на столицу за несколько часов прогулки.

– Да мы же только и делаем, что едим!

– Ну уж куриный бульон вам фигуры не испортит!

Фигуры! Если бы она была ещё, фигура-то. Единственная радость – что живота нет. Впрочем, как и всего остального...

Агата пощёлкала пультом от телевизора. Где-то тут была юмористическая передача. Но шутки оказались дурацкими, плоскими, как стол, а смех зрителей – просто идиотским ржанием. И над чем смеются, спрашивается? Агата вернулась к каналу передач про животных. Львица кралась по саванне, охотясь на антилоп. Когда она прыгнула и повалила бедную антилопку на землю, Агата на секунду закрыла глаза. Не хочу видеть, как львица её ест...

...Она лежала посреди пустыни, раскинув руки и ноги, и глядела в небо. Странное бордовое небо клубилось прямо над ней. На это небо можно смотреть бесконечно – как на горящий огонь или текущую воду. Тихо, так тихо... здесь никто не найдёт её – ни Осипенко, ни твари из Кобуци... Ни мёртвые люди. Шевельнувшись, она почувствовала,

как мягко подаётся под ней песок, просто обволакивает... присыпает сверху ноги, руки, грудь... Так уютно, тепло. Безопасно.

Агата вновь подняла глаза – и увидела, как на неё обрушивается небо...

– Дыши! Дыши, чёрт тебя подери!

Сильный удар в грудь. Агата охнула, закашлялась и распахнула глаза. Над ней склонились два лица – Келдыша и Дегтяра. Анжелики не было: Борис сказал, ей не нравится их задумка, и поэтому она больше не приходит.

Дегтяр наклонился над диваном, держа её за руку. Агата недоумённо заморгала.

– Что случи...

Для произнесения слов требовалось почему-то большое усилие, и она судорожно вздохнула. Келдыш, стоявший возле дивана на коленях, осел на пятки. Был он каким-то... встрёпанным и тоже тяжело дышал.

– Ага, – сказал Дегтяр. – Есть восстановление сердечной деятельности!

Прямо на плече валялись использованные шприцы, жгут упругой змейкой торчал над её стянутым плечом. Ещё один шприц Борис держал наготове.

– А что...

– Ты перестала дышать, – сказал Дегтяр. Подцепил пальцем жгут и ловко ввёл какое-то лекарство. – Всё, Игорь, расслабься.

Только тогда Агата поняла, что тяжесть на её груди – скрещённые ладони Келдыша. Он убрал руки, она глянула на себя и поспешно натянула плед до самого подбородка.

– Вы тоже расслабьтесь, – сказал Келдыш хмуро. – Я всё это уже видел. И не раз.

– Да-а?! – спросил Борис, восторженно вскинув брови.

– Без комментариев! – отрезал Келдыш. Оттолкнувшись от дивана (тот качнулся), встал и принялся мотаться по комнате: туда-сюда, туда-сюда.

Они следили за ним, пока Борис говорил:

– Ты внезапно уснула – да так крепко, что Игорь тебя никак не мог растолкать. Свистнул мне, я принёсся со своим волшебным чемоданчиком...

Агата покосилась на задёрнутое окно.

– Так белый день же...

Дегтяр демонстративно передёрнулся:

– Да уж, я заметил! И притом – очень солнечный. Будешь мне оплачивать больничный, если что... Игорян, да угомонись ты уже!

Келдыш в последний раз развернулся и встал у окна. Сдвинул штору (Дегтяр, раздражённо зашипев, отодвинулся от упавшего на

пол солнечного луча) и принялся рассматривать что-то на улице. Поглядывая на него, Борис сказал:

– Напугала ты нас до смерти!

– Извините, – пробормотала Агата. – А что такое со мной было? Зачем вы мне уколы ставили?

– Клиническая смерть.

– Что?!

Борис начал загибать пальцы.

– Остановка дыхания. Остановка сердца. Синюшность кожных покровов... продолжать?

– Лучше не надо, – Агата натянула одеяло до самых глаз. Он бы ещё про трупные пятна сказал! Она что, чуть не умерла? С чего бы это? Не было у неё никакой клинической смерти – ведь не летала же она над диваном, не видела никакого тёмного тоннеля со светом в конце, ни себя со стороны...

Только Пустыню.

Глава 7

То ли сон, а то ли явь

Или продолжение странствий по Институту, или обрывки коротких снов-видений, из которых её неизменно выдёргивает знакомое, требовательное, всё более раздражающее прикосновение...

...Приходит Агнус и гневно требует что-то, тряся перед её лицом длинным разворачивающимся свитком. Свиток горит, от пергамента отпадают чернеющие, корчащиеся в пламени кусочки. Но когда пепел падает Агате в ладони, он не жалит – тёплый и мягкий.

...Жрец в чёрной одежде простирает руки к алтарю, с которого довольно скалится зубастое чудовище. Ещё бы ему не быть довольным – золочёная морда измазана красным... кровью из распоротого маленького тельца на каменной плите перед алтарём...

...Анжелика сидит перед постелью человека: его руки-ноги пристёгнуты к кронштейнам кушетки, тело выгибается судорожной дугой, по напряжённой шее ходят волны дрожи, взгляд распахнутых глаз бессмыслен и тёмен. Анжелика озабоченно покачивает головой и заносит данные в планшет у себя на коленях...

...А вот и сама Анжелика на лабораторном столе – знакомая обстановка ИМФ – к расширенному специальным держателем глазу, подносят лампу дневного света. Зрачок сужается, веки трепещут от рези, по лицу текут жгучие слёзы...

У слов «опыты» и «пытки» одинаковый корень.

– Поцелуйте меня.

Не верится, что она это сказала. Да, это точно не она! Другая, лежащая на диване, взлохмаченная, зарёванная, то и дело уплывающая в Страну фей... то есть, в Страну снов... какая разница! Агата сонно и насмешливо и немного удивлённо наблюдала за ней: вон, что ляпнула! Вон, что решила попросить.

Хотя *просят* обычно не таким требовательным тоном. Это был скорее приказ.

Красивый усталый мужчина (Келдыш, вспомнила Агата), сидевший в кресле неподалеку, приглушил телевизор и повернул голову.

– Что вы сказали?

Он всё прекрасно слышал, поняла Агата. Просто не поверил своим ушам. Или дал шанс девушке на диване увильнуть: сказать, что ничего она не говорила, или говорила, но совсем другое... Но девушка – вот ненормальная! – повторила с тупым упрямством:

– Поцелуйте меня!

У неё распухшие нос и губы, глаза отекли от недавних слёз – да она плачет непрерывно последние два дня... или уже две недели? Кому такую захочется целовать? Вот и Келдыш не хотел.

– Мортимер, вы не в себе... вы сама не понимаете, что говорите! – отрезал он.

Девушка вздохнула.

– Почему же не понимаю? – спросила рассудительно. – Я всё понимаю. Я хочу, чтобы вы меня поцеловали. Что тут может быть непонятного? – Подумала и добавила – ему в утешение: – Вы ведь меня уже целовали, помните, там, в Кобуци?

Игорь мягко поднялся. Сунул руки в карманы, прошёлся по комнате, остановился у окна. Сказал, не оглядываясь:

– Я тогда думал... я считал это сном. Да это, в конце концов, и был сон!

– «Что такое сон? А наша-то жизнь не сон»? – Девушка положила голову на подушку. Пояснила: – Это цитата, не помню, откуда... А мы сейчас с вами точно не спим? А то я уже путаюсь... я и правда сегодня чуть не умерла?

– Вчера. Это было вчера.

– Да-а-а? Ну вот видите, я позавчера... а, нет, вчера!.. чуть не умерла, а вы меня даже не поцеловали ни разу. В смысле – наяву. Придётся уже целовать в лоб, когда меня в гроб положат, знаете, как покойников целуют перед тем, как крышку заколотить?

Игорь хмыкнул. Подошёл и сел на диван.

– Ну вот, я же говорю, несёте чушь несусветную! Ещё скажите: «Выполните последнюю волю умирающей!»

Девушка осторожно придвинулась, подлезла ему под руку – так что Келдыш поневоле приобнял её за плечи. Заглянула снизу в лицо: тени под глазами, незнакомые морщинки у рта, между бровей. Келдыш посмотрел и отвёл взгляд.

– А вы не можете... немножко притвориться?

– Притвориться?

– Ну, что это всё ещё сон... что я вам снюсь, то есть мы друг другу снимся... и что я вам... ну... чуть-чуть нравлюсь? По-настоящему?

Келдыш прижал её голову к груди – так что девушка даже шевельнуться не могла. Вздыхнул:

– Мортимер, Мортимер, ну что мне с вами делать?!

– А вы меня поцелуйте, – подсказала она.

...Вы знаете, что бывают десятки, нет, сотни поцелуев?!

Она не знала.

Агата спала, и ей ничего не снилось. Наверное, потому что рядом был Келдыш. Проснулась, вынырнула из тьмы без сновидений, только когда он мягко высвободился из её рук и поднялся. Вышел из комнаты, ступая практически бесшумно. Агата повернулась, сонно вдыхая запахи его кожи, его одеколона, оставшиеся на подушке... И услышала звенящий голос Лизы:

– И что здесь происходит?!

– Не то, что ты думаешь.

– И сколько осталось до того, что я думаю?

– Так. Пошли на кухню.

Невнятный возглас, возня, придушенный голос Лизы:

– Да убери ты свои клещи, сама пойду!

Агата встревоженно села, но комната поплыла перед глазами, и она вновь привалилась к спинке дивана. Стук – видимо, Лиза кинула или уронила что-то.

– Наготовила, несла вам покушать. Идиотка!

– Почему же идиотка? – пробормотал Игорь, шурша чем-то. – Очень вкусно.

– Ну?!

– Вчера у Агаты была клиническая смерть.

Лиза с дребезжанием двинула табурет. Помолчала.

– Тогда почему она здесь, а не в больнице?

– Мы с Борисом её откачали.

– Почему ты не отвёз её в клинику?! Ты же отвечаешь за неё перед законом! В следующий раз может не повезти, и девочка умрёт... Да прекрати ты жрать, когда с тобой разговаривают!

– Сама принесла еду, теперь отбираешь... Я не ел давно, отдай!

– Скверно выглядишь.

– Ты на неё погляди. Краше в гроб кладут.

Правда? Агата потрогала своё лицо: щёки ввалились, глаза, наверное, тоже. Спohватившись, попробовала расчесать-разодрать пальцами спутанные волосы. Пугало огородное! И как это он согласился её поцеловать?

– Я понимаю, вы пытаетесь помочь ей, но Игорь, тебе не кажется...

– Признаю, мы с Борькой придумали полный бред, но это лишь временная мера.

– А дальше что?

– Думаем. Это мясо?

– Мясо... ты разогрей сначала. А ты не думаешь, что девочка может навредить тебе?

– Агата? Чем это?

Лиза понизила голос:

– А ты что, не понимаешь? Ты же взрослый адекватный мужик! Ты её куратор! Игорь, ты понимаешь, что при малейшем подозрении в растлении несовершеннолетней...

– Ну-ну?

– Что – «ну-ну»?! Ты можешь слететь не только с должности куратора, но и загремишь под суд? Ты каким местом думаешь – головой или... чем?!

– А ещё ночью приходит Борис, и мы тут организуем любовь а ля труа! – раздражённо перебил Келдыш. – Давайте-ка оградим её от моих... теоретических сексуальных домогательств, вернём Осипенко – и пусть девчонка благополучно загнётся там, в ИМФ, главное – не у меня дома! Так, что ли? Какие у тебя предложения?

Пауза.

– Предложение Осипенко кажется мне вполне разумным, – тихо сказала Лиза.

– А мне – нет! Жалею, что сказал тебе. Агата, просыпайтесь, наша Лиза пришла! Нам еды принесла...

Лиза заглянула в кабинет только чтобы сказать «добрый день» и вновь скрылась на кухне. Там и гремела дверцами и посудой. Кажется, они с Келдышем всё-таки очень похожи...

Агата робко пристроилась с краю стола и принялась щипать пирог. Аппетита у неё не было. Совсем. Игорь в комнате разговаривал с кем-то по телефону. Агата поглядывала на сновашую по кухне Лизу – та не присаживалась ни на секунду: тёрла, резала, жарила, усердно намывала посуду, и на Агату не смотрела.

– Знаете... – тихонько сказала Агата. – Игорь ко мне не... пристаёт.
Правда.

Лиза, не оборачиваясь от мойки, отозвалась сухо:

– Очень на это надеюсь. Только и ты его давай не провоцируй. Не маленькая уже, взрослая девушка, должна соображать, что к чему.

Агата принялась тереть ладонью щёку – чтобы скрыть предательский румянец. А попросить себя поцеловать – это провокация? Наверное. Игорь ведь вовсе не собирался её целовать, это она на него... хм, набросилась?

Ну да, а он так сильно отбивался...

Ей казалось, что она нормально – ну, относительно нормально, пару часов всё-таки! – выпалась и не ожидала, что уснёт, едва прислонившись к спинке дивана.

Разбудили её, кажется, прямо тут же, выдернули из тёплого сумрака сна, и ещё не раскрыв глаза, она начала плакать:

– Ну дайте же мне поспать...

– Вам больше нельзя!

Агата разрыдалась. Она совершенно не могла остановиться – рыдала и рыдала в голос.

– Но я больше не могу! Не могу, понимаете? Я хочу спать... я умру, если не посплю ещё... хоть немножко!

Ей было очень жалко себя, очень обидно – ведь они-то с Борисом спят, сколько им влезет, а она только уснёт, как её тут же расталкивают! Казалось уже (а, может, и не казалось?), что люди из её снов – давно не существующие, но всё ещё живущие – теперь легко преодолевают прозрачную, совсем истончившуюся границу реальности, и ходят, говорят, двигаются вокруг. Если это не сумасшествие, тогда что? Ещё немного и они заполнят всё пространство вокруг. Или она станет такой же – никому не видимой, никому не слышимой; тенью, не знающей, что она уже давно умерла...

Всё это – всхлипывая, подвывая, захлёбываясь – Агата попыталась объяснить стоявшему перед ней Келдышу. Наверняка он ничего не понял – кроме того, что она очень-очень-очень хочет спать. Наконец Агата стихла. Села прямо, вытирая нос и глаза. Сказала, глядя в сторону:

– Извините. Я не... не хотела.

Келдыш протянул ей платок. Присел на край дивана, облокотился о колени, рассматривая пол под ногами. Лица его Агата не видела.

– Что, совсем уже нет сил терпеть?

Агата вздохнула. Её било дрожью – и от слёз, и от недосыпания.

– Я попробую... только спать хочется. Очень.

– Моргтимер. Вам нельзя видеть сны.

– Да. Вы говорили...

А, может, вы ошибаетесь. Может, Осипенко права хотя бы в этом... Агата увидела, как куратор двинул лопатками: точно он отвечал её мыслям, а не её словам.

– Ну хорошо, поспите ещё немного, – сказал Игорь. – Я посторожу вас.

– И разбудите снова?

– Разбужу, – сказал он.

Поднял голову и встретился взглядом с сестрой, стоявшей на пороге.

– Игорь, – тихо сказала Лиза.

Келдыш вновь уставился в пол. Посидел молча. Неожиданно резко – даже диван качнулся – поднялся и вышел. Когда Агата вновь открыла глаза, он уже стоял над ней с трубкой телефона. Слушал длинные гудки и смотрел в стену. Когда кто-то отозвался, сказал кратко:

– Я согласен.

И положил трубку.

Глава 8

Ловушка

...Люди теснили Келдыша – медленно, настороженно – они словно не хотели, чтобы началась драка, и одновременно были готовы её начать. Келдыш говорил им что-то сердитым голосом, до Агаты доносились только отдельные слова:

– ...поговорить... ну поговорить-то можно? Да пусти ты меня... руки, руки, говорю!

– Игорь, успокойся. Подожди, не вмешивайся. Игорь...

Агата смотрела на них, цепляясь за косяк двери. Кто-то пытался разжать её пальцы – она уже не обращала внимания, кто. Она почему-то начала очень чётко видеть и лицо Келдыша, и лица тех, кто его удерживал, – точно всех обрисовали жирным карандашом. А ведь очки валяются где-то под ногами, ещё и разбились наверняка, вспомнила она. И забыла. Зачарованно глядела, как люди наливаются изнутри цветом: больше всего было красного (огневики, шепнула память), серебристого и золотого (металешки). Наверное, в боевые маги набирают именно из этих Стихий. Димитров тоже собирался стать Бойцом...

Кто-то из них толкнул сильнее – над плечами и головами взметнулась рука Келдыша. По ней бежала красная волна со слепящими высверками белого. Он *заражен* и её, мортимеровской магией. Не стоит им драться с ним. Не надо...

Кажется, его всё-таки ударили, потому что Игорь охнул. Агата отпустила косяк и шагнула вперёд.

– Стойте, – сказала.

Почему-то все её услышали. И даже послушались. Жёсткие пальцы, удерживающие её, соскользнули с плеч – или она их попросту стяхнула? Люди оглядывались на Агату – и так замирали. Некоторые начали отступать, и в просвете между ними она увидела Келдыша. Он был цел и невредим, но очень зол и оттого внутри него крутилось и раскалялось жаркое пламя. Буро-грязные пятна, которые она когда-то видела... в Котле? плавилась и сгорала в этом огне.

– Агата, – сказал он. Имя так ударило по ушам, что в голове у неё плеснуло болью. И рассыпалось эхом: Ага-та... та-а... а-а-а!..

Вокруг крутились разноцветные прозрачные вихри – чужие эмоции – поднимались и опадали. Бойцы выставляли перед собой щит: тот тоже мерцал и беспрерывно менял окраску, словно они колебались, какую защиту лучше использовать. Теперь Агата поняла, почему Димитров решил, что плохо видит – зрение волшебников очень отличается от зрения обычного человека. Им, наверное, даже не надо догадываться, что чувствует собеседник, это просто видно. Сейчас магов окружал страх. Сосредоточенное собрание силы и одновременно неуверенность, что эта сила поможет им выстоять... против чего?

Против кого?

Агата повернулась. Техник маячил где-то вдалеке, в его вскинутой руке сиял измеритель чего-то там где-то там... Осипенко же стояла совсем рядом. Глядела на Агату неотрывно – точно впитывала, всасывала её широко раскрытыми глазами. Чёрно-синяя... Больше чёрная. Так она, оказывается, водяная. Неужели Зигфрид тоже станет таким, когда вырастет?

Её имя вновь рассыпалось вокруг них долгим эхом, разрывая сети, которыми пыталась опутать её Осипенко; лопавшиеся нити звенели, точно гитарные струны. Келдыш освобождал сейчас Агату, как она когда-то – Магию, запертую в Котле.

Игорь шёл к ней очень медленно: кажется, он движется против сильного течения, которое в любую секунду может сбить его с ног. Вслед ему неслись предостерегающие возгласы. Протянул руку, но не дотронулся – как будто между ними была прозрачная стена, а он всё пытался и пытался коснуться Агаты. Даже пальцы дрожали от усилий.

– Агата, – вновь сказал он, и на этот раз её имя прозвучало песней – ей даже понравилось. – Не надо!

Чего – не надо?

– Пожалуйста...

Агата шагнула-качнулась к нему навстречу. Прозрачная стена между ними треснула, разбилась, осыпалась с оглушительным звоном, слышным только им двоим. Келдыш поддержал её, пошатнувшуюся,

за локти. Агата заморгала, прогоняя мешавшую нормальному зрению радужную плёнку.

– Что... не надо?

Игорь молчал. Люди – обычные люди – за его спиной, застывшие в странных напряжённых позах, выпрямлялись, оглядываясь с недоумением и облегчением, обменивались короткими возбуждёнными фразами.

– Что вы наделали?! – резким голосом спросила Осипенко над самым её ухом. – Мы же были так близко!

Келдыш криво улыбнулся:

– Близко – к чему?

Нона резко махнула рукой, точно бросила в него что-то, и развернулась к технике:

– Ну, что там?

– Зашкалило, – доложил он издалека, глядя на Агату странно... с опаской? Агата уже начала жалеть, что то, второе, магическое, зрение внезапно исчезло. Тогда всё казалось таким ясным и понятным. А теперь рядом стоит Игорь, держит её за локти, усмеяется в лицо Осипенко – и не понять, чего он, и все, кроме ДМН, так испугались.

– Заберите её! – приказала Осипенко. – Что вы там топчетесь? Боевые маги, называется! Не смогли справиться с одним назойливым Ловцом и с одной школьницей!

– Ни хрена се школьница! – пробормотал кто-то за Агатиной спиной, взял её за плечи осторожно и крепко.

Когда расцепили их с Игорем руки, стало неясно, кто кого поддерживал (может, друг друга?) – из Агаты словно разом вынули все кости, а качнувшегося Игоря подхватили и усадили на ступеньку крыльца. Ловец уткнулся лбом в ладони. Осипенко глядела на него сверху, нетерпеливо постукивая носком бежевой туфли. Заявила обвиняюще:

– Мы с вашей помощью почти получили нужный результат! Какая муха вас вдруг укусила?

– Да держись ты, господи! – пробормотал мужчина, закидывая «кисельную» Агатиной руку себе на плечо. – Что, совсем стоять не можешь?

До неё доходило – медленно, но доходило. «Как до утки на пятые сутки», – обычно приговаривает бабушка. Агата глядела на склонённый затылок Келдыша.

– Вы это что... вы всё нарочно подстроили? Вы с ней заодно?!

Келдыш даже не шевельнулся и головы не поднял.

– Я доложу об этом руководству! – не обращая на неё внимания, продолжала Осипенко. – У вас и без того достаточно прегрешений перед Службой, так что вы сами роете себе могилу, ловец! Всё, хватит разговоров! – разговаривала, между прочим, только она одна. – Тащите её в машину!

Агату действительно «оттащили». Усадили на заднее сиденье, пристегнули. Рядом разместился здоровенный дядька, сказал добродушно:

– Буянить-то больше не будешь? Ну и хорошо!

Когда это она буянила? Прижавшись щекой к спинке сиденья, Агата глядела на Келдыша. Наклонившаяся над ним Лиза тормошила его за плечи, говорила что-то. Но Келдыш сидел, свесив между колен руки, и смотрел на Агату. Смотрел, как её увозят, и ничего не делал.

И тогда она поняла, что действительно осталась одна...

Её водворили в привычную осипенковскую лабораторию. А сами ушли – совещаться, наверное. Агата стянула джинсовую куртку, бросила её на стул, из кармана что-то выпало и покатилося по полу.

Крис Келдыша.

Наверно, засунул ей в карман, когда они стояли рядом – там, у его дома. С утра кристаллизатор был у него на пальце, она помнила. Агата стиснула кольцо, ища, куда бы его вышвырнуть – ни мусорки, ни открывающейся оконной створки.

Хотя...

В чём крис-то виноват? Ведь кольцо теперь и её немножко. Если даже не наполовину. Она просто не будет надевать его, и Келдыш её никогда не найдёт.

Да и пытаться не будет, конечно. Зачем это ему?

...Келдыш ходил бесшумно по комнате туда-сюда, туда-сюда. Точно маятник гигантских часов. Агата поглядывала на него, но не приставала – наверное, из-за ссоры с сестрой переживает. Остановился только когда у дома послышался шум подъехавших машин. Выглянул в окно, побарабанил пальцами по подоконнику, наблюдая, и, буркнув: «Кажется, по вашу душу!» – вышел в холл. Агата, подумав, побрела следом, чуть не столкнувшись с выбежавшей из кухни Лизой.

Келдыш оглянулся на них, предупредив:

– Лизка, вот только ты не суйся! – и, не спрашивая, открыл дверь.

За ней оказалось неожиданно много народу.

Пауза – или немая сцена. Игорь молча смотрел на пришедших. Те тоже молчали, не пытаясь ни войти, ни поздороваться. Наконец между мужчин протиснулась Осипенко: Келдыш и не подумал посторониться. Нона вытянула шею, высматривая Агату, увидела и кивнула:

– Агата, собирайся, ты идёшь с нами!

– Зачем это? Никуда я не пойду!

Лиза беспокойно скручивала сухое полотенце, глядя широкими глазами то на неё, то на брата.

– Так, – сказал тот – очень спокойно. – Давайте-ка выйдем на улицу. Все!

И довольно бесцеремонно развернул и подтолкнул Осипенко. Та открыла было рот, но неожиданно смолчала и послушно вышла. Мужчины, с которыми она заявила, – тоже.

Агата кинула вопросительный взгляд на Лизу – та не двигалась с места, но выглядела очень несчастной – и побрела следом за Келдышем. Наблюдать за переговорами.

Дурочка! Её же просто выманивали из дома. Чтобы она сгоряча чего в нём не порушила...

Глава 9

Летаргия

Агата сунула крис в тесный карман джинсов и повернулась к двери. Спросила устало:

– И что вам ещё от меня надо?

За дверью как будто ожидали вопроса – Осипенко влетела в лабораторию, сопровождаемая своими лаборантами и ещё какими-то людьми в строгих костюмах.

– Агата, нам срочно нужна твоя помощь! Рада, что вы наконец-то бросили играть с Ловцом в детские игры...

– О чём вы с ним договаривались? – перебила Агата. – Чего добивались? Осипенко отмахнулась.

– Это неважно, важно, что он нарушил договорённость и в результате будет наказан. А теперь – ты должна нам помочь!

Агата сонно удивилась сочетанию слов: *помочь – должна?* Посмотрела на мужчин у двери: её не выпустят отсюда, пока она им не «поможет». А если попробовать пробиться, вызвав состояние огня, которому её обучал Келдыш? Швырнуть файербол в дверь – заодно и повышенную защиту лаборатории проверить?

Огонь не приходил. Только дрожь то ли от холода, то ли от недостатка сна, туман в голове; плывущая пелена перед глазами искажает очертания предметов... И сердце – маленькое, скукожившееся. Пропускающее удары.

Агата, двигаясь медленно, точно древняя старушка, забралась с ногами в кресло, обхватила колени; съёжилась, глядя на мир сквозь пряди нависших на лицо волос. Мужчины переглянулись с заметным сомнением: не казалась она им подходящей для выполнения ответственной миссии.

Зато Осипенко, как обычно, не колебалась. Деловито сообщила Агате:

– Сейчас в Кобуци над районом научного центра образовался своего рода защитный купол, куда не могут попасть ни пограничники, ни чистильщики, ни дезактиваторы!

– Какое горе, – безучастно пробормотала та. – А раньше ведь так просто было – пошёл выгулять щеночка, заодно и НИЦЭМ посетил...

Осипенко слегка озадачилась, но отнесла эти слова на счёт Агатиной усталости.

– Начальник СКМ знает о достигнутых нами результатах, и он согласился, что опыты необходимо продолжать. Ты должна сейчас же отправиться в Кобуци, всё хорошенько осмотреть и запомнить, а при пробуждении рассказать нам до самых мельчайших деталей.

– А девушка может доставить в НИЦЭМ парочку приборов?

– Мы несколько раз пытались пронести различные предметы либо туда, либо оттуда. Неудачно. Но всё равно попытка не пытка.

Агата ответила ДМН ничего не выражающим взглядом. Ещё какая пытка! Молча встала и поплелась к кушетке.

– Какая-то она у вас... слабенькая, – заметил с сомнением один из эскаэмовцев. – Вы уверены, что девчушка справится?

– Справится-справится! – нетерпеливо отозвалась Осипенко. Но, кажется, лишь после его замечания обратила внимание на вид своей подопытной. – Да, Агата, ты сегодня что-нибудь ела? Если нет, из буфета принесут горячее.

– Не хочу, – сказала Агата. Легла на знакомую кушетку, свернулась клубком, засунув руки между колен. Ей предлагали то, чего она хочет сейчас больше всего на свете – спать. Это самое важное в жизни. Она ведь им ничего не обещала – попадёт она там в Кобуци или не попадёт? Хоть выспится как следует. Правда, опять может присниться Пустыня... Но в последний раз же ей ничего не снилось?

Да, потому что рядом был Келдыш...

Кто такой Келдыш? Не знает она никаких Келдышей. Его не существует. Призрак – как и все вокруг.

– Вы знаете, – честно предупредила она, последним усилием разжимая веки, – а я ведь могу и не... проснуться...

– Что? Это тебя опять твой сумасшедший куратор пугал? Ерунда! Помни, мы все на тебя надеемся и очень ждём твоего возвращения. Ты обязательно должна доставить нам сведения о происходящем в Кобуци! Чем быстрее заснёшь, тем быстрее проснёшься. Агата, засыпай спокойно!

«Спи спокойно, дорогой товарищ!»

– Спокойной... ночи... всем.

И Агата закрыла глаза.

– А её напарника по сновидениям вы тоже не можете разбудить?

Дегтяр смотрел на Агату. Она ощущала его касания, хотя Борис даже не шевелился: прохлада обвевающего лицо сквозняка, холодок у

затылка, льдинки у висков. Очень странно было чувствовать это и одновременно наблюдать всё со стороны.

– Вы имеете в виду реципиента?

– Реципиент? Не Плетельщик снов?

– Видите ли, мы с самого начала уже пробовали Плетельщика, чтобы вызвать необходимую реакцию, но...

Борис кивнул:

– Но дело не пошло. Знакомо. Так что там с реципиентом?

– Ничего. Мы его к этому сеансу не подключали.

Пауза.

– Не подключали? Почему?

– Требовалось срочное погружение, просто не до того было – отыскивать, вызванивать, ждать, пока он доберётся до института! Это ведь не летаргия? Подопытная... её состояние в норме, все физические показатели соответствуют фазе быстрого сна. Мы уже начали вводить искусственное питание, поэтому, собственно, кроме затяжного сна объекту ничего не грозит.

Консультант-вампир медленно повернул голову и посмотрел на Осипенко. Смотрел он очень долго и очень внимательно. Даже непрошибаемую ДМН на этот раз проняло; женщина слегка попятилась, спросила нервно:

– Что такое?! Вы уже сталкивались с подобными случаями?

– Будем работать, – сказал Борис таким странным, тягучим низким голосом, какого Агата у него никогда не слышала – кажется, даже температура в лаборатории резко понизилась.

– А как?..

– Уходите.

– Но...

– Пока я здесь, с девочкой ничего непоправимого не произойдёт. Не мешайте мне. Вы уже и без того, – Борис коротко указал на кушетку, – сделали всё, что могли.

Интересно, уловила ли Осипенко подтекст слов «сделали всё, что могли»? ДМН нервно кивнула; сунув руки в карманы натянувшегося халата, вышла.

Дегтяр опустил в пластиковое кресло у кушетки. Долго смотрел на лицо Агаты. То ли произнёс, то ли просто подумал:

– Почему ты его не пускаешь?

Не было нужды спрашивать – кого. Да она и не смогла бы спросить. Как и ответить.

Дегтяр скрестил на груди руки – это было его последним движением. Мужчина застыл в кресле. Лицо его менялось, всё меньше и меньше напоминая человеческое...

Вскоре в Лаборатории сна в сон погрузились уже двое.

В один и тот же сон с одним дыханием на двоих.

Видимо, она в Кобуци уже не первый день, иначе с чего бы в институте так всполошились? Но возвращаться в явь решительно не хотелось – что там делать? Опять отвечать на бесчисленные вопросы Осипенко? Опять засыпать по команде?

Нет, не будет она просыпаться – во всяком случае, пока.

В Кобуци гораздо интереснее. И главное – здесь нет ни одного человека. Даже странные и страшные местные обитатели до сих пор никак ещё себя не проявили. Наверное, ушли отсюда, спасаясь от новой напасти.

...Потому что сейчас в котловане НИЦЭМа варилась странная, никогда не готовая и никому не предназначенная каша – водоворот, который когда-то видела птица Агата, заполнял его теперь целиком. Эта кобуцевская... магия (если это магия), имела странный... вкус. Странный цвет. Вернее, цвета у неё не было вообще. Никакого. Ни традиционного зловеще-чёрного, ни даже равнодушно-серого.

Это она растекалась по Кобуци, обволакивала корни трав и деревьев, ползла по оврагам, углубляя и продлевая их, проникала под холмы и скалы, растворяя их основания. Она не то чтобы разъедала или разрушала – опустошала, поглощая, превращала всё на своём пути в саму себя же. Скоро здесь будет целое море текучей, равнодушной и бесконечной... субстанции.

Волшебники доигрались.

Агата вспомнила Пустыню: а может, и тот мир когда-то существовал или существует, но поглощён такой же странной силой, вызванной неосторожными экспериментами?

Тут же, словно вызванные её воспоминаниями, надвинулись хорошо знакомые зелёные волны-барханы, нависли, грозя обрушиться, засыпать...

Агата встрепенулась, вытряхивая уже посыпавшийся за шиворот песок – Пустыня, вспугнутая этим движением, отступила, растворилась в холмах и равнинах Кобуци, но Агата не сомневалась, что в любой подходящий для Пустыни момент та проявится снова.

Но кто и почему решил, что она должна умереть в Пустыне? Мало ли кто что говорит... они, эти говорящие, и без того слишком много ей врут.

От чего ей туда бежать?

От кошмаров.

От накапливающейся усталости.

От бессилия что-то изменить.

От недавнего предательства.

Этого ведь слишком мало, чтобы захотеть умереть?

Глава 10

Явление дракона

Вдали, то ли в мареве, то ли в тумане проявились приближавшиеся дрожаще-размытые силуэты.

Ещё до того, как Агата смогла разглядеть их, она поняла, кто это.

– И открыть этот ваш портал ты не можешь? – спросил Грач.

Попыталась, когда они появились. Надо же предупредить, что в Кобуци в куполе заперт ещё и пограничник: Даниил со своим щенком бродил в районе НИЦЭМа уже вторые сутки, никак не мог пробиться сквозь невидимую, но от этого не менее прочную преграду.

Однако стена НИЦЭМа оставалась просто стеной: пыльной, прочной. Не пропускающей её в явь и в Столицу. Поначалу Агата очень не хотела возвращаться в осипенковскую лабораторию, в действительность, которая была куда печальней и запутанней сна. Видимо, до такой степени не хотела, настолько плотно захлопнула за собой дверь в реальный мир, что открыть её стало невозможно.

– А Игорь сможет сюда попасть?

– Без меня нет. Ну разве что, если просто приедет из Столицы. Но он всё равно окажется по ту сторону купола...

И правда, интересно, чем там Келдыш занимается, пытается как-то к ней пробиться? Да вовсе неинтересно! И ничего он не пытается – отдал её Осипенко и теперь умывает руки!

– Купола?

– Ну барьера, преграды, как это назвать?

– Сказал бы я, как это назвать... – пробормотал Грач. – Но тебя же будут отсюда вытаскивать?

Может быть. А может, Осипенко решит, что постоянный сон гораздо лучше, чем почасовой ежедневный... Удобнее для её исследований.

– Не знаю, получится у них или нет. А тебя ведь тоже свои ищут?

Грач с усиленным интересом начал изучать свой автомат.

– Ну...

– Пограничники не знают, что ты здесь? – поняла Агата.

– Ну, – Даниил почесал дулом автомата у себя за ухом – очень рискованная, на её взгляд, привычка, пусть даже оружие наверняка на предохранителе. Или не наверняка? – После всех этих запросов со столицы и замеров объявили район «горячей зоной». Ну я решил – смотаюсь напоследок, погляжу, что да как... – взгляд искоса. – Думал, может, вы ещё здесь появитесь.

И теперь вместо одной подопытной в НИЦЭМе оказалось целых трое. Знай об этом Осипенко, она была бы просто счастлива – лабораторный материал задаром! А может, каким-то образом за ними

всё-таки наблюдают? Агата подозрительно поглядела по сторонам, потом наверх – в тусклый, словно прикрытый бельмом, глаз солнца: оно, как прищипленное, стояло над головой всё то время, что Агата здесь находилась. А со всех сторон к светилу незаметно и неумолимо подбирались мутно-прозрачные стены «купола»...

Ну да, теперь помимо летаргии мы будем страдать ещё и паранойей! Манией преследования.

– И связаться с пограничниками ты никак не можешь?

– Не-а. Я уже всё перепробовал – мобилу, рацию. Сплошной треск и стук.

– А-а-а... какой-нибудь другой способ?

Парень уставился на неё круглыми птичьими глазами.

– Какой другой? Сигнальные огни, что ли, зажечь?

А что, идея! Почему не попробовать, раз ничего другого не остаётся? Или, например, начать бить в тамтамы...

– Ну какой-нибудь волшебный? Неужели ничего другого маги до сих пор не придумали?

Грач предсказуемо взъерошился.

– Я не маг, что, неясно сказано?!

– Врёшь, – равнодушно сказала Агата. Обычно когда на неё кричали, она либо терялась, либо обижалась. Но сегодня ей было не до своих переживаний... или до нежных нервов упрямых мальчишек-пограничников. – В Кобуци нет просто-людей, здесь они, наверное, не выживут. Я знаю, что ты маг. Сильный Земляной.

Грач, дёрнувшись, вскочил. Поглядывая в его напряжённую спину, Агата рассеянно гладила морду жмурящегося Рипа и прикидывала способы, какими волшебники могут друг с другом связаться. На ум приходила только телепатия, которую однажды продемонстрировала бабушка... да ещё кольцо-крис Келдыша.

Вот это – нет. Ни за что.

– Ну и... – она не успела закончить вопрос, как стоявший к ней спиной Даниил сказал неожиданно:

– И маги тоже не выживают.

– Что?

Грач обернулся, повторил, хмуро глядя на неё сверху:

– Не все выживают, говорю. Мои вот не выжили.

– А... – И Агата поняла. – Твои родители? Они... погибли? Здесь?

– Да, – губы парня скривились – казалось, он сейчас расплачется, но Даниил продолжал сухим отрывистым голосом: – Гасили эти грёбаные флуктуации. Военные с боевыми магами испытывали на полигоне совместное оружие. Говорят, всё у них там получилось, даже

в производство потом запустили. А на законсервированном полигоне пошла побочка... ну побочные явления. Приехали «ассенизаторы», мои тоже с ними отправились – там их всех и... накрыло, двое только выжили. Знаешь, что потом написала в заключении ваша... с-столичная комиссия? – Грач оскалил зубы. – Несоблюдение техники безопасности! Понятно?! Они сами виноваты! Что по приказу отправились на зачистку! Гасить эту хрень, которую грёбанные маги выдумали! Сами! Понимаешь? Сами во всем виноваты!

Его трясло. Агата привсталла на колени, нерешительно взяла парня за запястье. Она боялась, что Даниил её оттолкнёт, наорёт, даже ударит – но он, кажется, и прикосновения не почувствовал. Когда Агата потянула его за руку, шагнул, обвалился на землю рядом, словно у него внезапно подломились колени. Отвернулся от неё, как будто внимательно разглядывая что-то на горизонте. Судорожно вздыхал. На худой шее ходил кадык. Но стиснутая в кулак рука так и осталась в её ладонях...

Рип болтался туда-сюда вдоль стены, мотал головой и, периодически подходя к хозяину, «бодался» – толкал головой в плечо. Грач в ответ молча похлопывал его по загривку, щенок вздыхал и отходил.

– Что это он?

– Психует. Чует хрень какую-то...

Словно вокруг что-то было не... хрень.

Беспокойство росло. Агата обнаружила, что ломает пальцы, прежде чем поняла, что это беспокойство – не её собственное. Поглядела на пограничника. Грач сидел, прислонившись спиной к стене в обнимку со своим автоматом. Настороженно посверкивал по сторонам взглядом. Нет, не он. Парень воспринимал ситуацию как ещё одну ловушку Кобуци, а к ним, всяческим разным, он привык с самого детства. Привык драться, если справляется, и уносить ноги, если нет. И даже готов умереть, если ни то ни другое не удастся... Ну нет, это мы ещё посмотрим!

Методом исключения оставался Рип. Агата повернулась к щенку. Тот слонялся вдоль котлована, безадресно скалил акульи зубы, тонко поскуливал – почти неслышно, на уровне выдоха... Как там говорил ректор – понять, что животному нужно?

Агата прикрыла глаза, представляя себя на месте «щенка», представляя себя – им. Получилось неожиданно легко: сказались-таки ивановские тренировки! Или это странное порождение Кобуци было ей куда ближе и понятнее, чем обычные животные без малейших зачатков магии?

Ведь они с Рипом – оба выродки. В некотором роде.

...Рип вовсе не боялся. Нет, конечно, он был встревожен происходящим вокруг, но больше всего его беспокоило другое, совсем другое. Он хотел, он так хотел...

Агата поднялась и подошла к щенку. Погладила его по длинной, повернувшейся навстречу голове. Услышала, как недовольно засопел Грач. Но хозяин не погнал её – видимо, решил, неподходящая обстановка права качать. Агата погладила зверя по жёсткому носу, почесала за ушами и коснулась наростов на спине. Рип вздрогнул, но не отпрянул. Агата скользнула пальцами вдоль, нащупала выступ, ухватила сильнее, потянула на себя – и едва не упала – так резко и легко «нарост» поддался её усилию, выпрямляясь и вытягиваясь. Рип освобожденно вздохнул...

Агата попятилась и наступила на ногу подоспевшему Грачу. Тот оттащил её за шиворот подальше. И вовремя – с треском расправившееся крыло точно выстрелило, с силой ударив в землю перед её ногами.

Перед ними застыл чёрный дракончик. Низко наклонив голову, Рип косился и виноватым, и шkodливым глазом, не решаясь распрямить второе крыло: оно подёргивалось, приподнималось и опало.

– «Красного китайского дракона видели в предгорьях Тибета в тысяча девятьсот... каком-то году», – машинально повторила Агата строчку из бестиария.

Грач глянул мрачно, закинул за плечо автомат и с досадой хлопнул дракона по спине. Подбодрил:

– Да давай уже, не выделывайся!

Рип радостно расправил и второе крыло, энергично замахал обоими, нагоняя ветер. Сейчас он так походил на гигантского чёрного петуха – вот-вот закукарекает! Отплевывающаяся Агата смеялась и отворачивалась, заслоня лицо от маленькой пыльной бури. Смеялась она его эмоциям – облегчение, радость, освобождение...

– Когда догадалась-то? – хмуро спросил её Грач.

– Да только что. Это ты ему запретил крылья показывать?

– Ну.

Рип уселся, сложив одно крыло, другим поводил осанисто – то ли потягивался и разминался, а то ли просто хвастался. Агата порассматривала его и решила, что он похож скорее на горгулью, чем на... хм... полноценного дракона.

Грач помолчал и всё-таки решил продолжить:

– Я и не знал сначала, что он... ну, летучий. Подобрал в лесу – он тогда ещё полуслепой был, маленький, скулил... я его молоком выпаивал.

– От бешеной коровы?

Грач шутки не понял.

– Почему – бешеной? Обычной. У нас на заставе коровы есть. И козы. А когда он полетел... Ты же понимаешь, что его у меня заберут, если узнают? Насовсем заберут! Исследовать!

Вот это Агата как раз очень хорошо понимала. Кивнула:

– Не бойся, я никому ничего не скажу.

Присев на корточки, разглядывала и трогала крылья Рипа: тот охотно их демонстрировал. Гладко-бархатистая кожа, мягкие складки, стальная основа то ли из костей, то ли хрящей. Агата даже не поленилась поглядеть крыло на свет: как будто смотришь через закопченное на огне стекло. Щенок... то есть дракончик с удовольствием принимал её внимание и восхищение. Наверное, был рад-радёшенек размять занемевшие конечности.

– А знаешь, на кого он похож? На Пегаса!

– На кого?

– Ну такой... конь. Поэтический. С крыльями.

– Сама ты лошадь! – оскорбился за своего питомца Даниил.

Агата засмеялась. Да уж, такой драконий Пегас если и принесёт кому вдохновение на своих чёрных крыльях, то точно какое-нибудь постапокалиптическое. Кобуцевское. Да и сам Грач на трепетную Музу – или даже на *Муза* – ну никак не тянул. Со своим вечно хмурым лицом, военной формой и автоматом наперевес.

– А ты на нём летаешь?

– Ну.

– Высоко?

– Ну... выше деревьев, – Грач добавил, как бы извиняясь: – Ему пока тяжело высоко летать. Он же ещё не совсем взрослый.

Рип возмущенно заклекотал. Да, согласилась с ним Агата, а кто из нас троих совсем взрослый?

– Если... – Даниил как-то замялся. – Ну потом, когда всё закончится, захочешь, я тебя на нём покатаю. Да и вообще Кобуци покажу. Тут же не везде такая жопа, есть и прикольные местечки!

Спасибо, но приколов ей уже достаточно. Хотя... почему бы и нет?

– Договорились, – деловито сказала Агата, – я потом обязательно приеду. А сейчас, – она задрала голову и поглядела вверх, на сдвигающиеся над головой стены купола, – я знаю, как отсюда можно выбраться.

Грач обхватил шею Рипа длинными ногами, протянул ей руку:

– Давай садись! Ты куда – сзади или спереди?

Агата попятилась, даже на всякий случай спрятала руки за спину.

– Я не полечу!

– А чё, боишься, что ли? Да не бойся, Рип нас и двоих выдержит, правда, Рип? – Грач похлопал своего щенка-дракона по голове. Рип прижмурился. Он-то был готов попробовать, но вот только новый друг Агата пробовать не собиралась.

Поняв это, Даниил поскуchnел лицом. Огляделся.

– Не, я не понял! Ты чего, нас отсылаешь, а сама здесь остаёшься? Ты дура, что ли? В героиню, типа, решила поиграть? Ты же здесь вообще ничего не знаешь! Да Кобуци тебя прихлопнет, как мышку, или вон... упыри придут, кишки твои на кусты наматывают... Весело нам будет потом куски от тебя собирать! Если вообще что останется.

Агата заморгала. Образ у Даниила получился... убедительным. Очень зримым. До тошноты.

– Ты не понимаешь, – выдавила она.

Грач кивнул острым подбородком.

– Не-а. Не понимаю. И никто не поймёт, почему я кинул девчонку здесь, а сам взял и улетел!

Ей нельзя удаляться от НИЦЭМа. От точки входа, как называл это Ке... как это называется. Неизвестно, почему, но Агата была твёрдо в этом уверена. Иначе она вообще никогда не сможет вернуться. То есть проснуться. Даже если рассказать, что она сейчас спит и видит сон про него и про Кобуци, Грач всё равно не поверит. Агата представила, как тает-исчезает в руках Даниила после взлёта. И как он это объяснит – прежде всего самому себе? Что не сумел удержать девчонку, и та свалилась с дракона?

Но этих двоих нужно отправлять отсюда – и немедленно.

Это она тоже знала.

– Ещё не факт, что вообще что-то получится! – сказала Агата.

Грач вслед за ней вскинул голову, разглядывая тускнеющее небо – то ли «купол» уже захлопнулся и теперь опускался на них, то ли наконец-то наступал вечер.

– Ну вот и попробуем, получится или нет, – сказал пограничник просто, опять протягивая ей большую ладонь.

Агата вновь отступила, и Даниил, выругавшись сквозь зубы, собрался спрыгнуть на землю, чтобы... Чтобы что? Поймать её и силком погрузить на дракона? Она с ним не справится, вон он какой... пограничник.

– А ты уверен, что нас сверху не прихлопнет? – быстро спросила она.

Грач, уже перекинувший ногу через спину Рипа, помедлил. Снова задрал голову, и Агата поспешила закрепить успех:

– Ещё неизвестно, где опаснее: здесь или наверху. Ты же сам говорил, что вокруг нас какая-то хер... ну то есть неизвестная, неизученная флуктуация. Вот возьмёт и прихлопнет нас сверху! Как тут не бояться?

– Боишься, значит? – процедил Грач, взыскательно оглядывая небо.

Агата спросила со старательной наивностью, чтобы парень ни в коем случае не уловил подначку:

– А ты разве сам не боишься? – и с облегчением увидела, что пограничник вновь раздражённо усаживается на своего дракона. – Вот

вы сначала слетаете, разведаете там всё хорошенько, а потом быстренько за мной вернётесь. Да?

Грач глянул на неё сверху снисходительно, Рип – с грустью: ему не нравилось, что новый друг остаётся в этом опасном месте. Но раз хозяин приказал...

– Ну ладно, – покровительственно сообщил Даниил, – мы быстро.

И правда, надо быстро, очень быстро: «купол» темнел, становился непрозрачным и просто физически ощутимо давящим. Лишь в самом центре ещё оставалось светлое пятно размером чуть больше тусклой монеты солнца. Стремительно уменьшавшееся пятно...

– Улетай! – пронзительно крикнула Агата, хлопнув Рипа по боку. Отбила ладонь. Ещё и мысленно скомандовала: *Вверх! Быстрей! Улетай!* Дракончик прынул, распахнул крылья, резко взлетая; едва не свалившийся Даниил обхватил Рипа за шею. Агата зажмурилась и пригнулась, спасаясь от поднятой пыли и доносящейся сверху брани.

Рип поднимался по стремительно сужавшейся спирали: чёрная хищная птица с всадником на спине. Вот птица в последний раз взмахнула крыльями, сложила их и нырнула в уменьшавшееся отверстие...

Купол схлопнулся.

Глава 11

Шкатулка Пандоры

Она стояла над котлованом – тем, что когда-то было главным корпусом НИЦЭМа. Стояла и смотрела, как вниз, в бездонную воронку, сыпается земля, песок. Время. Зрелище просто завораживало: так ужасает и одновременно притягивает надвигающееся цунами или извергающийся вулкан. Агата даже не знала, сколько стоит здесь – может быть, всего час, а может, всю жизнь.

Она не слышала ни шороха, ни звука – ничего – и всё же спросила, не оборачиваясь:

– Вы хотите меня убить?

– Да, – ответила Анжелика.

Агата оглянулась. Женщина стояла рядом и, в точности как она сама, смотрела на зловещее варево.

– А почему? – спросила Агата с легким любопытством.

Почему, спросила девочка.

Потому что мне этого хочется. Самый простой... и не самый верный ответ.

Она стояла совсем рядом. Слушала, как бьётся сердце девочки – лишь чуть чаще обычного! Ощущала живой жар человеческого тела. Видела, как под тонкой белой кожей пульсируют алые артерии,

ветвятся голубые вены, сплетаются крохотные красные сосуды. Она будет очень осторожной и нежной, когда прокусит шёлковую девичью кожу, Агата даже не почувствует боли. И потом – лишь лёгкое головокружение, как от шампанского, тихий звон в ушах, приятная слабость-истомы, от которой захочется прилечь... Поцелуй смерти и поцелуй настоящей страсти – они так похожи!

И дальше, и больше – ничего.

Так было с ней самой? Не вспомнить уже.

Она почти ощутила запах солоноватый привкус горячей... никогда не пробованной человеческой крови. Уже клыки, повинуюсь желанию своей хозяйки, уперлись игольчатыми остриями в нижнюю губу...

Так почему же, повторила девочка. Глупая-глупая, не пугается, не бежит, не прячется из кошмарного сна в действительность... хотя вряд ли теперь это удастся. Требует ответа, словно всерьёз ожидает, что ей обоснуют необходимость её собственной смерти.

...Да потому что ты предложила мне выбор – пусть даже возможность выбора – там, где я считала, выбора уже нет!

Я другая. Совершенно другая. Я не человек. И я свыклась с этим. Как ты могла, как ты посмела возратить мне воспоминания!

И даже сновидения.

Мы не видим снов. Мы проваливаемся в пустоту несуществования между смыканием и подъёмом век. Или странствуем по разноцветной ткани человеческих сновидений: подглядываем, смакуем, издеваемся и восхищаемся.

Но ты вернула мне мои собственные сны.

Где всё ещё существует солнце, запахи, вкус сорванных яблок на горячих губах...

Сны, из которых не хочешь возвращаться и от которых, вздрагивая, просыпаешься со вскриком, как будто только что вынырнул из самого страшного и навязчивого кошмара. А рядом – он. Молчит. Только обнимает крепко, до боли.

И снова молчит.

Анжелика не ответила. Серые глаза её были почти бесцветными – под стать больной Кобуци. Наверное, все мы здесь больны, подумала Агата, раз добровольно забираемся туда, куда нормальный человек не сунется ни во сне, ни наяву.

А как Анжелика попала в Кобуци, ведь она же не звала её сегодня? Хотя, по словам Игоря... то есть куратора, вампиры могут свободно вмешиваться в человеческие сновидения. Но ведь тот же Борис не сумел, хоть и пытался там, в ИМФ: даже сейчас Агата чувствовала его прикосновения, лёгкие и раздражающие, как касания тополиного пуха.

Или...

– Это вы мешаете ему? Борису?

Вампирша перевела на неё взгляд прозрачных глаз и очень медленно, точно вспоминала, как это делается, растянула губы – Агату даже передёрнуло от этой её новой улыбки.

– Догадливая! Ему это не понравится. Очень, – шепнула Анжелика.

– Это вы со своим Центром всё здесь... сотворили? То есть, *что* вы сделали?

– Не знаю.

– Как не знаете?!

– Так: не знаю! – сказала вампирша с раздражением, но это было куда лучше – наконец хоть что-то живое. – В НИЦЭМе вели много тем, кое-какие были закрытыми.

– Закрытыми для всех?

Анжелика сверкнула глазами.

– Для всех!

– А знаете, – сказала Агата, — я тут немного порасспрашивала про вас у ДМН... ну то есть у Осипенко.

– И?

– Вы ведь были ассистентом Зимина, его правой рукой. А Зимин – глава и основатель Центра. Так что... – Агата выразительно пожала плечами: ну не хотите – не говорите, но врать-то зачем? И главное – кому? Всё равно же собираетесь меня убить.

Анжелика перевела её жест правильно. Повторила потише:

– Я не знаю. Вернее, не знаю, что послужило последним толчком для... – она показала в сторону котлована. – Мы пытались запереть Дверь. Даже подорвали главный корпус с подземными лабораториями, но не преуспели...

– Дверь?

Знакомый неопределённый жест руки – белой, тонкой, почти прозрачной – но удивительно красивой, можно до бесконечности любоваться изяществом косточек, блеском ровных удлинённых ногтей, рисунком ладони...

Агата растерянно сморгнула. Что там Стефи рассказывала про вампиров? Что они запросто могут заморозить любого? Видимо, вампирское очарование наконец начало действовать – нарочно или не нарочно его Анжелика пустила в ход. Так и правда скоро сама радостно подставишь запястье или шею – лишь бы тебе было хорошо, дорогой (дорогая)! Агата вспомнила, как буквально *заставляла* вампирских подростков укусить себя: глупо было надеяться так легко отделаться от «наследной» магии. Глупо было надеяться выкрутиться.

Глупо вообще надеяться на других.

– Дверь? – повторила она.

– Мы открыли шкатулку Пандоры... Знаешь, что это такое?

– О да, – сказала Агата.

Моя магия.

– И захлопнуть уже не смогли. На дне шкатулки даже надежды не осталось.

– Надежды?

– По легенде, когда из ящика Пандоры на людей высыпались все беды и болезни, на дне сохранилась хотя бы надежда.

Агата подумала и оценила:

– Красиво. А все эти... ну, твари... пришли сюда из-за Двери?

Женщина поглядела на развалины по ту сторону котлована. Сказала ровно:

– Не все.

Ох! А ведь она даже не догадывалась, не думала, что...

– ...это бывшие ваши сотрудники, да?

– Бывшие, – бледные губы шевельнулись, как бы пробуя слово на вкус. – Бывшие, да...

И женщина так стремительно схватила Агату за волосы, что та не успела не то что увернуться – даже моргнуть. Замерла, не сводя шурившихся от боли глаз с близкого изменившегося лица Анжелики. Страшно как...

Но не страшнее Инквизитора, неожиданно сказала себе Агата. Странно, но здесь, в Кобуци, она стала смотреть на происходящее как бы со стороны, словно сквозь трезвость дня на ночные кошмары: неприятно, конечно, но не так уж и страшно.

Хотя, по идее сейчас она, наоборот, смотрит на явь из сна...

А точно – из сна?

– Знаешь, почему я хочу тебя убить? – пальцы сжались ещё сильнее, затрещали не только волосы, но даже натянувшаяся кожа. – Ты у меня и надежду отобрала!

Ещё рывок. Агата чуть не взвыла: да с неё же сейчас просто снимут скальп!

– Какою... надежду? О чём вы вообще?!

Анжелика склонилась ещё ниже. Выдохнула:

– Ты зачем меня позвала? Зачем вернула? Сейчас меня бы уже не было. Всё бы уже закончилось! Я поверила, что смогу... А потом ты вытащила меня сюда, показала... – новый рывок, повернувший Агатину голову к развалинам. – Показала, кем я стану! Этого мало, чтобы захотеть тебя убить?

От сильного толчка Агата чуть не упала. Выпрямилась, оглянулась – Анжелики нигде не было не видно. Вернулась домой, то есть в явь? Надо бы радоваться, но... Агата осторожно ощупала голову – кожа онемела и одновременно горела, но волосы, кажется, на месте.

А может, женщина всё ещё здесь, просто ушла, как убегает иногда сама Агата – чтобы не разрыдаться на глазах у людей?

Или чтобы кого-то не убить.

Агата, поворачиваясь на месте, прокричала по сторонам:

– Ну конечно, я одна во всём виновата! Что родилась без дара и родители из-за этого создали магический источник, и потом ещё случилась война! Что получила – хотя и не просила – магию, и та свела с ума и убила Инквизитора и искалечила Славку! А теперь – оказывается! – виновата и в том, что у... «самодельной» вампириши жизнь не задалась! Давайте ещё обвиним меня в том, что здесь, – Агата топнула ногой и обвела окружающее раскинутыми руками, – случилось! Вы же здесь совершенно не причём! Вы же сделали, что могли! Ну не удалось закрыть Дверь до конца, развернулись и ушли. И пусть вся Кобуци скоро на воздух взлетит – вы тут абсолютно не причём! У вас ведь есть другие, более важные проблемы! Может, пора уже за что-то и самой отвечать, а?!

Речь, вернее, крик, оказались короткими – Агата с непривычки тут же сорвала голос. Пока откашливалась, обнаружила Анжелику: та стояла на стене, глядя на неё сверху.

– Это ты всё мне?

Агата устало отмахнулась:

– И себе тоже... Но может, вы вообще не станете такой, как они? На них ведь не только НИЦЭМовские опыты подействовали, ещё и облучение Кобуци или как это у вас называется. А вы ведь уехали отсюда почти год назад! Да и с самого начала были не такой, Борис мне говорил...

Анжелика неожиданно улыбнулась – слабо, но уже по-человечески. Кажется, она и правда уходила, чтобы успокоиться.

– Наш пострел везде поспел! Ты и с Борисом обо мне разговаривала?

– Ага.

– Зачем?

– Ну... – Агата пожала плечами. – Я считаю вас своим другом.

– Друг, который хочет тебя убить. Странные у тебя друзья, девочка.

Не находишь?

– У меня друзей мало. Так что не буду ими разбрасываться.

– Уже начала.

– Что? О чём вы? – Агата сразу поняла – о чём, вернее, о ком, – и отвернулась, с притворной внимательностью разглядывая туманные горизонты Кобуци.

В обычно невыразительном голосе Анжелики проклюнулось ехидство:

– А хочешь взглянуть, чем он сейчас занят?

– Не хочу!

...Агату кинуло вперёд, как при резкой остановке поезда. Даже головой пришлось потрясти, словно ударились ею о прочное стекло. А за стеклом...

Традиционно наличествовала спальня Келдыша.

Сам Келдыш тоже присутствовал, сидел на кровати – взлохмаченный, небритый. Майка мятая, мятые джинсы. Припухшее, тоже какое-то помятое лицо. Рядом стояла Лиза, что-то выговаривая брату. Агата подалась вперёд, буквально прильнула к несуществующему стеклу-преграде.

– ...так ты себя угробишь! Ты же видишь, это бесполезно...

Нет, вовсе она не ругалась – упрасивала. Келдыш отсутствующе смотрел в пространство и опустошал тарелку, стоящую у него на коленях. Агата вспомнила вдруг, что давно ничего не ела (несколько дней?) – питательный состав, который ей вводят в ИМФ, не в счёт – и у неё засосало под ложечкой. Келдыш сунул тарелку Лизе, отодвинул чашку с парящим то ли кофе или чаем, сказал хрипло:

– Таблетки принесла?

– Да, но...

Келдыш молча вырвал у сестры блистер, закинул таблетку в рот, подумал и добавил ещё парочку. Лиза, всплеснув руками, запричитала:

– Нет, ну какой ты всё-таки идиот! Нельзя же так! А вдруг ты тоже, как она, не проснёшься?!

– Заткнись, Лиз, – сказал Келдыш негромко, но как-то так, что Лиза сразу замолчала и покорно протянула ему стакан с водой.

Внезапно Игорь вскинул голову и посмотрел прямо на Агату. Серые глаза его расширились.

– Мортимер?! Вы?

Он даже приподнялся на кровати, подался вперёд, подобрался как перед прыжком...

Агата испуганно отпрянула и – больно ударились затылком о стену НИЦЭМа...

– Ох!

– Что, получилось? Ты увидела его?

– Д-да, – Агата растерянно потирала затылок: бедная её голова! – Это вы меня туда-сюда?.. Да вы же настоящий Плетельщик снов!

– Я пока могу путешествовать только по твоим снам, плести ещё не могу... Ты в самом деле видела Келдыша?

– А вы разве нет?

Анжелика качнула головой. Отросшие её светло-русые волосы взлетели пушистым облаком, как красиво... Ой! Агата опять поспешила отвести глаза и услышала:

– Сама я теперь к нему не могу попасть. Ни в сновидения, ни в дом. Он умеет ставить блоки даже против вампиров.

«Я не доверяю Климовой. Настолько неизвестный и непредсказуемый фактор».

И правильно не доверяет. Зачем Анжелика хочет к нему попасть? Может, тоже чтобы... убить?

– И что он там делает?

– Пьёт таблетки, снотворные, Лиза на него ругается, что он тоже может не проснуться. Также – это как я, да? Сначала пил, чтобы не уснуть, теперь наоборот, чтобы спать, вот развлекается... Что вы на меня так смотрите?

Женщина и правда наблюдала за ней – очень внимательно.

– Ты на него обижена... почему?

– Он... – Агата вздохнула и поглядела вверх, на темнеющее небо, чтобы не смотреть в глубокие, *затягивающие* глаза собеседницы. – Он меня обманул.

Пауза.

– В каком смысле? – медленно спросила Анжелика.

Агата моргнула: кажется, её неправильно поняли!

– Ох, ну не в том... то есть я не имею в виду... В общем, они с Осипенко сговорились и вдвоём устроили мне ловушку!

Рассказ вышел бессвязным, да и вообще всё, облачённое в слова, выглядело неубедительным и по-детски эмоциональным. Но оттого всё равно было не менее обидным.

– И ты решила, что твой куратор тебя предал?

– А разве нет?

Анжелика вдруг процитировала со страшно знакомыми интонациями:

– «Осипенко обещала оставить Агату в покое, если увидит её магию в действии. Я согласился... и проиграл».

– ...а?

– Келдыш рассказывал Борису. Осипенко предлагала ему это, и не раз. Видимо, Игорь уже плохо соображал от недосыпания, коли всё-таки согласился. Увидь Осипенко тебя во всей красе, *в действии* – тем более бы не отстала! Девочка, вы оба попались в ловушку.

Значит, Осипенко Келдыша буквально шантажировала – ею. И, в конце концов, он поддался, потому что боялся за неё. Если смотреть на всё с такой точки зрения... Ей ведь нравилось, что Келдыш за неё беспокоится, защищает.

Но было и ещё одно – Осипенко знала, что если нападут на Келдыша, Агата кинется его защищать и от испуга за него слетит с катушек – то есть прибегнет к своей магии. Осипенко знала, как она к нему... относится.

И Келдыш тоже это *знает*.

А она-то думала, он не замечает. Да он всегда, наверное, знал. Ещё и жалел наверняка: вот дурочка малолетняя, влюбилась! Или смеялся про себя.

Ещё странно, что всё-таки поцеловал её. Пару раз.

Ну... несколько.

Пар.

Раз.

Из жалости, что ли? Или в утешение? Как прилипчивым детям дают конфетку – да на, только отвяжись ты ради бога!

Ужас. Просто ужас!

Агата ещё не успела утонуть в пучине переживаний, как вампирша слетела со стены. На миг показалось, *слетела* буквально, таким длинным и плавным был прыжок и мягким приземление. Толчок тоже был мягким, но Агата просто впечаталась всем телом в стену. Хорошо ещё традиционно не приложились головой.

Да что её сегодня то туда, а то сюда?!

– Не двигайся! – предупредила Анжелика, не оборачиваясь.

Разумеется, Агата тут же «сдвинулась» – отлепилась от стены и шагнула к пристально наблюдающей за чем-то или за кем-то женщине.

Больная магия Кобуци, до сих пор равнодушно относившаяся к небольшому пятачку с развалинами и парой «спящих» девушек, неожиданно про них вспомнила (или заметила?). Язычки-щупальца двинулись от котлована, взрезая землю ещё не глубокими трещинами-расселинами: так прорастают на ускоренной съемке корни гигантского дерева. Или это гипотетический паук, обнаружив поблизости парочку ещё не пойманных мух, начал быстренько плести на них свои сети?

Агата поспешно измерила взглядом высоту развалин. Конечно, она не такая прыгучая (летучая), как Анжелика, но забраться наверх сумеет. Только дальше-то что? От развалин по другую сторону котлована, из которых на них с Келдышем напали местные обитатели, только груды мусора и осталась. Подточила их эта... хрень, сочащаяся из-за Двери.

Раздалось шипение. Казалось, это шипит от раздражения сама Анжелика, но приближавшиеся трещинки-щупальца задымилась и оплыли, побелели по краям, как будто на них плеснули серной кислотой. Движение прекратилось – «паук» призадумался над дальнейшей тактикой.

– А вы какой маг, огненный, да?

– Огненный... Как я могу быть огненной? Земляная. Пока земля ещё здесь наша и может сопротивляться... вот этому.

Все только и делают, что тебя защищают, а ты... Как же плохо быть неумелой, ненужной! Агата представила, как запускает гигантский файербол прямо в Дверь. Ага, и вместо того, чтобы закрыть, разносит её в клочья – пожалуйста, входите, кто пожелает, путь открыт!

– Келдыш сказал, что я могу быть как бы аккумулятором. Так что берите! – щедро предложила Агата.

Женщина почти засмеялась, не сводя глаз с неподвижных трещин.

– Боже... аккумулятор ты наш! Нам бы сейчас с тобой отсюда... проснуться, да вот не сможешь ты, прости меня, девочка...

– Это вы меня запутали? А я думала, что сама так не хотела возвращаться!

– Мы, похоже, обе... постарались... А!

Агата подпрыгнула от неожиданного вскрика, Анжелика – оттого, что под ней разверзлась широкая трещина: «паук» коварно напал из глубины, вырезав кусок земли прямо под её ногами. Вампирша упруго отскочила к развалинам, на ходу махнув Агате: «Беги!»

Дважды повторять не пришлось.

Сверху, со стен, было видно, как змеятся и множатся трещины-корни, переплетаются друг с другом, образуя сложно и густо сплетённую сеть. Можно было спрыгнуть по другую сторону стен и припустить наутёк, но когда это пришло им в голову, развалины были уже окружены со всех сторон. Да и далеко бы они удрали? Только до купола. Ага, и колотили бы в него руками-ногами-головами, чтобы привлечь внимание пограничников и столичных магов!

Анжелика металась по стенам, то ли изучая сеть, то ли колдуя. И периодически спрашивала, не может ли Агата проснуться. Нет? А сейчас? Агата раз за разом честно пыталась, но всё без толку.

Сеть шевелилась: нити-трещины переползали, словно борясь друг с другом за лучшее место под солнцем. Если навалятся всем скопом и «вырежут» развалины, как землю под ногами вампирши, они полетят... Куда? Агата решительно запретила себе представлять, но всё равно вообразила слишком явственно: дрожь земли, скрежет рушащихся плит и кирпичей, пыль до небес, они с Анжеликой, теряющие равновесие, цепляющиеся друг за друга и за стены и всё равно срывающиеся и падающие вниз, в тёмную бесконечную пропасть, где ждёт их... Кто? Паук-пожиратель? Дверь в другой мир?

Или просто смерть?

– Остановилось.

Сеть возле стен переплелась особенно густо, чуть ли не свернулась валиком – так копится грязная пена от волн, бьющихся о прибрежные камни. Нити то и дело пытались пробить невидимую защиту, тогда развалины гудели и дрожали, но отчего-то не могли даже коснуться фундамента. При одном особенно сильном толчке Анжелика потеряла равновесие – Агата ахнула – но, вскинув руки, женщина выровнялась.

– Так что пока мы в безопасности, – констатировала спокойно. – Ты пробуешь проснуться?

– Угу.

И как здешние нити-корни, постоянно натывается на невидимую преграду. Сейчас Агата обрадовалась бы даже страшноватым коридорам призрачного ИнЭМа: это значит, что она прошла первый этап возвращения.

– Хотя странно... – сказала Анжелика. Она повернулась к котловану, заложив руки за спину – тонкая, как лезвие ножа, и, как нож, холодная и опасная. Такую Кобуци просто так не возьмёт!

– Что – странно?

Женщина смерила взглядом расстояние от котлована до развалин. Раз, ещё раз.

– Странно, что только сейчас нами заинтересовались...

Повернулась и смерила таким же взглядом Агату.

– Что? – сказала та мрачно. – Я и в этом виновата? Наверное, нас не замечали потому что мы вообще не отсюда, не здесь находимся... Ну, вы поняли!

– Возможно, – сказала Анжелика, продолжая просвечивать её взглядом-рентгеном, – ты тоже становишься здешней. Коль здесь надолго застряла.

Вот только этого ещё не хватало! На них уже обратило внимание нечто из-за Двери. Из-за неё, Агаты, или всё-таки из-за более «здесьней» Анжелики – ещё вопрос, конечно. Скоро, наверное, ещё и местная живность, вернее, *нежить* придёт её поприветствовать – как свою, местную. Которую можно скушать.

...Агата оглянулась одновременно с Анжеликой и содрогнулась: ну вот, накликала! А ведь совсем недавно она радовалась, что здесь никого нет. Какое же оживлённое место эта Кобуци!

К НИЦЭМу нехотя, медленно, то и дело пытаясь свернуть или остановиться, приближались еле различимые в туманных сумерках силуэты...

Глава 12

Шкатулка Пандоры-2

– Они тоже боятся, – сказала Анжелика.

Тоже? Агата-то точно боялась даже лишний раз глянуть в сторону круживших у развалин существ. Хотя кое-кого опознала – например,

тех, кого они с Келдышем встретили в свой самый первый день в Кобуци. Здешних вампиров.

Остальные внушали не только страх, но и оторопь.

...Некто-нечто с таким количеством разнообразных конечностей, что напоминало непрерывно шевелившийся волосатый шар. Похожее на гориллу косматое громадное существо – оно едва не дотянулось крюком-лапой до их второго этажа. Не дотянулось, отошло и село, наблюдая. Агата покосилась на его непрерывно двигающуюся челюсть – «горилла» то ли кем-то успела перекусить, то ли перетирала бесконечную жвачку. Ещё нечто скользкое и длинное вилось вокруг развалин, словно заведённое... или нацеленное найти брешь в невидимой преграде, защищающей их от Кобуци и Двери. Поодаль металась, как зверь в клетке, скособоченная и горбатая... собака? Волк? Гиена? С каждым витком она злилась всё больше и двигалась всё резче.

Климова, в отличие от Агаты, рассматривала «гостей» с профессиональным интересом, будто классифицировала их в уме, да ещё и бирки навешивала.

...В который раз уловив краем глаза какое-то мерцание, Агата машинально повернула голову; Анжелика тут же заслонила ей глаза ладонью.

– Не смотри!

– Почему?

– Это Пыльник!

– Кто?

– Встретишься с ним взглядом – и сама превратишься в пыль!

Агата поспешно отвернулась, хотя глаза всё норовили разглядеть, что же скрывается за струящимся в воздухе маревом. Спихватилась:

– А вы как же?!

Женщина дёрнула острым плечом.

– Мне не страшно. Я не человек... уже. Интересно изучить способы его воздействия на людей... Да и остальных тоже. Некоторые экземпляры мне вообще не известны.

Интересно? О да, очень интересно! В кино на них смотреть. Или хотя бы из-за надёжного бронированного стекла ИМФ. Вот пусть там и изучают эти... феномены. Не здесь. И не сейчас. И не она, Агата.

Женщина точно услышала её мысли – произнесла с сожалением:

– Жаль, пока не получится. Видимо, это те, кто не успел удрать до... купола. Их пригнали назад, потому что по какой-то причине до нас не удаётся добраться.

Агата поёжилась.

– Значит, теперь будут добираться *эти*?..

Анжелика кивнула. Еле заметная её улыбка показалась Агате злорадной: уж не вспомнила ли в этот момент Климова, что она-то сама может в любую секунду удрать из столь гостеприимной Кобуци – то есть проснуться? Агата поколебалась и всё-таки спросила:

– А вам больше не хочется меня... убить?

Женщина слабо улыбнулась:

– Предлагаешь заняться этим прямо сейчас?

И вдруг схватила её запястье холодными, прямо железными пальцами. Агата дёрнулась от боли и испуга (вот ведь балда, сама напомнила!), но Анжелика просто дёрнула её за руку с призывом:

– Смотри!

Окружающее начало меняться...

Они сидели на стене – единственном пока неизменном месте – словно в кинозале, а перед ними на экране Кобуци появлялись нереальные, или вполне реальные, но не поддающиеся разуму картины.

...Сквозь уже привычную долину туманов стремительно прорастают острые чёрные скалы, тянутся к небу, вот-вот пропорют своими вершинами купол, но тут же идут рябью, обрушиваются, осыпаются, и...

...останки НИЦЭМа окружает пустыня... хорошо, не та, которую так боятся маги: красная, опаляющая настолько, что приходится заслоняться рукою, даже волосы на предплечье скручиваются и трещат от жара. Над раскалённым горизонтом горят два огромных сплюснутых солнца...

Толстые фиолетовые побеги прокалывают песок, растут, раздвигаясь, растрескиваясь, расцветаясь... и так далее, всё выше и выше – зрители заморожено поднимают головы – пока не огораживают НИЦЭМ мрачной тёмной стеной...

...которую раздирает в клочья ледяной ветер, секущий воздух звенящими сине-прозрачными осколками-льдинками.

Агата отвернулась от тошнотворно-бурой вертикальной воронки, угрожающей поглотить не только их с НИЦЭМом, но и всю провинцию разом. Крикнула, чтобы заглушить завывание и скрежет – наверное, скрипела эта давно не смазанная воронка:

– Что всё это... что это вообще такое?! – не надеясь, что ей ответят.

Но Анжелика отозвалась странно звучным, не похожим на привычный шелест, голосом (может, родная Кобуци придаёт ей силы? Вон, даже обычно бледное лицо порозовело. Или это отблески очередной фантазмагии?):

– Наверное, миры, через которые ОНО прошло!

У Климовой горели глаза – жалеет, поди, что в каждый не трансплантировано по видеокамере!

Целая коллекция миров. И что с ними стало? Если всё случилось как с Кобуци... у них, как червяк у яблока, выели сердцевину, и миры сгнили и разрушились?

Агата нахмурилась, сиюсь вернуть мелькнувшую и пропавшую мысль. Бесплезно: у неё кружилась голова и даже тошнило оттого, что она постоянно то ли летела, то ли падала в непрерывно меняющееся нечто.

– Купол – это своего рода капсула, – продолжала Анжелика, не сводя глаз с очередной бредовой картины (на фоне тёмно-серого плотного тумана суматошно металась чернильные пятна). – Закапсулироваться... защититься от неблагоприятных внешних условий? Впасть в спячку? Вызреть? Переродиться?

Озвучивает подряд все мысли-теории, которые ей приходят в голову? Может, так до чего-нибудь и додумается...

Согнанные к НИЦЭМу обитатели Кобуци тоже жалась к стенам. Агата старалась лишний раз на них не смотреть, но слышала доносившиеся снизу звуки: рычание, визг, шорохи, поскуливание, какой-то треск... То ли делали подкоп, то ли пытались вскарабкаться по стене, чтобы добраться до людей – или спастись на последнем устойчивом участке пространства.

Агата глянула на следующий образец «коллекции» – ослепительно белую равнину, расстилающуюся до самого горизонта (то есть до невидимого купола). Равнина казалась ледяной, если бы по ней время от времени не пробегали судороги-корчи. Глянула – и тоже подумала вслух:

– А может, он-оно всё это перебирает, чтобы подобрать ключ и к нашему миру?

Климова остро глянула на Агату:

– И он чует рядом ещё одну дверь? Через тебя, через твои сны – в реальность? В Столицу?

Если это так, то... о-ох, надо скорей проснуться! Агата, наконец, вспомнила, о чём подумала, но едва открыла рот, как Климова неожиданно оглянулась, словно её окликнули. Поморщилась:

– Борис меня будит... Ах, чёрт, как же не вовремя! Я всё им расскажу, но тебе придётся пока одной, мы постараемся побыстрее...

– Анжелика! – испугавшись, крикнула Агата.

Бесплезно – та растворилась в воздухе, бросив на прощание непонятное:

– Знаешь, девочка, а ведь тебе придётся прийти к нему самой...

– Что? – пробормотала Агата, беспомощно глядя на то место, где только что была Анжелика.

Она снова осталась одна.

Глава 13

Столкновение миров

Говорят, герой – это человек, который оказался в нужном месте в нужное время. Враньё! Всё как раз наоборот: в *ненужное* время и в *ненужном* месте...

И теперь не знает, как из этих времён и этих мест выбраться.

Не хочу, не хочу, не хочу, сказала себе Агата, я же не герой, никакой я не герой, мне бы сейчас только проснуться, а с этим всем пусть разбираются умные и опытные взрослые. Ага, вот они уже здесь и наразбирались!

Услышала себя со стороны: жалкое хныканье, чуть ли не скулёж. Ну и пусть, имею право! Тем более, что никто не слышит. Кроме этих...

Агата подползла к краю и посмотрела вниз. «Эти» сидели и смотрели вверх. На неё. И тоже чуть ли не поскуливали – от страха и невозможности до неё добраться.

– Сидите? – сказала им Агата. – Ну-ну. Сидите.

А вот ей сиди-не сиди, тяни-не тяни...

Агата поднялась, подрыгала занемевшими ногами. Поглядела на пыльные руки и вытерла их о пыльные же джинсы. Словно то, что она собиралась сделать, необходимо делать только чистыми руками.

Ни она, ни Климова не додумались сразу. Нечто, сочащееся из-за Двери, не просто разрушает миры. Оно забирает их основу...

Что такое Кобуци? Что меняет её, становится её воздухом, природой, почвой, основанием, пусть и таким изменчивым и зыбким? Чем пропитаны каждый камешек, травинка, каждая капля воды, холмы и равнины, и все её обитатели – рождённые или сотворённые? Правильно – магией.

ОНО проникло сюда в поисках волшебства и забирает, вытягивает, высасывает его из мира, как Инквизитор – из мага. Поэтому-то и возросло количество аномалий и флуктуаций рядом с НИЦЭМом, который оказался «точкой входа» не только для самой Агаты, но и для Пожирателя магии. Агата почти не сомневалась, что в других областях Кобуци сейчас стало гораздо тише и спокойней: ведь всю магию отсасывает сюда бездонная золотая воронка.

Может быть, все останутся целы и живы, но... Сможет ли жить дальше солнечная ведьма Стефи? Каким без магии вырастет Зигфрид Водяной? Взлетит ли ещё дракон Рип – существо, изначально волшебное?

И что будет делать некий огненный Ловец, окончательно лишившийся своего дара?

Агата, прищурившись, смотрела на котлован-воронку. Значит, поражаешь наше воображение эффектными картинками из своего «каталога»? Но и у нас тоже есть, чем тебя удивить!

...Искать и звать Пустыню не пришлось. Она и так всегда стояла за Агатиным плечом – только оглянись (или усни покрепче).

Вот и теперь Пустыня расстилалась перед ней во всей своей призрачной потусторонней красе. Барханы – почти ровень с развалинами Центра. Небо, в котором беспрерывно варится мрачное колдовское варево. Даже обитатели Кобуци притихли: наверное, и они, сотворённые магией, ощутили пустынный зов. Зов, на который рано или поздно откликаются все волшебники. Зов, который и сейчас подзуживал Агату перепрыгнуть со стены на близкий изгиб бархана и побежать, не оставляя следов, навстречу... чему? Окончательному невозвращению?

Как тебе это, а? Тут куда просторнее и не нужно выстраивать защитный купол. Эй ты, гость незваный! Попробуй-ка переварить или заполнить собой вот ЭТО.

«Гость» её призыв услышал.

Содрогнулись развалины НИЦЭМа – как будто рядом прошло нечто чрезвычайно тяжёлое. Разноголосо взвыли под стенами и тут же смолкли кобуцевские чудовища. Затаились, вжались в землю, дабы ни один из встретившихся... миров не обратил внимания, не прихватил их с собою.

Агата едва удерживалась на стене под порывами ветра, то бросавшими песок в глаза, то буквально за волосы оттягивающими голову назад. Непросто быть пограничным столбом, который пробуют согнуть то в одну то в другую, а то и в обе стороны разом! Сталкивающиеся ветры схлестнулись, скрутились в вихрь, вращающийся вокруг Агаты. Да её сейчас просто унесёт в Пустыню, словно девочку Элли из старой сказки! Или то была бль?

Но внезапно двум силам надоело бороться за обладание пограничным столбом... или они задумали решить этот вопрос по-другому.

Пожиратель перешёл в наступление.

Потекли по барханам первые ручейки-щупальца. Шипение, парокмерцание вроде нагретого воздуха над пригорком в жаркий предгрозовой день: песок плавился и спекался в стекло. «Гость» постепенно смелел, ручейки становились всё шире, сливались в речки, реки, пока не превратились в волну, накрывающую барханы и плавно стекающую с них. Казалось, зелёные пески Пустыни затопило кровавым приливом. Барханы застывали зеркальными горами, отражавшими бордовое небо – или небо просвечивало сквозь них, ставших прозрачными.

...Или в глубине Пустыни постепенно разгорался багровый огонь: мёртвый мир хоть и был мёртв, всё же не желал быть уничтоженным.

Бесцветные щупальца Пожирателя всё текли из-за Двери, втекали и втекали в Пустыню, и казалось, не будет этому конца. Вроде бы

ничего не менялось, но Агата подобралась, встала поустойчивее, вцепилась-вросла ногами-корнями в плиты, укрепляя ими разрушенное здание. Раскинула руки, представляя, как от пальцев струятся потоки магии, сливаясь в непроницаемую и нерушимую стену, не дающую проникнуть Пожирателю в реальность за пределы Кобуци. Купол в куполе! Неизвестно, смогла она создать эту стену на самом деле или это лишь её богатое воображение, но... Хватит уже несчастной Столице подарочков от семьи Мортимер!

Вновь взвыли соседи под стеной: ответила Пустыня. Внезапно меж барханами прошла широкая чёрная зигзагообразная трещина; Агата даже подумала, что именно так и разрушается магический мир. Но нет, в эту трещину, как в огромную открытую пасть, рухнул поток чужеродной силы, следом, разбившись во взлетевшую в воздух мелкую стеклянную пыль – прозрачные барханы – и трещина сомкнулась. Пустыня припорошила расплавленные стеклянные следы тонким слоем песка, словно заботливый садовник – клумбу. И вновь застыла.

В ожидании и готовности.

«Гость» запустил в Пустыню уже не щупальца и даже не потоки – цунами! Агата чувствовала себя якорем, который безжалостно выдирают из столетних напластований дна, выкручивая и ломая его металлические лопасти. А уж когда увидела взметнувшуюся навстречу «цунами» песчаную бурю самум... Оставалось только зажмуриться и вопить от страха.

Якорь Агата устоял. Уцелели и стена НИЦЭМа и даже местные обитатели, которых Агата вольно или невольно обнесла своей защитой. Стоя в самом центре урагана, подобного которому не видела даже много испытавшая Кобуци, Агата слышала лишь собственное дыхание, и хотя прижмуривалась и втягивала голову в плечи, всё же смотрела на бушующую бурю-схватку двух миров как на проливной дождь из-за толстого автомобильного стекла: со страхом и восхищением. И с непривычной гордостью – ведь это «стекло», эту защиту создала она сама. Оказывается, она тоже что-то может! Оказывается, не только реальность может влиять на сны, но и наоборот, сон может управлять реальностью!

И тут реальность решила напомнить, кто же из них всё-таки главный.

Агату швырнуло так, что она шлёпнулась сначала на колени, потом на бок. Вскинув голову, увидела, как через неё, вернее, через развалины Центра, летит изогнутый серп песчаной бури, обрезающий загребущие лапы «Гостя». Это хорошо, конечно, но одновременно Пустыня кромсала и её защиту! Та истончалась, расплзалась в клочья, как плавящийся на костре полиэтилен – да она и была столь же тонкой...

Обрубленные щупальца Пожирателя, наконец-то попавшие на недоступный участок НИЦЭМа, собирались вместе, словно ртутные шарики, и пока ещё нерешительно пробовали прочность преграды. Агата поспешно попыталась восстановить её, залатать хотя бы самые большие прорехи – получалось плохо и медленно. Поток непрерывно льющегося через стену песка становился всё ниже и тяжелее, защита – тоньше, «ртутные» щупальца – крупнее и наглее. Вдобавок...

Пустыня нашла, откуда исходит угроза. Песок быстро заполнял котлован, давя тоннами своего веса на Дверь, но потом гора песка начала проседать в центре, словно в песочных часах – теперь Пустыня сама проникала за Дверь, которую открыли неосторожные люди. Накопленная магия, оставшаяся в песчинках от каждого когда-то ушедшего в Пустыню волшебника, уходила в другой мир.

Магия уходит...

И Агата вспомнила.

...Стрела-протуберанец исчезающей магии пронзили пространство и накрыли парня, спящего сейчас далеко-далеко отсюда. Агата не рассчитала силу: Славян крупно вздрогнул и вскочил, словно его ударили. И снова осел на кровать. В его изумлённых глазах она увидела отблеск пламени – может, и не такого, какое горело раньше в Огневики, но... что могу, Славка...

А что теперь творится там, в другом мире?! Смерть против смерти дает... что? А уж когда в небе сверкнула бесшумная бордовая вспышка... Агата окончательно уверилась, что пора убираться. Здесь сейчас будет большой «бум».

...Граница между сном и явью так хрупка и тонка... Но не пропускает.

...Просыпайся!

Просыпайся же!

Просыпайсяпросыпайсяпросыпайся!!

Ведь есть же что, ради чего стоит проснуться, вернуться?!

Бабушка. Смех Стефи. Книга у подушки. Сентябрьский лес. Радуга над умытым городом... Мало? Мало!

Блестящие глаза Славяна. Несостоявшийся полёт на драконе. Освобождённая разноцветная ликующая магия...

Магия! Помоги мне! Не хватает всего чуть-чуть, капельки силы, цвета, света, воспоминания... Хоть чего-нибудь!

Полная луна. Серебро крыш. Нетерпеливый голос: «Мортимер, да где же вы, чёрт возьми!»

Коснуться протянутой сильной руки. Горячей, как и наяву. Шагнуть, за уверенной, следом.

Сквозь границу.

Сквозь стену.

В реальность.

В самый последний миг перехода, миг, когда вспыхнуло всё вокруг, Агата ощутила даже не боль – прикосновение – как будто кто-то прочертил длинную линию на её животе...

Кобуци всё-таки сумела её достать напоследок.

...Девушка, лежащая на кровати в одной из лабораторий ИМФ, дёрнулась, застонала и свернулась клубком, прижимая руки к животу. Из-под пальцев потекла кровь.

Рядом никого не было. Дневная смена ушла, вечерняя ещё пила чай в дежурке – закутке при буфете...

Глава 14

Возвращение

Возвращение оказалось не то чтобы особенно трудным или мучительным – просто *не таким*. Непривычным.

Агата шагала по призракам разрушенных временем и человеком зданий, мимо давно умерших двигающихся и разговаривающих людей. Видела, как составляются целительные и ядовитые декокты, как кропотливо подбираются сочетания звуков и строк позабытых заклинаний (эх, где же вы, ДМН Осипенко?). Как взрываются, обжигая ядовитым паром, колбы алхимиков. Как бьётся с пеной на губах рядом с гигантским костром шаман в расшитой ленточками, бусинами и мелкими косточками одежде, а люди внимательно вслушиваются в его бессвязные слова-выкрики. Как Агнус впервые заходит за Огненную Арку – чтобы никогда уже не выйти за пределы её и времени. Кажется, он даже заметил, как через Арку прошла Агата: повернулся, открыл рот, окликая...

Поздно. Шаг – и она в столице, в тот самый день, когда вырвавшаяся Магия пошла на город. Так с гор сходит сель или обрушивается на берег гигантская волна, сносящая, подминающая под себя дома, машины, деревья. Людей.

Ещё шаг – чуть раньше, и Агата видит, как по коридорам ИНЭМа бегут волшебники, взмахами руки запирая двери лабораторий – последняя отчаянная попытка предотвратить катастрофу, спасти хоть что-то, хоть кого-то... Агата отчаянно вертит головой, заглядывая в испуганные лица, пытаясь найти... Были ли её родители здесь в тот последний миг перед войной?

А потом всё бледнеет, растворяется, тает, поглощается Магией и временем, превращается в сегодняшние багровые призраки...

Снова эти безмолвные коридоры.

Наверное, она будет бродить по ним всю свою оставшуюся жизнь... а сколько её ещё осталось? Всё те же двери. Всё тот же туман, только он стал ярче, из багрового сделался красным... алым... Может, она подкармливает его собственной кровью? Агата посмотрела вниз, на живот. Рана выглядела ненастоящей – как и всё вокруг. Странно, что ей не больно. И странно, что она ещё не умерла. Или всё-таки умерла и попала туда, куда попадают все умершие маги? Это и есть загробный мир волшебников? Только не понять – ад или рай. Или чистилище? Хотя маги же считают, что после смерти они уходят в Пустыню... Которой теперь больше нет.

Наверное, пора уже узнать – а что там, за дверями?

На некоторых дверях не было ручек и даже замочных скважин. Некоторые были просто приварены к металлическим косякам – наглухо, сплошным швом. Были и двери-плакаты – как нарисованный очаг в каморке Папы Карло. Остальные тоже не поддавались Агатиным толчкам и рывкам. Вспомнилось сказанное давно и неизвестно кем: «И не пытайтесь их открыть. Может, это говорит ваша интуиция». Как же его звали? Яркая улыбка. Танцующий на ладони огонь. Пляшущие на лице и в глазах тёплые тени. Нет, не вспомнить уже...

Зато как зовут котёнка она вспомнила сразу.

Впереди виднелось новое разветвление коридора: натуральная «вилка» из трёх зубцов. И в этой вилке сидел чёрный кот.

– Кыш!

Агата совсем не удивилась, увидев его. Чему тут вообще можно удивляться?

Кот приветственно дёрнул ухом: слышу, мол, что кричишь-то? Потянулся и, задрав хвост, неторопливо направился в правый коридор.

Повёл её.

Странно, что чёрный Кыш не растворялся в багровом сумраке коридоров, не сливался с тенью дверей. Даже туман расступался перед ним и некоторое время держался по бокам, образуя неровную светящуюся тропинку – для кота и для Агаты.

Подъём по выщербленным ступеням. Короткий переход, поворот... долгий спуск вниз – ни перил, ни стен не видно, один лишь колеблющийся туман. Не сорваться бы... Или, может, наоборот оттолкнуться от ступенек (таких высоких, что приходится спускаться боком, точно двухлетнему малышу) и полететь вниз? Может, она при этом возьмёт и проснётся? Ведь всегда же просыпалась при падении во сне – чтобы не разбиться. Узкий мостик через туман, снова коридор, но уже без дверей, и прямо перед ними возникла знакомая красная кирпичная стена.

Кыш оглянулся и вдруг внезапно вырос в размерах – до собственной тени на стене – горб, задранный хвост и жуткий вой-сирена. Агата даже шарахнулась от него, но кот, мерцая отливающими красным глазами, неотрывно смотрел не на неё – ей за спину. Она поспешно оглянулась. Никого. Только, кажется, туман колыхнулся, да сгустились и выросли тени...

Не раздумывая, она шагнула сквозь стену.

Свет, боль и пол ИМээФовского коридора обрушились на неё – всё разом.

...Институт тряхнуло, да так, что со столов и шкафов посыпалась посуда. Захлопали двери и дверцы. Целитель, которому угодило кипятком на брюки, прыгал, шипел и ругался, дежурный маг замер, растопырив пальцы, словно готовясь в любой момент принять на руки вес рушащейся стены или потолочного перекрытия. Лекарь, оттягивающий мокрую ткань штанины, сморщился и задрал голову:

– Что тут у вас?! Землетрясение, что ли?

– Не знаю, – отозвался маг, настороженно прислушиваясь, приглядываясь и принюхиваясь. Поскольку толчков больше не повторилось, опустил руки. – Не похоже...

– Надо девчонку проверить, – озабоченно сказал лекарь, отпихивая с дороги осколки посуды. Дежурный придержал его за рукав:

– погоди, отсюда глянем!

Мониторов в буфете не водилось, только на вахте, но дежурному они были без надобности. Он смел с блюдца крошки от пирожных и за неизменным яблочком пустил по кругу собственное обручальное кольцо. Катившееся колечко, раз за разом огибавшее блюдце, стирало по широкой полоске цветную эмаль, показывая коридоры ИМФ.

– Лаборатория сна! – скомандовал дежурный, и кольцо послушно продемонстрировало дверь. Распахнутую дверь. Маги переглянулись и склонились над блюдцем-монитором. Широкая панорама лаборатории. Свисающие трубки капельницы. Скомканные и сброшенные на пол простыни. Пустая кушетка. Пустая...

– Блин! Да она очнулась, что ли?!

Маг опять поймал за плечо рванувшегося целителя. Намётанный взгляд охранника ухватил то, что не успел заметить напарник: широкую красную полосу на белом линолеуме. Здесь полз раненый... или волочили по полу чьё-то тело. Кольцо покатилося стремительней – дежурный с лихорадочной поспешностью просматривал коридоры, особенное внимание уделяя лабораториям повышенной защиты. Вроде все важные двери целы... А!

– Что?

Дежурный постучал ногтем по блюдицу-экрану:

– Вот здесь был заперт волкодлак. В фазе полнолуния.

Не контролирующей себя оборотень и только что проснувшаяся, слабая, мало что понимающая девочка... Мужчины встретились глазами.

– Зови кавалерию!

Дежурный не стал тратить время на то, чтоб огрызнуться: мол, сам знаю! Докладывал короткими рубленными фразами, наблюдая, как лекарь выворачивает внутренности своего чемоданчика – то ли в поисках необходимых лекарств, то ли того, что может сойти за оружие. Не переставая отвечать, последовал за целителем к двери. Не обнаружив за ней признаков присутствия, резко кивнул: открывай!

И впервые сбился, растерянно повторив:

– Где мы сейчас находимся?.. А чёрт его знает!

Вместо знакомого институтского коридора перед ними зияли чёрные стены катакомб...

Агата полежала, прислушиваясь к тому, что происходит в прижатом к ледяному полу теле. Кажется, боль стихает. Да не может быть всё так плохо! Она ведь жива и может думать и даже двигаться. Она же только что шла! Там, в призрачном крыле...

Подумаешь, просто глубокий порез... Порыв. Наверное, кто-то из кобуцевских охотников успел напоследок полоснуть её когтями.

Так, сначала приподняться. Поскулить и отдышаться. Теперь на короточки. Получилось уже с третьего раза, очень хорошо...

Больше ничего хорошего не было.

Стоило прислониться к стене, как Агата проваливалась – то ли в сон, то ли в багровое беспмятство, из которого выкарабкивалась всё с большим трудом. А порой она обнаруживала себя уже на полу, и приходилось начинать всё сначала – подняться, постоять, пошататься, шагнуть...

Но она всё же двигалась.

Куда-то.

На перекрёстке двух коридоров впервые огляделась: раньше все силы уходили на то, чтобы только на ногах удержаться. Куда она убрела от своего «уровня» – лаборатории сна? И как могла она, вернее, её тело, находившееся здесь, быть раненным там? Темнота накатывала пополам с тошнотой: ох, не то сейчас состояние, чтобы ребусы разгадывать. Ей потом расскажут.

Если, конечно, будет кому рассказывать...

Потому что институт был пуст. Свет в коридорах продолжал гореть, и были видны распахнутые, а то и вовсе сорванные с петель двери лабораторий. Агата даже засомневалась, что всё-таки вернулась в

настоящее – настолько это походило на ИнЭМ перед самой катастрофой. За исключением того, что здесь не было людей, ни призрачных, ни настоящих. Хотя за окнами темно... да просто все после рабочего дня разошлись по домам!

А вдруг и здесь тоже что-нибудь случилось, какая-нибудь... авария?

Но что бы ни случилось, нужно добраться до выхода. Пусть даже запертого на ночь. Она просто упадёт рядом с ним, а утром на неё наткнётся первый же пришедший на работу. Осталось только этот выход найти. Ах, как бы сейчас вновь пригодился Кыш! Но кот, похоже, счёл свою миссию выполненной – провёл Агату сквозь стену и теперь где-то далеко лакал из миски заслуженное молоко.

Говорят, можно выбраться из лабиринта, если держаться всё время одной его стены. А чем коридоры ИМФ не лабиринт? Ну будем держаться, допустим... левой стены. Никто же не доказал, что она хуже правой.

Или от слишком резкого движения замельтешило в глазах или что-то всё-таки шевельнулось в сумрачном конце коридора?

– Кто? – сухо выдавила Агата, непроизвольно отступая. – Кто там...

И замолчала.

Вопли Кыша в ИнЭМе – ведь он там кого-то увидел! И уж явно не призраки прошлого. Так кот орал только на вампиров... и других чудовищ. Неужели они пробрались и сюда? Спаслись от Пожирателя Магии, прошли за ней по призрачным дорогам времени и снов?

И, теперь уже не скрываясь, идут по её следам. Запаху её крови.

Запаху беспомощности.

Прижимаясь к стене спиной, перебирая по ней руками, Агата двинулась, не сводя глаз с дальнего конца коридора. Освещение стало ослепительно-чётким и каким-то жёстким. Точно при магниевой вспышке.

Поэтому двоих преследователей, бегущих по коридору, она разглядела ясно, как на поднесённой к глазам картинке. Серые, голокожие, четырехлапые, сгорбленные, с гладкой, безо лба и ушей мордой, собранной на конце в безгубый рот-складку, они перемещались длинными, какими-то *плывущими* прыжками. И, чем быстрее она убегала, тем ближе они становились, словно Агата наоборот двигалась им навстречу.

Ещё один летящий прыжок, ещё... Ох! Агата вжалась в стену, заслоняясь руками от приближавшейся отвратительной морды.

Пронзительный вопль-визг, грохот...

Агата открыла зажмуренные глаза и осмелилась выглянуть из-под ненадёжного прикрытия пальцев. Потом и вовсе убрала руки, изумлённо созерцая разыгравшуюся перед ней сцену.

Кобуцевский охотник бился в коконе коридорной дорожки – неведомо как он оказался спелёнатый ею, будто восточная красавица, –

и чем больше силился освободиться, тем больше запутывался. Вскоре он мог пошевелить лишь торчащими из кокона задними конечностями: те с мерзким звуком скребли серповидными когтями пол, оставляя в цементе глубокие царапины. Второй преследователь мялся позади этого живого ковра, не решаясь его перепрыгнуть. Нерешительности способствовала сама по себе отворявшаяся-захлопывавшаяся перед ним дверь лаборатории: хлопки удивительным образом совпадали с попыткой охотника перемахнуть через неудачливого собрата.

Агата чуть не рассмеялась: кажется, в игру вступили коридоры ИМФ! Обнаружившие внутри себя некие чужеродные феномены и намеревающиеся теперь повеселиться и защитить феноменов родных! Оставалось только произнести историческую фразу: «И так будет с каждым, кто посягнет...».

Но в конце коридора вновь сгустилась тьма, и смеяться мгновенно расхотелось: Агата увидела, как в тени зажглись глаза, красные, словно стоп-огни на машине. На высоте, значительно превышавшей её рост. Скольких же ещё она привела за собой... на хвосте? Скольким указала дорогу?

ИМЭФовский коридор узрел следующего посетителя, но в этот раз поступил радикальнее: пол между ней и «гостями» из Кобуци треснул и поднялся, как надломанное печенье. Агата едва успела ухватиться за стояк батареи и повиснуть на нём, точно обезьянка на пальме. На другой стороне образовалась покотившаяся куча-мала. Судя по визгу, рычанию, и звукам свалки преследователям такое положение не очень понравилось.

А когда пол опустился на место, между дичью и охотниками выросла перегородка: не глухая (слышен вой разочарования), но достаточно прочная, чтобы задержать преследователей хотя бы на время.

Коридоры дали ей фору. Интересно, а на кого они сделали ставку сами?

Агата отцепилась от батареи и насколько могла быстро двинулась прочь.

Глава 15

Выход

Это... существо появляется из-за перекошенной двери лаборатории. Оно, кажется, никак не может решить, как ему лучше двигаться – и то опускается на все четыре конечности, то встаёт на привычные две. И потому странно напоминает настороженного суслика, хотя на безобидного смешного зверька совершенно не похоже. Ни размером, ни...

Я всегда думала, что оборотни просто превращаются в волков или там в медведей – может, покрупнее или другой расцветки.

Этот... непонятно – где кончается человек и начинается волк. На теле чередуются пятна густой тёмной шерсти и белой голой кожи, словно зверь болеет стригущим лишаем. Круглый выпуклый лоб, небольшие

плотно прижатые к голове уши, вытянутый нос (морда?), скошенный подбородок, белые длинные зубы за чёрными губами, на заросшей чёрной щетиной шее – кадык. Руки-лапы с локтями, как у людей и с чёрными толстыми когтями на длинных, скрюченных, точно сведённых судорогой пальцах. Стопы – тоже и не стопы и не лапы. Он совсем не похож на рисунки и фотоснимки из учебника. Как будто... недоделан.

На оборотне нет одежды и сразу видно, что это... хм, мужчина? Или как там принято говорить про оборотней – самец? Существо мужского пола?

Я или шевельнулась или неосторожно перевела дыхание – оборотень поворачивается ко мне всем телом. Глаза небольшие, узкие, непрерывно мелко моргают, точно пытаются избавиться от мешающей соринки. Может, оборотня раздражает освещение? В лаборатории за его спиной темно. Но свет не мешает ему увидеть меня. Или он просто чует? Оборотень делает несколько длинных шагов – словно скользит по гладкому полу коридора. И опускается рядом со мной на... колени? На все четыре лапы? Наклоняется. Белки глаз воспалённые, расширенные зрачки отливают желтовато-зелёным, как у кошек. Я вижу, как трепещут его ноздри, и сама ощущаю его запах. Станный запах. Не человека и не зверя. Химический. Его что, чем-то кололи или поили? Наверняка испытывали какие-нибудь новоизобретённые «лекарственные» средства против оборотничества...

Лапа-рука ложится мне на грудную клетку. Горячая. Тяжёлая. Оборотень поворачивает голову к моему животу.

– Глеб... – вспоминаю я его имя. Оборотень всё смотрит на мой живот.

– Глеб, – повторяю я. – Вы ведь... Глеб? Вы можете... позвать на помощь? Там... – я показываю в тёмный конец коридора. – Там... они. Много. Пожалуйста, позовите кого-нибудь!

Наверно, он не понимает или вообще не слышит. Он всё ниже склоняется над моим животом, тяжёлая лапа давит мне на грудь и становится трудно дышать.

Наверное, сейчас меня просто убьют. Будет больше, чем было?

А потом очередь дойдёт и до него самого...

– Глеб!! – кричу я и вздрагиваю, когда боль распарывает меня до самого позвоночника.

Оборотень отшатывается, оседает на пятки и нервно облизывается. Смотрит на меня. Кажется, или глаза его становятся яснее? Разумнее?

– Их много, – говорю я отдельно и громко. – Они вырвались из... – Хочу сказать «Кобуци», но вдруг он про неё не знает? – ...из лаборатории. Я не справилась с ними. Надо позвать на помощь. Вы понимаете меня?

Он снова переводит взгляд – и я прикрываю руками свой перетянутый курткой живот. Под пальцами горячо и влажно. Надо будет ещё чем-нибудь перевязать.

– Глеб!

Оборотень смаргивает и выглядит почти виноватым. Совсем собачьи склоняет голову набок, даже уши приподымаются, как у насторожившейся псины.

– Вы поможете мне?

Тяжелая рука-лапа с тёмными подушечками скользит по моему лицу. Точно гладит. Оборотень вскидывает голову, жадно нюхая воздух, поворачивает голову и поднимается. Смотрит в конец коридора. И вдруг срывается с места.

– Не туда! – кричу я ему вслед. – Там же они! Глеб!

Оборотень опускается на все четыре конечности – и исчезает во тьме коридора.

И тьма поглотила его...

– Агата...

Мне чудится. Кажется. Слышится.

– Агата, господи, Агата...

Я открыла глаза со стоном – даже их открывать мне было больно. Надо мной склонились два лица. Я их не узнавала: бледные, какие-то перекошенные, с широкими зрачками...

– Агата, маленькая моя...

Я заплакала. Плакать тоже было очень больно и очень стыдно, но я никак не могла перестать.

– Бабушка... это... ты?.. правда, ты?

Второй человек торопливо ощупывал меня, спрашивал отрывисто:

– Где больно? Здесь? Здесь?

Я косила глаза вниз, на его белые сильные руки – они были заляпаны чем-то красным.

– Нигде... Везде... бабушка, забери меня отсюда.

– Не плачь, моя хорошая, сейчас.

– Забери скорее, а то они придут...

Бабушка осторожно опустила мою голову обратно на пол, и я вскрикнула, ловя её ускользающие пальцы:

– Пожалуйста, ну пожалуйста, не оставляй меня здесь! Не бросай меня!

Бабушка тяжело поднялась, встала, глядя вдоль коридора.

– Игорь, уносите её.

– Да, а как вы...

– Уводите всех из здания.

Его руки беспрерывно двигались вдоль моего тела, не знаю, что он делал, но боль становилась всё сильнее, наваливалась чёрно-красным жаром-туманом, а потом как будто что-то щёлкнуло – и боль пропала. Вместе со всем телом. Я с облегчением выдохнула, когда Келдыш одним плавным слитным движением поднял меня с пола – и вдруг вспомнила.

– Нет, не вы, только не вы!..

Келдыш отвернулся от тычка моих ладоней, но не отпустил, перехватил поудобнее. Лицо его было серым и сосредоточенным.

– Да-да, только потом... всё потом...

– Быстрее, Келдыш!

Голоса я не узнала. Посмотрела за его плечо – бабушка стояла к нам спиной. Очень прямая, точно стержень проглотила. Серые растрепавшиеся волосы шевелились вокруг головы – как змеи вокруг головы Медузы Горгоны. Она ничего не делала, просто стояла, но я вдруг вспомнила слова Димитрова. И он *меня* называл страшной?

Надо мной плыл потолок, через одинаковые промежутки появлялись светильники. Я жмурилась, но совсем закрывать глаза боялась – а вдруг я засну и опять останусь одна в этом бесконечном коридоре? Надвинулась арка входных дверей... странно, но левая створка почему-то висит на одной петле, вторая вообще на земле валяется. В лицо пахнуло ночным ветром, и я крепче ухватилась за шею Игоря. Неужели вырвались?

– Целителя приволок? – спросил Келдыш.

Из темноты отозвался Борис:

– Да, Марка.

– Приволок! – передразнил высокий недовольный голос. – Выдернул прямо из кровати! Что у вас за вечный... канкан, вроде взрослые уже люди! Сюда опускай.

Меня уложили на что-то качнувшееся, точно гамак. Ткань расступалась, обволакивала...

– А ты куда? — спросил Борис.

– Надо бы мадам помочь...

– Я уже послал Анжелку, она с кобуцевскими тварями получше твоего разберётся. Ты останешься здесь!

Пауза.

– И с какой это стати? – почти с любопытством спросил Келдыш. Они переговаривались надо мной, пока целитель меня ощупывал – куда быстрее и больнее, чем Ловец.

– Игоря, если с Лидией что-то... ты остаёшься у Агаты один. Ты это понимаешь?

Мне эти слова не понравились – что значит «если что-то»? Я завозилась и невольно вскрикнула. Мужчины склонились ко мне, но Борис тут же отпрянул, страшно ругаясь.

– Кто её так?!

– Пока не знаю, – сквозь зубы сказал Келдыш.

– Ты обезболивал? – спросил целитель.

– Да.

– Молодца... а что там в Институте творится?

– Не отвлекайся ты!

– Понял, не дурак, дурак бы не понял... девочку лучше пока усыпить.

– Нет! – я начала в панике хвататься за чьи-то руки. – Не надо!

Только не *спать*!

Ладонь скользнула по моему лицу.

– Тихо-тихо, не волнуйтесь! Ей нельзя сейчас засыпать.

– Ты не понимаешь...

– Нет, это *ты* не понимаешь!

Сопение.

– Ну ладно, вам же хуже. Тогда держи её. Блин, дождь ещё!.. Кто там рядом есть? Сделайте зонт, что ли!

Незнакомый голос:

– Над всеми?

– Над операционным полем, болван!

– А-а-а...

– Бе-е-е! – передразнил целитель. – И свет поярче! Откуда вы только вытащили таких идиотов?

– Оттуда же, откуда и тебя – из кроватей – так что народ тоже ещё не проснулся. Давай-давай, шевелись, целитель!

У целителя характер был, похоже, ещё вреднее келдышевского. Он огрызнулся:

– Попрошу меня не дёргать! Я не могу работать в обстановке спешки и недоброжелательства!

– Ах-ах! – снова раздался в темноте голос Бориса. – Какие мы нежные! Тогда посторонись, я сам...

– Ещё чего! Тебе бы только твоих десантников-костоломов штопать, а тут работа тонкая, нежная, волшебная...

– Хватит, – очень ровно сказал Келдыш, и целитель скомандовал – совсем другим тоном:

– Начинаем. Борь, ассистируешь?

– Угу.

– Держишь, Игорь?

– Да.

Я думала, что Келдыш будет меня действительно *держать* – чтобы я не вырывалась или не лягалась от боли. Но Игорь просто положил ладони на мои виски: так он когда-то учил меня искать Димитрова. Но я же никуда не терялась. Я в сознании и всех слышу и вижу...

– Откройте глаза.

Я и не заметила, как их закрыла – наверное, чтобы лучше чувствовать, что делают этот Марк и Дегтяр. Казалось, в живот воткнули ледяные стержни и перебирают там кишки – точно подбирают нужный аккорд на гитарных струнах...

– Не спать!

Я снова распахнула глаза. Зрачки Келдыша горели – но не красным, как у Дегтяра. Белым. Или это отражение... Я скосила взгляд. Окна Института опять осветились изнутри ярким светом. Не электрическим.

– Там... что?

– Там ваша бабушка объясняет, как глубоко они не правы.

– Кому?

– Всем.

– И... Осипенко?

– Ей – в первую очередь.

Мне это понравилась – так, что я успокоено прикрыла глаза. На секунду. Немедленно последовала команда:

– Откройте глаза!

Он что, не понимает, что я не сплю, я просто смотреть устала! Келдыш легонько встряхнул мою голову.

– Поговорите со мной!

Марк, продолжая во мне ковыряться, начал тихонько напевать.

– О чём?

– О чём хотите.

– Не хочу я с вами разговаривать. Дайте мне спокойно... А-а!

– Извините-извините-извините! – зачастил Марк.

– Я тебя сейчас укушу, – мрачно пообещал Борис.

— Только без зубов! И без рук... Смотри.

– Вижу-вижу.

А я почему не вижу? Я попыталась приподнять голову, Келдыш не пустил. Тело оживало, и вместе с ним оживала и боль. Я тихонько завывла.

– Марк! – сказал Келдыш.

– А чего я? – раздражённо отозвался тот. – Я же говорил – у-сы-пить.

А теперь мне очень некогда. И Борису тоже.

– Может, позвать... – начал Борис.

– Не надо, – ладони Келдыша на моих висках стали влажными. Или это мои слёзы под них убежали? – Сам. Говорите, Мортимер, говорите...

Как – говорить? Я же, наверное, и говорить разучилась – только вою и скулю. Я судорожно вздохнула и услышала, как боль тихо уползает туда, откуда пришла. Выдавливается теплом, идущим от рук Келдыша. Если закрыть глаза, я, наверно, могу это тепло увидеть. Но он всё не давал мне закрыть глаза.

Ну хорошо, тогда поговорим.

– Вы меня бросили.

– Да.

– Вы сговорились с ней... с Ноной. Думали, я испугаюсь за вас, и придёт моя магия.

– Да.

Марк снова напевает. Струны, кажется, настраиваются, потому что всё моё тело звенит и звенит мой голос, наверное, все от него уже оглохли, а ответы Келдыша падают мне на лицо, как невесомые ватные шарики: «Да. Да. Да...» Я рассказываю ему про сны и про стену, и про живые коридоры Института, и как страшно мне было одной, и про туман, и про «призраки», ха, какие же это призраки, ведь это же остаточное излучение... и про то, как я увидела маму... и про то, как я ждала его, а он всё не приходил и не приходил...

Его «да» становились всё тише, а пальцы на моих щеках дрожали всё сильнее.

Потом Келдыш умолк.

Зато теперь я слышала всех остальных. Бориса, держащего опрокинутые ладони над порхающими паучье-длинными пальцами целителя: *Марк всё-таки гений. Мудак, но гений. И я гений, что его притащил. Много крови. Хорошо, Анжелка не видит.*

Напевавший Марк наслаждался тем, что он делает: *Редчайший случай... ещё и благодарить этих придурков придётся... кто ж её так уделал... не знал, что ловцы так долго держат болевой порог... если рванёт Институт, нас всех накроет... а вот здесь мне не нравится, ну не нравися ты мне...*

Чуть поодаль стояла целая группа людей, в том числе и маг, державший «зонт». Их мысли до меня доходили смутно, обрывками, но было понятно, что им тоже очень не по душе этот ночной штурм Института и то, что там сейчас происходит. Ничего и никому непонятно.

– Всё! – торжественно сказал Марк, артистично отдёргивая руки – точь-в-точь пианист, закончивший концертное выступление. – Закрывай, Борис. Игорь, можешь отпустить... Иго-орь! Игорь?

Ладони соскользнули с моего лица. Я скосила взгляд: Келдыш, уткнувшийся лбом в ткань рядом со мной, отозвался невнятно:

– Да.

– Ты чего? – подошедший Марк – белое лицо, светлые длинные волосы, в распахнутой куртке виднеется голая грудь – тронул его за плечо. Келдыш медленно соскользнул-повернулся, опершись затылком о «лежанку». Сказал, не открывая глаз:

– Ничего.

Пауза. Марк спросил – каким-то тонким, жалобно-изумлённым голосом:

– Ты чего... всё на себя брал? Ты дурак или... кто? Борь!

– Сейчас.

Я сосредоточилась на ощущениях. Ничего. Казалось, ниже груди у меня просто всё ампутировано. Миг – и Борис уже наклонился над нами. Заглянул в лицо Келдышу, требовательно похлопал его по щеке.

– Отстань, – отозвался тот – чуть не с полуминутной задержкой. За спиной Дегтяра болтался целитель, спрашивая жалостно:

– Борь, он у нас кто? Мазохист ли чё ли?

Борис глянул на меня, улыбнулся одними губами и выпрямился.

– Отойдёт.

– А... – вяло сказала я. – Вспомнила. Придётся магам придумывать другой «мир иной»... Или как там это называется... Короче, другое посмертие. Потому что Пустыни больше нет.

Пауза. Уже уплывая в забытье, я услышала:

– Что она сказала? Пустыни больше нет?

– Да бредит...

– С ней всё будет в порядке.

– Это вы сейчас меня успокаиваете или самовнушением занимаетесь? – огрызнулась женщина.

Молодой мужчина, стоявший у окна, негромко хмыкнул. Говорили они приглушёнными голосами, хотя девушка вряд ли могла их слышать – она не спала, но и не бодрствовала, который день погружённая в лечебное забытье, которое обеспечили ей целители клиники... и её собственная, невидимая миру магия.

– Конечно, всё будет в порядке, – продолжала раздражённым шепотом Лидия. – Физически, да... Но...

Келдыш склонил голову, задумчиво разглядывая свою подопечную. Невидимая никому, кроме...

– Никаких «но», Лидия. Она справилась. Одна, без нас с вами. Сама. И теперь у неё есть магия.

– Что? Ох... – женщина даже обернулась круто, чтобы взглянуть на внучку. Взгляд её растерянно и жадно шарил по Агате, свернувшейся клубком под одеялом. – Вы это точно знаете, Келдыш?

Тот растянул губы в улыбке, но глаза его оставались серьёзными.

– Уж поверьте мне, Лидия. Знаю.

Пожилая женщина вновь осела в кресле, выдохнула с изнеможением:

– Келдыш, даже если бы вы получили задание не о контроле, а о... возрождении мортимеровской магии, вы не могли бы действовать эффективнее!

Мужчина скрестил на груди руки и откинулся затылком на откос окна. Заглушающая своей яркостью, неумолимо растущая луна, осветила его профиль, отразилась в беспокойных глазах... Но не с кем ему теперь гулять по крышам. Он спросил отстранённо:

– И когда вы догадались?

Услышал тихий вздох и покосился: Лидия Мортимер смотрела на него, округлив глаза.

– Вы это серьёзно? Келдыш?!

Он мягко улыбнулся ей:

– Знаете, Лидия... В тот день, когда от нас ушла магия Марины, мир обеднел, стал блеклым. Сейчас, – он легко двинул кистью руки, указывая на неподвижную девушку, – в него возвращаются краски.

Келдыш оттолкнулся от стены. Женщина не сводила глаз с бесшумно идущего по комнате Ловца. В голове её метались вопросы, и она никак не могла выбрать самый важный, самый главный. Какое задание вы выполняли? Чьё? Или вы... решили сами? Но она сказала только:

– Но в таком случае, мальчик, вы не всегда действовали последовательно!

Он остановился рядом с креслом, глядя на неё сверху сквозь ресницы.

– О да. У меня тоже есть свои слабости.

И одна из них – моя внучка? Этот вопрос Лидия тоже не задала, но Келдыш ответил, как будто услышал:

– Теперь я ей не нужен, Агата справится со всем сама. Она сильная.

– Подождите...

Но молодой мужчина наклонился, взял её за руку, поцеловал и, сказав просто:

– Берегите себя, Лидия, – исчез в тёмном проёме двери. Как ни старалась, расслышать звук его шагов она так и не смогла. Лидия поглядела на свою кисть с оторопью, словно её не поцеловали, а укусили, и – крепко выругалась.

Шёпотом.

Глава 16

По крышам не гуляют в одиночку

Сегодня бабушка сказала:

– Келдыш официально отказался от должности твоего куратора.

Агата видела, что бабушка внимательно наблюдает за ней.

– Вот как? – сказала Агата. И уставилась в окно. Странное лето – и не лето вовсе. Серая хмарь улеглась прямо на город, давила, прижимала к земле не только людей – кажется, даже многоэтажки расплющивала.

Лидия помедлила, но, не дождавшись никакой реакции, продолжила:

– Ему никто не приказывал, это его личное решение.

– Решил, со мной не справляется? – равнодушно спросила Агата.

Да это простая констатация факта. Он давно уже отказался от неё – ещё когда устроил вместе с Осипенко эту ловушку возле своего дома. Хотя, как выяснилось теперь, – с благими намерениями. Ну и что? Он её обманул и... и вот уже месяц после Института ни звонка, ни появления. Вот и сейчас передаёт своё решение через бабушку.

– И что, теперь ко мне прикрепят нового куратора? – спросила Агата, по-прежнему глядя в окно. – Или засунут в какой-нибудь новый институт или, может, резервацию создадут для меня лично – такой уникальной и страшной?

– Агата!

Стремительно шагнувшая к ней бабушка прижала Агатину голову к своей груди. Сказала с силой:

– Никогда, слышишь? Никогда они не заберут тебя у меня! Никогда больше!

Агата вдохнула её родной запах, запах одежды, духов... Осторожно шевельнулась, высвобождаясь.

– Бабушка, ты прости, конечно, но ты не... Ты не бессмертна.

Бабушка уронила руки. Агата по-прежнему серьёзно глядела на неё снизу.

– Скажи им, что в следующий раз я просто... умру. А Келдыш, – она вновь отвернулась к окну, – может делать всё, что угодно. Меня это не касается.

Агата задумчиво катала по столу кристаллизатор – выступающие буквы и змейка скрежетали по столешнице. Совсем про него забыла, обнаружила, когда выворачивала карманы джинсов перед стиркой.

– Что тут ещё за странные звуки? – заглянувшая в комнату бабушка отобрала у неё кольцо. Приподняла очки на лоб, внимательно его рассматривая.

– О! Это же крик Келдыша? Откуда он у тебя?

Агата пожала плечами.

– Нашла в кармане... наверное, сам мне подбросил.

– Подбросил, значит, – бабушка поджала губы. Массивное, серебряное с чернью кольцо смотрелось на её белой и мягкой ладони странно. Очень странно. Как будто бабушка собиралась примерить тяжёлую рыцарскую перчатку. – Представляю, как тяжело ему это было сделать.

– Да что тяжёлого? Сунул мне в карман, я и не заметила...

– Я совсем о другом, девочка! Чтобы расстаться с кристаллизатором, нужна немалая сила воли.

Тогда воля у Келдыша имеется, это точно. Он ведь отдавал ей свой крис уже дважды. И ни разу не упоминал, что это такой уж экстраординарный поступок... На миг даже стало любопытно – почему тяжело?

– Я вот со своим никогда в жизни не расставалась, – бабушка приподняла медальон, который Агата действительно всегда видела на ней. Она по-прежнему не понимает, где крис, а где обычное украшение. Не видит, не чувствует. Этому учатся или магия со временем как-то... подправляет зрение?

– А почему? Келдыш говорил, кристаллизатор – что-то вроде копилки магической силы...

Бабушка поджала губы.

– Копилка? Н-ну... пожалуй, можно сказать и так. Но крис – это всё равно, что часть самого тебя. При наступлении совершеннолетия (иногда и раньше) выбираешь форму, предмет, в котором будет храниться твоя магия. Проходишь соответствующие обряды... сейчас я не буду об этом подробно рассказывать, но поверь мне, очень и очень нелёгкие. После создания и *принятия* тебя крисом часть твоей силы при любом магическом действии всегда будет отходить кристаллизатору. То есть...

– Чем больше ты колдуешь, тем больше магии копится в твоём крисе?

– Да. Но не все могут сотворить кристаллизаторы. Некоторым это удаётся лишь в самом конце жизни. Некоторые так и проживут без них. То, что создано таким трудом, становится для тебя настоящей драгоценностью. – Лидия качнула крис на ладони, точно взвешивая его. – Отдать крис и ещё так надолго... Это всё равно, что поделиться с кем-то частицей своей души. На, возьми.

Агата машинально протянула руку и – отдёнула, сжав для верности в кулак. Сказала небрежно:

– Ну если крис так уж важен, тогда отдай его Келдышу.

– Сама отдашь.

Агата изумилась:

– Бабушка! Я не собираюсь с ним больше встречаться! Да я скорее выкину кольцо на помойку!

Лидия неожиданно с силой стукнула крисом по столу, словно впечатывая его в древесину. Сказала разгневанно – то есть очень тихим ледяным голосом:

– Девочка моя, ты меня очень плохо слушала! Выкинуть на помойку! Да это просто... кощунство! Ты отдашь кристаллизатор Келдышу лично – иного и быть не может!

Агата слегка струхнула – бабушка давно не говорила с ней таким тоном. Пробормотала:

– Ну... хорошо. Ладно. Отдам. После.

– Не позже, чем на этой неделе! – отрезала Лидия. И вышла.

Как же не вовремя бабушка заглянула к ней в комнату! Агата смахнула кристаллизатор в ящик стола. В конце концов, можно послать кольцо и по почте. Или магические вещи к пересылке не принимают?

Крис – часть души... Что за ерунда!

Широкая же у Келдыша душа, раз он раздаёт её кому попало!

Сны ей теперь не снились – она просто закрывала глаза и открывала их уже утром. Правда, бабушка уверяет, что сны снятся каждому, просто не все их помнят, потому что не вовремя просыпаются. Но Агата теперь была готова всегда просыпаться не вовремя – лишь бы не было сновидений. Никаких. Ни плохих, ни хороших.

В этот раз она проснулась ночью. Непонятно отчего, вроде бы никаких шорохов, и луна в окно не заглядывает, тем более Агата, наконец, повесила плотные шторы – нечего, не собирается она больше гулять по крышам.

По крайней мере, сейчас.

И партнёра по прогулкам у неё больше нет.

Агата повернулась набок, её взгляд остановился на ящике стола – том, где лежал крис. Настойчивый лунный свет всё-таки умудрился найти в щорах лазейку-щёлку, и металлическая ручка сияла, как будто кристаллизатор сам испускал свет изнутри стола. Или всё же?..

Нет, конечно, кольцо не сияло – но для того, чтобы убедиться в этом, Агата поднялась и открыла ящик. Кольцо лежало там, тусклое, почти чёрное. Какой крис, такая и душа...

Нет, конечно, всё это патетика и словеса художественные! Келдыш – человек как человек. Ни хороший. Ни плохой. Как и она сама, между прочим. Крис вон отдал, как выясняется, буквально кусок своей души. И вообще, ему просто орден положен за то, что он её пытался добыть из ИМФ, даже пару взысканий получил. Одно за попытку незаконного проникновения, второе – что устроил драку то ли в институте, то ли аж в самой СКМ. Сначала безропотно отдал её Осипенко на блюдечке с голубой каемочкой, а потом ни с того ни с сего...

Сначала мы создаем препятствия, потом их успешно... или не очень... преодолеваем.

Агата вдруг поняла, что может думать о своём кураторе... бывшем, уже без обиды. Просто этот человек ушёл из её жизни. Навсегда. Вот только кольцо осталось ему отдать.

Крис неожиданно стало жалко – столько валяется без дела, страдает, наверно, без хозяина ни за что ни про что. Агата достала

кольцо, подставила под лунный свет. Нет, всё-таки оно страшное. И красивое. Страшно красивое... Оксюморон. Агата машинально потёрла крис и вздрогнула, когда, сверкнув серебристо-зелёным, по кольцу заскользила змейка. Ну да, крис ведь по-прежнему и её немножечко...

Агата улеглась, положив кольцо рядом на подушку. Если прикрыть ладонью, змейка становится ярче. И, похоже, крис теплел с каждым оборотом змейки, вскоре уже казалось, что она держит в руке тёплый пульсирующий уголек. Но всё равно она не будет надевать кольцо – даже чтобы проверить, так это или не так... Агата следила за змейкой, пока непрерывное движение её не усыпило.

...Ночное беззвёздное небо. Тёмный силуэт на фоне холодной, огромной, как в фильме ужасов, луны. Человек сидит неподвижно, обхватив руками колено. Профиль чётко обрисован лунным светом. Знакомый свет. Знакомый профиль.

Келдыш медленно, осторожно поднимается. Встаёт на самом краю крыши, заложив руки в карманы, спиной к ней. Через некоторое время поворачивает голову – почувствовав её взгляд или услышав звук несуществующих шагов. Стоит, опустив ресницы, точно прислушиваясь. И говорит:

– Мортимер, оставьте меня, наконец, в покое.

Сосредоточенно ступая, бредёт вдоль края крыши. Смотрит себе под ноги. Потом медленно, преодолевая себя, поворачивает голову и заглядывает вниз. Замирает. Снова с усилием делает шаг и ещё... шаги становятся неровными, неуверенными. Игорь, качнувшись, взмахивает руками и – падает... падает...

Падает.

По крышам не гуляют в одиночку.

Она проснулась в поту, всхлипывая от ужаса и горя. Ей всё-таки снова приснился сон...

Или это был не сон?

Да конечно сон, что она себя накручивает?!

Агата подняла руку – вытереть влажное то ли от пота, то ли от слёз лицо – что-то соскользнуло с её пальца и покатилося на пол. Агата свесила голову с кровати: на полу, залитом утренним светом, крутился келдышевский крис. Неужели она во сне всё-таки надела его?

Ведь не могло же кольцо надеться на палец *само*?

Глава 17

Магия Пустыни

Агата нажала на соединение сразу, даже не глянув на экран. Да и кто ей мог звонить? Стефи да Люси. Интернатовцы давно уже сдали

экзамены и разъехались по домам на каникулы. Правда, друзья хотели забежать попрощаться (им сказали, Агата болеет), но она настолько не хотела никого видеть и разговаривать, что трубку взяла бабушка и строгим голосом сказала: пока у внучки карантин.

Стефа звонит почти каждый день. Судя по рассказам, отдыхает она распрекрасно. Тем более, когда к ним в гости приехал симпатичный почти взрослый четвероюродный брат... Ещё Стефка спрашивает о Келдыше. У Агаты не было никакого желания говорить полуправду – «расстались» – и выслушивать утешения, а то и советы подружки. Поэтому она соврала про его длительную командировку.

Звонил и Зигфрид. Собрался заняться дрессировкой рыбок и требовал инструкций. Потом позвонил ещё: сообщил, что рыбки ни с того ни с сего повыпрыгивали из аквариума, а пока он их собирал, некоторые сдохли. Поэтому ему попадёт от мамы, когда она придёт с работы. Видимо, попало сильно, потому что Водяной больше не перезванивал. Или просто переключился на что-нибудь другое интересное.

Люси рассказывает по телефону, что нового прочла или посмотрела. А ещё спрашивает, не появлялся ли Димитров: иногда даже кажется, что Славка нравится ей не меньше Карла.

Агата честно пробовала читать расхваленные Люси книжки, но вскоре откладывала в сторону: взгляд скользил по тексту, словно по чистой странице, буквы не складывались в слова, слова – в картинки. Даже старые читанные-перечитанные книги – и те стали глупыми, пресными, скучными. Лучше лежать и смотреть в потолок или в небо в окне: как оно меняет свет и цвет...

– Алло? – сказала Агата.

Трубка молчала, и Агата наконец взглянула на экран. И удивилась так, что даже села на кровати.

Димитров.

Она не вспоминала о нём вовсе: а ведь случилось что-то, с ним связанное, во время столкновения Пустыни с Пожирателем магии... Она перебросила ему часть уходящей с Пустыней магии? Или ей это лишь показалось? Тогда всё было таким... на самом деле было? Снилось? Она уже ни в чём не уверена.

– Агат... Агата, это ты?

Голос звучный. Живой.

– Привет, Слав.

– А пошли погуляем?

Агата опустила ноги на пол.

– Прямо сейчас?

– Ага. Надо поговорить.

Она поглядела в окно. По-прежнему хмарь. Но дождя, кажется, не будет...

И ей вдруг так захотелось встать и наконец выйти из дому – впервые за несколько недель!

– Я сейчас, Слав!

Да и интересно стало – а вдруг у неё всё-таки получилось?

Получилось.

Парень, порывисто шагнувший ей навстречу, уже не был серым и опустошённым Славкой из клиники. И не был озлобленным отчаявшимся незнакомцем, пришедшим в интернат как-то ночью.

Крепкий, улыбающийся, тёмные глаза сияют... Он даже собирался сходу обнять её – в самый последний момент остановился. Смутился и осторожно то ли похлопал, то ли погладил по плечам.

– Привет.

– Привет, – опять сказала Агата. И внезапно увидела себя его глазами: бледная до синевы, худая, волосы висят... Руки вот только недавно перестали дрожать. А то будто алкоголик какой-то.

– Ты что?.. Ты как? Выздоровела?

Агата постаралась выпрямиться. И улыбнуться тоже постаралась. Очень. Судя по тому, что он не испугался, у неё это получилось.

– Да.

– Пошли в кино сходим?

Они двинулись по тротуару. Славян, бросавший на неё быстрые взгляды, нерешительно ерошил волосы и молчал. Агата, наконец, сообразила ему помочь:

– А ты о чём хотел поговорить?

Димитров, словно по команде, выпалил:

– Агата, это ведь ты?! Ты мне вернула магию?

Агата просто кивнула. Славян остановился, загоразивая ей дорогу. Глаза его сияли.

– Я тогда проснулся и... Стены в комнате нет: там ты, где-то далеко, вокруг ураган, всё просто бурлит, а у тебя в руках что-то вроде огня... молнии?

Она молча слушала.

– Она ударила меня... вот сюда. – Славян потёр грудь. – Даже шрам... ожог остался, представляешь? Агатка! Представляешь? Она ко мне вернулась!

Агата внезапно забеспокоилась:

– Нет, Слав, погоди...

– Никто ещё не знает, представляешь? Я тут с родоками разругался, достали они меня своей заботой, переехал к бабушке с дедом. А они... ну, старые уже. Ничего не замечают...

– Славян, но это же...

– Я уже пробовал! – Димитров схватил и встряхнул её за плечи. – Я снова маг!

– Но ведь это *не твоя* огненная магия! Ты это понимаешь?

Славян мотнул головой.

– Я знаю. Я тебе debil, что ли? Огненная – она как клубок пламени, живёт здесь, – он коснулся пальцами ямки на шее, – или здесь, здесь, – шлёпнул ладонью по груди и солнечному сплетению. – А эта... Она... рассыпана по всему телу, искрится, как снег на солнце... гляди!

Тогда уж как песок... Но Димитров вскинул растопыренные ладони, и Агата даже невольно прищурилась: его ладони и впрямь сверкали! Она машинально оглянулась проверить, не видит ли кто-нибудь ещё это сияние? Но ещё ярче сияла улыбка Славяна. Он так радовался, что Агата заколебалась – а стоит ли сейчас грузить его будущими проблемами? Единственный человек, кому она рассказала всё до конца, была бабушка. Ну... почти всё. Что и кому потом передала бабушка, Агату уже не интересовало. Главное – её оставили в покое. Хотя бы на время.

Теперь кое-что она поведает и Славке...

До кино они с Димитровым так и не дошли. Устроились на скамейке в парке. Вернее, на двух скамейках друг напротив друга. Славян сначала отвалился на спинку, потом, по мере Агатиного рассказа, выпрямлялся, склонялся всё ближе, пока не упёрся локтями в колени и не уставился ей в лицо. Вместо того чтобы если не испугаться, то хотя бы озадачиться, он пришёл в восхищение:

– У меня магия Пустыни?! Ох-ре-неть!

Агата моргнула. И попыталась объяснить снова: никто не знает, что такое эта твоя... песчаная магия; тебя будут обследовать, исследовать и испытывать; тебя будут бояться, подозревать... И будем мы с тобой два ИМФовских уroda... Бесполезно! У Димитрова лишь глаза разгорались азартом.

– А там, в ИМФ, всем такие задания дают? Как тебе?

Теперь он будет думать, что ИМФ – это страшно круто, и там готовят буквально спецмагов! Да, она и правда очень плохо знает психологию парней! Славян сощурил один глаз, внимательно её осматривая.

– А где твоя-то мерцающая?

Агата серьёзно прислушалась к себе. Значит, огненная концентрируется в груди, пустынная по всему телу рассыпана. А вот её собственная... Собственной она по-прежнему не ощущала. Но зато теперь присутствовала спокойная и твёрдая уверенность, что магия всегда здесь, при ней, пусть даже остальные волшебники этого не видят и не чувствуют. Агата пожалала плечами и обнаружила, что Славян держит её за руки. И даже осторожно гладит её ладони шершавыми подушечками больших пальцев.

– О! – сказал с удивлением. – А это у тебя откуда?

«Это» было крисом Келдыша. Агата неожиданно для самой себя надела его на прогулку – валяется бедное колечко, пылится в темноте, столько времени света белого не видит...

– Да так, – сказала неопределённо. – Дали поносить.

– Ого! – сказал Славян с уважением. – Круто! А...

А помнит ли Славка, что это кристаллизатор Келдыша? Агата поспешила перебить его дальнейшие расспросы:

– А у тебя крис уже есть?

Димитров мотнул лохматой головой.

– Нет, ты чего, нам же ещё не положено! Слу-ушай, а может, мы теперь в паре будем работать?

Агата от безнадёжности чуть не всплеснула руками. Чуть – потому что Славян её рук так и не отпустил, наоборот, перехватил повыше, за запястья. Придвинулся ближе: колени к коленям, лицо к лицу.

– Было бы здорово! Агат...

– А?

Славян молчал. Глядел исподлобья. Он изменился. Совсем взрослый. Глаза тёмные, яркие, с поволокой. Яркие крупные приоткрытые губы. Взгляд Агаты невольно задержался на этих губах, и у неё ёкнуло сердце. Она поняла, что её сейчас поцелуют.

И, кажется, ничего не имела против...

– ...Ай! – Агата отпрянула и затрясла рукой.

– Что? – Славян тоже отодвинулся. Смотрел на неё затуманенными глазами. – Ты чего? Я тебе что... больно сделал?

Совершенно не больно. Обнимал её Димитров очень осторожно, аккуратно, точно боялся раздавить своими большими руками. И поцелуй ей понравился. Хотя ему, кажется, гораздо больше...

– Нет, – выдавила она, свирепо глядя на крис, по которому металась змейка. Эта ядовитая гадина – вся в своего хозяина! – ужалила её в самый разгар поцелуя. Или обожгла, ударила током... что там ещё?

Шарахнула магией.

– Нет, Слав, – повторила Агата. – Я тут просто укололась... булавкой.

Поспешно стянула крис и засунула в карман. Оглянулась: уже стемнело, но вечер, в отличие от предыдущих, слившихся в один промозглый и серый, был хорошим. Настоящим летним. Агата пробормотала:

– Поздно уже. Пошли домой?

Димитров нехотя отпустил её. Он не попытался обнять её за плечи или даже взять за руку – просто шёл рядом, поглядывая то на неё, то по сторонам. Агата была ему за это благодарна. Следовало обдумать этот их... неожиданный поцелуй (куда лучше, чем с Вудом, хотя и

хуже, чем с...), да и про песчаную магию разузнать побольше, но сейчас она только могла злиться и негодовать: это что ж такое?! Это как называется? Сам не «ам» и другому не дам?! Ой, нет, куда-то её понесло... В смысле – если теперь у неё нет куратора, за ней приглядывает его крис? Может, ещё и выбирать будет, с кем целоваться, с кем нет? А в качестве теста претенденты должны будут примерить колечко?

Назло кристаллизатору и его пропавшему хозяину Агата на прощание сама поцеловала Димитрова – на этот раз он прижал её к себе так, что у неё даже кости хрустнули. Показалось ей или нет, что карман с крисом резко нагрелся, но Агата поспешила сказать:

– Пока, Слав!

– Так я... завтра приду?

В этот момент Агата наконец приняла решение:

– Нет. Завтра мне к кое-кому надо зайти. Отдать кое-что.

В наказание она зашвырнула крис обратно в ящик стола. Ещё не хватает, чтобы вещи ею распоряжались! Пусть и волшебные. Или... Агата помедлила, с сомнением глядя на спокойно-тусклое кольцо.

Или его хозяин?

Глава 18

Точка боя

Назавтра вся её решительность испарилась.

Агата долго топталась у двери, не осмеливаясь постучать или нажать на кнопку звонка. Наверное, надо было предварительно позвонить... но вдруг Келдыш бросит трубку, и что тогда делать? А так... ну не захлопнет же он дверь перед её носом? Или, может, всё-таки послать бандерольку по почте: ведь тогда не видишь его глаз и не слышишь голоса...

Агата отступила от двери и снова вернулась. Если она не решится сейчас, то не решится уже никогда! Может, его ещё и дома нет? С этой утешительно-трусливой мыслью она нажала на звонок. «Треньк!» Агата отдернула руку. Услышит – так услышит, нет – она ни за что больше не будет звонить!

– Да, – проскрипел домофон.

– Здравствуйте, – таким же скрипучим голосом отозвалась Агата. – Это... я. Можно?

Тишина. Келдыш ничего не сказал, но дверь открылась. Тёмный короткий коридор, вторая дверь, из которой падает квадрат света...

– Добрый вечер, – сказала Агата, не решаясь переступить порог.

– Был добрый, – согласился Келдыш. Он стоял посреди холла. Молча смотрел и ждал. И Агата молчала – все слова до единого моментально вылетели у неё из головы. Келдыш посмотрел-посмотрел и сказал ровно:

– Что вы там топчетесь? Заходите.

– Спасибо, – она аккуратно переступила через порог. Выдавила. – Знаете, я...

И слова засохли у неё на губах.

– Кто там, Игорь?

Агата подняла голову. Сверху, взявшись за перила обеими руками, на них смотрела Ирина.

– Здрассьте...

– Так, – сказала та в ответ. Медленно, словно задумчиво, спустилась вниз. – А ты говорил, она – твоя работа. Работа к тебе сама ходит на дом? Домашняя работа такая, да?

– Ир, – сказал Келдыш устало.

– Что – Ир? – коротко хохотнув, спросила та. – А я-то всё в твоё положение вхожу! То ты занят, то ты болен, то в ночной... А я, оказывается, просто для тебя старовата стала. Ты же у нас на малолеток переключился!

– Ирка... ну, хватит уже.

– Не трогай меня!

Келдыш успокаивающе вскинул руки.

– Мне надо с ней поговорить. Поговорить – и всё!

– Да бога ради, разговаривайте! Хоть всю ночь!

Агата не догадалась отступить с дороги, и Ирина обошла её – демонстративно огибая «углами», как бы брезгуя. Агата послушала, как хлопнула входная дверь и осторожно взглянула на Келдыша – тот, засунув руки в карманы джинсов, смотрел на тёмный проём.

– Мне жаль... извините, я не хотела... – Агата неловко махнула рукой на дверь. – Давайте, я догоню её и всё объясню!

– Что? – Келдыш перевёл взгляд на неё и сощурился, будто смотреть на неё ему было больно. – Что вы ей сможете объяснить? Зачем вы вообще ко мне пришли?

– Я... – Агата подумала и вспомнила. – Я ваш крис принесла, – начала шарить по карманам, на мгновение испугавшись, что потеряла кольцо. – Вот...

Келдыш даже не взглянул на её протянутую руку.

– Когда вы рядом, вечно происходит какая-нибудь... – он подавился словом. – Я сделал, что мог, хватит... Мортимер, я устал. Я устал от вас.

Агата вжалась спиной в косяк. Келдыш не кричал. Но этот тон был хуже крика – действительно усталый, какой-то... безнадежный. Келдыш отвернулся, непривычно ероша волосы. Бросил через плечо:

– Иногда я думаю, лучше б я тогда вас не узнал!

И ушёл в комнату. Агата постояла и сползла по косяку. На пол. Прикусила запястье, чтобы не разрыдаться в голос. Дышала через

зубы. В комнате громко заработал телевизор. Слезы кончились удивительно быстро, Агата тщательно вытерла очки о подол майки. С усилием поднялась. Сидела она недолго, но ноги почему-то затекли. Прошла по коридору. Аккуратно прикрыла за собой дверь – хотя Келдыш всё равно бы не услышал.

Она шла, шла и шла, а когда подняла голову, оказалось, что находится всё ещё на Часовой площади. Кругами ходила, что ли? Просто не знала, куда ей теперь идти. Ни в интернат, ни к бабушке. К Келдышу – никогда.

Агата стояла посреди площади. Тени от неё и от фонарей по периметру площади ложились на мостовую путано и прозрачно. Как тихо... В окнах уже гас свет – люди ложились спать, завтра рабочий день.

Она села на бульжники, и упёрлась подбородком в согнутые колени. Посижу, подумаю... О чём? В голове было пусто. Вертелось только одно: «Лучше бы я никогда вас не встречал».

Он прав. Лучше. Всем. И ей – тоже. Жила бы себе спокойно в Светлогорске, училась в обычной школе, про волшебство знала бы только понаслышке, и – ни Инквизитора, ни Димитрова, ни призраков ИМФ и Кобуци...

Ни Келдыша.

Агата побыстрее поглядела наверх, чтобы опять не закапали слёзы. Звёзд не видно, их заглушал свет фонарей. Ну и что, что она теперь маг? Даже супермагия не гарантирует счастья в личной жизни. В любви...

По площади пронёсся странный звук: скрип – не скрип, вздох – не вздох... Агата повернула голову и поняла, что этот звук издают часы на ближайшем доме. Она когда-то хотела их пересчитать. Часы начали отбивать... полночь? Агата ещё ничего толком не вспомнила и не сообразила, но уже стояла на ногах: «Если найти точку пересечения боя, время можно повернуть вспять». Что-то изменить.

Если бы он тогда не узнал...

Если бы она сейчас нашла «точку боя»...

Келдыш говорил, ей ничего не надо делать – только пожелать. Агата сделала пару шагов влево. Вправо. Отступила. Медленно повернулась. Очень медленно, боясь спугнуть найденное. К полночной музыке присоединялись всё новые и новые часы – и все они теперь бились внутри неё, глуша биение её собственного сердца. Так на рок-концертах музыка буквально вдавливая грудную клетку и становится трудно дышать.

Он как-то сказал, что узнал её единственно по глазам – так не похожа Агата на свою мать и бабушку. Он сказал: лучше бы я вас тогда не узнал. Лучше бы я тогда вас... не... узнал.

Думаете, мне бы не было – лучше?

Агата закрыла глаза и начала отматывать время назад. Нанизывать минуты на новые колебания воздуха и заставляя исчезать вместе со стихающим звоном выбывающих из полночной музыки часов. Дни, недели, месяцы...

Я устал от вас.

Лучше бы я вас...

Лучше бы...

Лучше...

В тот день вместо очередной книжки она купила в «оптике» тёмно-коричневые линзы; правда, врач посоветовал не носить их постоянно. Агата внезапно решила начать новую жизнь, где она уже не будет прятаться за стёклами очков от всяких там Дьячко и иже с ними. Просто будет смотреть *сквозь* них своими новыми красивыми, спокойными и всё видящими глазами. Ей почему-то вдруг показалось, что, меняя цвет глаз, она меняет и свою судьбу.

...Новый историк и вправду оказался очень молодым – особенно по сравнению с другими учителями школы. Весь в чёрном, с довольно длинными блестящими тёмными волосами, учитель небрежно бросил папку на стол и обвёл класс серыми улыбающимся глазами. Агата едва не поправила очки, чтобы разглядеть его получше, но вспомнила, что теперь у неё контактные линзы, и опустила руку.

– Ой, мамочка моя! – услышала за спиной слабый голос Тани Дьячко.

– Здравствуйте, класс! – сказал учитель. У него был спокойный звучный голос.

Класс отозвался нестройным:

– Зра-асс...

– Меня зовут Игорь Келдыш. Я ваш преподаватель истории магии. Надеюсь, этот курс будет очень познавателен – для вас и для меня. Теперь – знакомство!

Он взял папку и, прислонившись бедром к первой парте, стал зачитывать фамилии. Агата так внимательно разглядывала его – непонятно, где она его видела раньше, такого ведь точно не забудешь! – что даже прозвала, когда назвали её фамилию.

– Мортимер Агата.

Дьячко ткнула её линейкой в спину, Агата подскочила, конечно, уронив при этом страшно хлопнувший учебник. Класс привычно захихикал. Агата, краснея, наклонилась, но Келдыш оказался быстрее – он уже поднимал книгу. Положил на угол стола, не сводя глаз с Агаты. Слегка нахмурился.

– Вы Мортимер?

– Да.

Крошечная пауза.

– Переехали сюда из столицы?

Агата моргнула. Наверно, она тоже кого-то ему напоминает.

– Нет. Я местная...

Ну почти. Первый год жизни ведь не считается?

Учитель смотрел на неё ещё мгновение, потом сказал:

– Понятно. – И, повернувшись спиной, продолжил по списку: –

Мур Екатерина.

– Я!

Сбитая с толку, Агата ещё только собиралась садиться, как Келдыш отшвырнул в сторону классный журнал и обернулся. Агата и моргнуть не успела – так стремительно он оказался рядом. Цепко ухватил её за подбородок. Глаза, гневные, растерянные – испуганные? – прямо напротив её глаз.

– Зачем вы это делаете?! – требовательно спросил он.

– Ч-что? – выдавила Агата, а изумившийся класс уже исчезал, или это они летели вперёд – назад? – пока не оказались вдвоём на гудящей Часовой площади. Лицо Келдыша словно мерцало: то проявлялось чётко, то распадалось на крохотные фрагменты-квадратики, точно битые пиксели на экране. Но руки по-прежнему удерживали её – сильные, мужские. Не отпускающие в прошлое в руки.

– Агата...

Над головой, в воздухе, раскачивался гигантский призрачный маятник. Такой же продолжал биться у неё в груди – ту-ук-ту-ук, бомм-бомм... Дома вокруг площади тоже мерцали в такт её сердцу-маятнику. Сияли камни мостовой: теперь было видно, что укладывали их не кое-как, а спиралью, которая заканчивалась (начиналась?) как раз под её ногами. Как же он раньше не нашёл этой самой «точки боя»? Столько подсказок...

А что он сам хотел изменить?

Можно было не спрашивать – и без того понятно. Вернуть всё: живых родителей, беззаботную улыбку Лизы, город, не превратившийся в развалины... Не дать никому из семьи Мортимер разрушить свою жизнь.

Так почему сейчас он её не отпускает?

Она уйдёт и больше не будет ему и никому мешать. Обычная девчонка из провинциального городка. Таких просто пруд пруди – и городов, и девушек. Никого не напрягает, никому не нужна... ни как наследница знаменитой магии, ни как переходящий приз во взрослой игре, ни как любопытный феномен... И всё у вас, Келдыш, будет хорошо и прекрасно.

...Да отпустите же меня!

– Куда-а?! Стоя-ять! – рычал ей в лицо бывший куратор, встряхивал, стискивал сильнее. Но она всё равно ускользнёт, исчезнет, растает,

главное – успеть, пока часы добивают свою полуночную звенящую песню...

Келдыш словно услышал её:

– Да когда же они заткнутся! А!..

...Наутро жители домов на Часовой площади обнаружат, что все их знаменитые часы сломаны: у каких-то под прямым углом или спиралью загнут маятник, у каких безнадежно треснуло стекло, а у некоторых стрелки просто сплывились в металлический комок. И все они остановились в полночь...

А сейчас Ловец, оскалившись, описал рукой круг – и стремительная огненная линия, словно консервный нож, вспорола циферблаты часов на площади. Взрывающиеся стекла, грохот, треск, шипение, вспышки, отражавшиеся в глазах Ловца, – как будто он вспыхнул изнутри сам.

С последним жалким звяканьем прерванного боя исчез призрачный маятник, закидывавший Агату то в несостоявшееся прошлое, то в неустойчивое настоящее... Насколько неустойчивое, Агата поняла, когда вновь ощутила своё тело. Не тело, а кисель. Если бы не Келдыш, просто бы растеклась по камням мостовой...

Ловец стоял некоторое время неподвижно, потом напряжённые, просто каменные его мышцы слегка расслабились. Келдыш глубоко вздохнул, огляделся (кое-где распахивались окна, раздавались встревоженные возгласы, деревянные украшения и корпуса часов догорали), пробормотал:

– Ну что... пора нам отсюда убираться.

И подхватил Агату на руки.

Она сидела, закутанная в одеяла с головы до пят, да ещё укрытая сверху тяжёлой келдышевской курткой. Чтобы не уронить кружку с горячим чаем, держала её с подстраховкой: чашка на ладони, второй рукой за витую ручку. Грела лицо, дышала душистым паром с явной примесью алкоголя. Но не пила, потому что зубы норовили отбить на крае кружки звонкую дробь. Словно она истеричка какая-то.

А она совершенно спокойна. Просто согреться никак не может. Слишком долго просидела в ночи на площади, вот что...

Келдыш бродил из комнаты в комнату. Что-то ронял. Двигал. Громыхал. Хмуро и коротко взглядывал на Агату, но пока молчал. Скоро устроит допрос с пристрастием. Но она ведь не обязана ему отвечать? Он уже не её учитель, не её куратор... Он ей ни-кто!

Оба вздрогнули от телефонного звонка, слишком громкого и пронзительного в такую глухую ночь. Келдыш поднёс трубку к уху, сразу сказав:

– Да, Лидия.

Бабушка? Агата выпростала голову из-под полога одеяла.

– Да, она у меня. В общем и в целом, – косой неласковый взгляд на Агату, – в порядке. Да, останется здесь. И вам доброй ночи.

– Бабушка... – Агата откашлялась и всё-таки глотнула из кружки. Ух! А там *чай*-то вообще есть? Даже горло зажгло. Келдыш коньяка точно не пожалел. – Бабушка меня потеряла?

– Все вас потеряли, – хмуро сказал Келдыш. – Лидия, Стефи, Божевич... И все звонят мне, как будто я...

Как будто он по-прежнему её куратор.

Келдыш пристально смотрел в окно. Что там видно? Ночь. Площадь. Фонари.

– Я не буду спрашивать, ЧТО вы сделали, Я не буду спрашивать – КАК. Но скажите мне всё-таки – ЗАЧЕМ?

Агата поперхнулась следующим глотком алкогольного чая. Зачем?!

Келдыш подождал, но так как Агата всё не могла подобрать осмысленных слов кроме возмущённого: «И он ещё спрашивает?!», понял, что внятного ответа или даже просто ответа дождётся нескоро. Поэтому стал говорить сам.

Келдыш говорил об её безответственности, о том, что наличие Дара – тем более, такого сильного, как у неё – подразумевает осмотрительность, осторожность и продуманность каждого предпринимаемого магического действия; что подобные игры со временем мог затеять только истеричный недалекий подросток, что...

Агата пила, слушала и терпела. Если б Келдыш знал, как ей хочется швырнуть в него кружкой, он бы мог гордиться выдержкой своей истеричной курируемой... бывшей. А может, ей просто жалко было расставаться с горячей кружкой, ведь только-только начала согреваться.

Сейчас она допьёт, поставит чашку – очень аккуратно! – очень вежливо поблагодарит и уйдёт. Ведь он же не сумеет её остановить, так? (О том, что Келдыш сумел не пустить её в прошлое, Агата предпочитала сейчас не вспоминать). Конечно, он взрослый, сильный и очень решительный мужчина. Но у неё ведь есть магия, о которой ей все уши прожужжали! Должна же та, в конце концов, принести своей владелице хоть какую-то пользу... А не только жертвы и разрушения!

На этой мысли Агата споткнулась: если Келдыш всерьёз решит ей противостоять, разрушения точно будут. И жертвы.

И Агата вовсе не была уверена, что жертвой будет именно он.

Она всё-таки допила чай. Всё-таки сумела поставить кружку без излишнего стука. Но вместо того, чтобы с запланированным ледяным спокойствием и достоинством поблагодарить и распрощаться, перебила не на шутку разошедшегося Ловца:

– А скажите, пожалуйста, зачем ВЫ выбили дверь в ИМФ?

Келдыш осёкся. Дёрнул себя за мочку уха. И уточнил:

– Вы который раз имеете в виду?

Агата моргнула:

– А было несколько?

– Парочка. После того как вас забрали из моего дома, я превратился в персону нон грата. Я просто хотел убедиться, что с вами всё в порядке, но в Институт меня не пускали. Вот я слегка и... – Келдыш пожал плечами, – погорячился. Это был первый раз. А второй... Я же знал, что вы проснулись. Вернулись. Знал, что вам нужна помощь, а эти... *учёные* твердят, что вы в безопасности, что с вами всегда рядом врач и охрана, и я могу убедиться в этом лично, но только утром. Мы с Борисом постарались поднять на ноги как можно больше народу, но всё тянулось слишком медленно... В общем, когда дежурный по институту наконец поднял тревогу, я был уже возле ИМФ, – Агата смотрела во все глаза, и Келдыш потёр лицо рукой, как будто хотел заслониться от её изумлённого взгляда. – Ну и... вошёл. А вскоре подросла уже ваша бабушка и Борис со спецназом.

– Обалдеть! – выпалила Агата.

Келдыш сказал со скукой:

– Да что там трудного! Двери в основном заговорены и укреплены изнутри наружу – чтобы никто из «феноменов» не сумел выбраться из института. А я наоборот шёл внутрь. Правда, в этот раз было чуть посложнее.

Если вспомнить рассказ бабушки о системе защиты ИМФ (правда, не от взбесившегося Ловца)... ну да, сложнее. Немножко. Самую малость. Кажется, к их встрече в Институте Келдыш был ненамного живее её самой!

– Вы сказали, что *знали*, что я проснулась?

– Да.

– Но откуда?

– А вы не помните?

– Я... я думала, это был сон...

– Это и был сон. Просто я, наконец, к вам во сне пробился.

– Значит, вы-то можете выбивать двери и устраивать драки? В чём разница, не могу понять? В том, что вы взрослый, а я ещё нет?

Келдыш вновь стал самим собой:

– Как раз этими своими поступками я вовсе не горжусь! А разница у нас с вами в мотивации. Вот с какой целью вы затеяли это время... представление там, на площади? Вы же совершенно не умеете обращаться со временем! Да такое лишь единицы во всём мире умеют! Замкнули бы себя во временную петлю или устроили какой-нибудь коллапс, или...

Агата выслушивала всё новые и новые страсти, которыми её запугивал Келдыш, и ей становилось всё жарче и жарче: то ли она окончательно

согрелась, то ли окончательно разозлилась. Она скинула с себя одеяла и куртку и вновь перебила – хватит на сегодня вежливости! Решила вон вежливо вернуть кольцо, а получилось... Как всегда.

– А почему вы отказались от кураторства?

Келдыш ответил сразу, будто готовился к этому вопросу:

– Да потому что хреновый из меня куратор получился!

– А, – сказала Агата, вставая и двигаясь мимо него к двери: – Потому что так и не смогли меня контролировать, да?

– Да при чём здесь контроль! – с досадой сказал Келдыш. – Потому что я так и не сумел вас защитить!

Агата остановилась. Говорил Ловец отрывисто. Не говорил – бросал слова, как будто ему давным-давно надоело повторять очевидное.

– Ни в первый раз, в Светлогорске от этих... горе-заговорщиков. Ни от Андрэ. Ни от собственной службы. На черта вообще нужен такой куратор?! Да обычный маг-охранник сделал бы для вас куда больше!

Да, и поэтому её телохранителя уносили на носилках, а Келдыш по-прежнему оставался рядом... Всегда. Даже когда она была заперта в ИМФ и в своем сне.

– Я скорее впутываю вас в неприятности, чем помогаю их избегать.

Агата прислонилась к косяку. Ей уже хотелось рассмеяться. Нервно. Надо же, оказывается, они оба пытались спасти друг друга – друг от друга!

– А знаете, почему я устроила это, как вы сказали... времепредставление? Хотела избавить от неприятностей вас.

Пауза.

– То есть?

– Я – одна сплошная головная боль (то есть не одна, а много). Вы из-за меня то и дело во что-то влипаете. То вас рванят, то инквизитор нападёт, то с девуш... с начальством ссоритесь, то вон двери вышибаете... А вас ещё не уволили?

– Странно, но всё ещё терпят, – Келдыш смотрел уже с интересом.

– И вы решили меня подобным образом защитить? Как мило! Продолжайте-продолжайте!

А что продолжать? Агата поелозила лопатками по косяку, устраиваясь поудобнее.

– Ну вы же сами всё сказали, – она мотнула подбородком в сторону двери, подразумевая вечерний разговор в холле. – Я вам только постоянно мешаю. А я вспомнила про точку пересечения боя и решила...

Келдыш засунул руки в карманы и неторопливо двинулся к ней. Агата заговорила быстрее:

– ...изменить тот день, когда вы меня узнали в Светлогорске. Тогда бы всего этого... – она неопределённо взмахнула рукой, подразумевая

приключившееся за год, – не было. То есть не произойдёт. И всё у вас будет в полном порядке. Без меня.

Агата занервничала: Келдыш остановился напротив, внимательно рассматривая её. Чтобы не играть с ним в гляделки (понятно же, кто выиграет!) Агата увела взгляд ему за спину. В оконном стекле отражались их смутные силуэты. Ловец произнёс задумчиво:

– То есть просто пары каких-то... лишних слов достаточно, чтобы вы поставили законы времени с ног на голову? Прекрасно, надо будет учесть это в вашем дальнейшем обучении.

Как он не понимает?! Важны ведь даже не слова – а *кто* их произносит!

– Я серьёзно! – сердито сказала Агата, упорно глядя за его плечо.

– Я тоже. Мортимер, в моей жизни было многое, о чём я жалею. Что бы я хотел исправить, вернуть. За что проклинаю себя, людей, бога, чёрта... да кого угодно! Но это – *моя* жизнь! И не вам её менять! Не вам решать – чего я хочу, а чего нет!

Да. Не ей. Он уже об этом говорил, и повторять не надо. Она понятливая, хоть иногда и тупит. Когда говорят – пошла вон из моей жизни, понимает на раз...

И она пошла.

– К-куда?!

Вскинутые руки упёрлись в стену по обе стороны от её головы. Игорь повторил – потише, со знакомой язвительной ноткой в голосе:

– Может, хватит уже? Куда вы на этот раз направитесь? В сон, в Кобуци, в прошлое, в будущее? Куда теперь от меня сбежите?

– Никуда я не сбегаю! И вовсе не от вас! – запальчиво возразила Агата и сделала ошибку, взглянув ему в глаза: если смотреть в них слишком долго, это может завести воображение и мысли очень далеко... да вообще неизвестно куда!

– Не от меня, не куда, значит, к кому? Кстати, чем вы это занимались вчера вечером с Димитровым?

И вовсе даже не «кстати»! Агата стиснула зубы от ярости: ну точно! Кольцо-шпион!

– Подглядывали за мной, да?!

– Ну... не совсем.

– То есть как – «не совсем»? Подглядывали только одним глазом, а не двумя?

Келдыш хмыкнул.

– Крис, пусть и находится далеко от меня, передает мне ваши эмоции. А уж по эмоциям нетрудно понять, что происходит. Вам ведь понравилось?

– Да! – вызывающе выпалила Агата. – Понравилось! А кто в этом виноват?!

Игорь помедлил и поинтересовался осторожно:

– Неужели опять я?

– Вы же меня целовали-целовали, а потом... исчезли. Ещё и от кураторства отказались! И крис ваш – не крис, а просто шпион-садист! Вам – мои эмоции, а мне – удар током, как собачке дрессированной!

– Что? Вы о чём?

– Ваше кольцо, крис! Оно меня ужалило!

Келдыш, кажется, слегка растерялся.

– Вы это... серьёзно?

– Ещё бы не серьёзно! И я серьёзно вам говорю – вас ни капли не касается, что и с кем я делаю! Ни теперь, ни потом! Вы сами от меня отказались!

Келдыш предугадал Агатино намерение поднырнуть ему под локоть – сдвинувшись, перекрыл ей дорогу. Сказал задумчиво:

– А ведь не мешало бы.

– А?

– Бежать, говорю, не мешало бы... от меня.

Следующий вопрос Агата сформулировать не успела – по-прежнему опиравшийся руками о стену Келдыш качнулся чуть ближе, пробормотал ей в губы:

– Об этом я тоже наверняка пожалею...

Ловец и правда умел целоваться. Но в прошлый раз всё было совсем не так: мягко, нежно. Успокаивающе. Как будто он и не целовал даже, а тихонько гладил по голове несчастного ребёнка. Наверное, жалко её, разнывшуюся, стало.

Сегодняшние поцелуи были другими. Горячими, сильными. Жадными. Иногда даже становилось больно, но всё её тело как будто приветствовало эту боль, лгнуло, прижималось. Какой же он сильный, горячий! Ладони Агаты сами скользнули по широким плечам, крепкой шее, зарылись в жёсткие волосы. Агата тоже начала целовать его в ответ – с жаром, с удовольствием... Пусть неумело – но Келдыш вздрогнул и глухо застонал. Пальцы вцепились в её плечи.

Он выдохнул ей в висок:

– А может быть, и нет!

– Ну наконец-то!

С кровати поднялась рука, сжалась во внушительный кулак и медленно, выразительно качнулась.

Смех, перешедший в сдавленное фырканье – словно кто-то спохватился, что не следует нарушать такую хрупкую ночную тишину. Или ему попросту зажали рот.

Она открыла глаза. В незадёрнутые окна светило солнце. Давно пора было ему разогнать тучи, а то не поймёшь, лето или осень...

Агата приподняла взлохмаченную голову. Она лежала в спальне Келдыша. На его огромной кровати. Совершенно одна. Хотя всю ночь Игорь прижимал её к себе, словно и правда боялся, что она ускользнёт, растает, сбежит – в сновидения, в прошлое.

А к ней вернулись сны. Не Пустыня, не падения с крыш. Просто сны, после которых утром просыпаешься здоровой и лёгкой, пытаешься припомнить ускользящие рассыпчатые цветные видения.

Агата своему утреннему одиночеству обрадовалась. Как-то надо привыкнуть... ко всему этому, к тому, что она и Келдыш... Да и вообще следует прочувствовать событие, понять, что она стала взрослой, настоящей женщиной... Но торжественные и значительные мысли в голову никак не шли. Лезли совершенно иные, привычно паникёрские: а как она посмотрит ему сегодня в глаза? А что следует говорить по утрам мужчине, с которым ты ночью впервые... была. А вдруг ему не понравилось? А если он пожалеет?

В общем, когда Агата услышала за дверью приближавшиеся шаги, она настолько уже себя запугала, что поспешила спрятаться за ненадёжной защитой простыни и сомкнутых ресниц.

Игорь старался двигаться бесшумно. Осторожно опустился на кровать (та слегка прогнулась), медленно вытянулся, пошелестел простынёй. И замер. Агата старалась дышать якобы сонно, ноздри щекотал запах то ли геля для душа, то ли крема для бритья, то ли и вовсе туалетной воды. И ещё – его собственный запах. Запах мужчины. Знакомый и непривычный, пугающий и притягивающий. Хотелось вдохнуть его поглубже. И поближе. Так остро ощущается жар его тела...

Агата дождалась, когда дыхание Келдыша станет длинным, ровным и глубоким, и осторожно глянула сквозь ресницы. И правда спит. Лежит на спине, согнутая рука – на лбу. Знакомая поза. Таким она его видела когда-то. Очень давно...

Агата осторожно придвинулась, внимательно следя за его дыханием и за его лицом. Поразглядывала пару минут: глаз из-под локтя не видно, губы приоткрыты, тёмные волосы на подушке... Примерилась – и осторожно клюнула его в гладко бритую щеку. Уголок его рта пополз вверх, Игорь стремительно повернулся, и ойкнувшая Агата оказалась уже лежащей на нём. Серые глаза шурились в смехе: ясные, совсем не заспанные.

– Притворяешься! – обвинила Агата.

– И ты.

Она не очень настойчиво попыталась вырваться, но он легко удержал её, да ещё голое тело на голом теле вызвало... его реакцию. Агата замерла, покраснела и стала смотреть в сторону.

Вчера всё было совсем не так: не было времени подумать, даже испугаться, всё было таким... пусть неизвестным, но естественным, желанным, захватывающим... Сегодня же одно воспоминание о том, что случилось вчера и что может повториться сегодня – да прямо сейчас – приводило в замешательство, смешанное с любопытством и возбуждением. В теории всё понятно, а вот на практике... Да ещё такой... неожиданной и... ошеломляющей...

Её легонько встряхнули. В голосе Игоря – смех пополам с досадой:

– Слушай, если ты на мне прямо сейчас уснёшь, это будет убийственным ударом по моему мужскому самолюбию!

– Ой, извини...

Агата вновь попыталась скатиться с него. Не пустили. Наоборот, Келдыш прижал её к себе ещё теснее, и она почувствовала, как двинулись его ребра, как голос зазвучал раньше, чем он произнёс:

– Знаешь, я не должен был... на тебя набрасываться.

Ну начинается!

Ладно. Поговорим. Хоть сейчас.

Вчера поговорить как-то... не удалось. Как вообще можно разговаривать после таких поцелуев? Ноги подкашиваются, сердце бьётся и на своём законном месте, и в голове, и в животе... Она даже застонала от разочарования, когда Келдыш отстранился. Но оказалось, лишь для того, чтобы избавить себя и её от такой ненужной, тесной, жаркой одежды. Чтобы стать ещё ближе – его плотная горячая, быстро влажнеющая кожа; пальцы, рассыпающие по телу огненные сладкие искры, горячие поцелуи, как укусы – снова и боль и удовольствие одновременно...

– Это же я на тебя набросилась!

Игорь согласился:

– О да, я помню!

Агата скользнула мизинцем по ссадине на его губе, сказала виновато:

– Я не знаю, что на меня нашло!

– Я тоже не знаю...

Она только успела возликовать: вот и взрослый опытный мужчина потерял голову от страсти, потерял голову от неё, Агаты! Но Келдыш, как обычно, всё испортил – продолжил крайне серьёзным голосом:

– ...что *на тебя* нашло!

Агата растерянно захлопала ресницами.

– Ах ну, извините, не сдержалась... Значит, ты всё-таки жалеешь, да?

И затаилась в ожидании ответа.

– Чёрта с два жалею, – пробормотал Келдыш. – Но извинениями ты не отделаешься.

– А... чем?

Игорь сказал со вздохом:

– Объяснил бы я тебе – чем, но уже совсем некогда. Уже звонила твоя... хм, наша?... бабушка. Пошли сдаваться.

И Агата сразу скисла. Спросила трусливо:

– А может, не надо, а? Может, потом, как-нибудь...

Игорь поцеловал её – очень крепко. И также крепко сказал:

– Надо!

– Ну я так и знала...

Они сидели за столом – друг напротив друга. Келдыш и бабушка. Агата беззвучно вздохнула. Она не знала, к кому присоединиться, понимая, что сейчас это будет своего рода демонстрацией, на чьей она стороне. В конце концов села в торце стола, но всё равно то и дело суетливо подсказывала – подогреть раз за разом остывающий чайник, достать что-нибудь из холодильника...

– Следовало ожидать, – продолжила бабушка, бесконечно помешивая уже заледеневший, наверное, чай. – Явился! Ошеломил. Заинтриговал. Ослепил.

Они обменялись ядовитыми улыбками. Лидия словно пункты обвинительного приговора зачитывала:

– Вы же понимаете, что вы единственный... да просто первый взрослый яркий мужчина, встретившийся Агате! В этом-то всё и дело! Вы не дали ей вырасти, оглядеться, выбрать, наконец...

– Бабушка, ну зачем ты так говоришь?! Я уже выбрала!

Бабушка не обращала на неё никакого внимания.

– Я собираюсь и дальше и дольше, – холодно заявил Келдыш, – оставаться единственным.

Лидия подняла брови.

– Даже учитывая наш семейный темперамент?

Игорь заломил бровь – ответно.

– А насколько вы знакомы с *нашим* семейным темпераментом?

Лидия со звоном бросила ложечку на блюдце. Агата вздрогнула.

– И что дальше?

– Я больше не её куратор...

– Бог услышал мои молитвы!

– ...а так как Агате больше шестнадцати, она может жить, с кем пожелает, и даже зарегистрировать брак.

– Однако вы основательно подготовились. Интересно только, сегодняшним утром, или прикрывали тылы заранее? – Лидия вперила

в Игоря указующий палец: – Вижу, у вас разбита губа. Всё-таки досталось от моей внучки?

Келдыш и глазом не моргнул.

– Сопrotивлялся насилую!

Лидия фыркнула. Предательски краснея, Агата уставилась в свою чашку. Бабушка ни за что не поверит, но ведь... он сказал правду.

...Было мгновение, когда Келдыш остановился. Замер. Обхватил её лицо ладонями, выдохнул:

– Подожди... что мы дела... что я делаю?..

Вжаться, вцепиться, обхватить руками-ногами, не отпустить никуда! Но Келдыш всё равно отодвинулся. Теперь-то Агата понимала – просто перевести дыхание, успокоиться... А тогда она впала в панику: он постоянно уходит, ускользает, и она снова и снова остается одна!

И Агата от отчаянья набросилась на него с кулаками.

– Если вы сейчас же... немедленно! Не вернётесь... Да я вас просто... убью!

Он пытался удержать её руки, но Агата колотила его по голой груди, хлестала по плечам (только ладони отбила!), и даже умудрилась захватить кулаком в лицо. Игорь с шипением дёрнул головой, и она с удовлетворением обнаружила, что разбила костяшками ему нижнюю губу. В тот же миг Келдыш схватил одной рукой её руки за запястья, опрокинул обратно на кровать, навалился, придавил собой. Сказал мрачно:

– Да уж, Мортимер, умеете вы подбирать убедительные доводы!

...Сейчас Келдыш продолжал всё тем же подозрительно кротким тоном:

– Вы же сами упомянули ваш семейный темперамент! Вот если, например, вспомнить вашу собственную юность...

Агата наострила уши:

– Бабушка?..

Бабушка, быстро глянув на внучку, сказала:

– Не стоит углубляться!

– Не стоит так не стоит, – губы Келдыша дрогнули, как будто он изо всех сил сдерживал смех. – Вернёмся в настоящее. Или вы хотите убедиться... как это?.. в серьёзности моих намерений?

Старшая Мортимер отмахнулась:

– Ещё бы у вас были не те намерения! Ответьте мне на один вопрос, Келдыш, это тоже входило в ваши планы?

Планы? Какие планы? Агата переводила взгляд с одного на другую. Игорь криво улыбнулся:

– О нет, Лидия. Я просто всё ещё непоследователен.

– И как же вы представляете дальнейшую Агатиноу жизнь?

Агата переводила глаза с одного на другую. Спросила неуверенно:

– Мы будем жить все вместе?

Ответы были молниеносными и одинаковыми:

– Нет!

– Нет!

В глазах бабушки впервые за весь разговор появился весёлый блеск. Она спросила – с нескрываемым злорадством:

– Насколько понимаю, вы собираетесь стать моим... внучатым зятем? И как вам перспектива иметь такую тещу, а? Зятёк?

– Вы – мой ночной кошмар, мадам, – откровенно признал Келдыш.
– Да и дневной тоже.

– Единственное, что меня в этой ситуации радует!

...Агата сделала шаг, ещё шаг. Осторожно заглянула в кухню. Келдыш стоял у окна и говорил через плечо:

– ... всё будет так, как она захочет.

– Чешуистая чушь! – уже утомлённо отозвалась бабушка. – Агата влюблена и будет делать всё, лишь бы вам угодить, только бровью поведете... Сама была такой же дурочкой.

Игорь хмыкнул.

– Плохо же вы знаете свою внучку, Лидия!

– Келдыш, – серьёзно сказала Лидия, – но вы же понимаете, что это не... ненадолго? Она растёт и растёт её магия... И сколько времени вы, такой самолюбивый и амбициозный, сможете выдержать на вторых ролях?

Пауза. Агату кольнуло в сердце. Почему она так говорит? Почему ненадолго? И почему молчит Игорь? Келдыш отвернулся к окну, и Агата не видела выражения его лица, когда он произнёс легкомысленным тоном:

– Посмотрим! Как я и говорил, я собираюсь продержаться как можно дольше. Агата, а подслушивать нехорошо!

Агата неуверенно перешагнула порог. Бабушка, поджав губы, переставляла на столе вазочки с вареньем. Келдыш продолжал улыбаться. Понятно, в таком настроении ни у кого из них никаких объяснений не добьёшься!

Звонок был почти беззвучным, но Игорь привычным движением достал из кармана телефон.

– Да. Когда? Почему я? Поня-ятно... – задвинул телефон обратно в карман и поглядел в первую очередь на Лидию. – Надо ехать. Командировка. (У Агаты упало сердце). В Светлогорск, кстати.

– Очень кстати! – язвительно заметила старшая Мортимер. Игорь только пожал плечами, сказал спокойно:

– До скорой встречи, Лидия. Агата, проводи меня...

Она задержалась на пороге, оглянувшись на бабушку. Та проворчала:

– Что, теперь ждёшь моего разрешения? Поздновато уже! И да, привыкай – ловец не будет постоянно торчать дома у твоей юбки! Иди давай!

– ...не позволяй ей себя драконить!

Агата засмеялась:

– Да ну! Бабушка добрая!

– Угу. Только никто кроме тебя об этом не подозревает! – Келдыш помедлил, слегка покачивая её в объятиях. Выдохнул с досадой: – Черт, как назло, именно сейчас!.. А если ты поедешь со мной в Светлогорск? Там дел-то, кажется, всего на пару дней.

– С тобой?!

Келдыш пробормотал ей в затылок:

– Понимаю, конечно, это не самое романтическое путешествие на свете...

– Да, конечно! Поеду! – выпалила Агата, и Игорь засмеялся над её энтузиазмом.

– Тогда собирайся, через пару часов я за тобой заеду.

Келдыш, уже шагнувший к машине, хлопнул себя по карманам:

– Совсем забыл! Вот он! – и протянул Агате свой кристаллизатор. Слегка улыбнулся в ответ на её выразительный взгляд: – Да, никак тебе от него не отделаться!

– Ага, – поддразнила она, – кольцо всё-таки будет за мной присматривать!

Келдыш слегка замешкался:

– Ну-у... пусть побудет у тебя, пока... Ты просто надень его.

Не дожидаясь, надел сам – на указательный палец – на миг сжал Агатиной руку вместе с кольцом. Быстро улыбнулся, сел в машину и уехал.

Агата долго смотрела ему вслед. Потом задумчиво огляделась по сторонам. Летний ветер легонько дёргал её за волосы, солнце подмигивало сверху и отражалось в стеклах каждой проезжавшей мимо машины. Всё сейчас было каким-то нереальным. Слишком ярким. Чётким, как будто прорисованным в прозрачном воздухе.

Она опустила глаза на кольцо. Дотронулась до него и сказала тихонько:

– Я тебя тоже...

Записка на холодильнике в доме Келдыша: «Привет, Борис. Если заглянете ночью – мясо на верхней полке, специально не стала класть

в морозилку. Игорь со своей Агатой отправился в командировку: что-то там в Светлогорске приключилось по его ловцовской линии.

...Ты как-то говорил, что я к ней пристрастна: фамилия Мортимер и всё такое прочее. Конечно, ты прав. Но теперь, когда я вижу его счастливым – впервые за долгие годы счастливым – я готова смириться.

Смирилась же мадам. Вот и я попробую.

Боюсь только, что эта девочка доставит нам ещё немало хлопот».

Даниил сидел на развалинах стены и, постукивая пятками ботинок по кирпичам, смотрел, как Рип, пыхтя и вздымая пыль, бродит, принохиваясь, по засыпанному котловану. Песок был утрамбован до плотности и твёрдости бетона. Теперь на многие километры вокруг был только этот песок, и – ура, абсолютно никакой магии! Столичные учёные просто повернулись на таком феномене в самом центре Кобуци, и к огромному облегчению Даниила, никто не спросил его о девочке из портала.

– Рип!

Рип дёрнул ухом. Не мешай, мол.

– Рип, её там нет.

Дракон и сам это понял. Потряс головой, чихнул и потрусил к другу. Ткнулся в плечо лобастой башкой, едва не снеся его со стены. Даниил удержался, лишь вцепившись в его проволочно-жесткий загривок.

– Рип. Она придёт, она же обещала. Мы подождём.

Рип вздохнул и привалился к стене. Он был готов ждать сколько угодно.

Оглавление

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ	
ПУСТЫНЯ.....	3
Глава 1	
Контроль над снами	3
Глава 2	
Искушение.....	8
Глава 3	
«История и Общество» и... неудачное общество.....	15
Глава 4	
Плетельщик снов.....	19
Глава 5	
Странные стоят нынче погоды.....	24
Глава 6	
Пески Пустыни.....	30
Глава 7	
То ли сон, а то ли явь	33
Глава 8	
Ловушка.....	38
Глава 9	
Летаргия.....	42
Глава 10	
Явление дракона.....	46
Глава 11	
Шкатулка Пандоры	52
Глава 12	
Шкатулка Пандоры-2	61
Глава 13	
Столкновение миров	65
Глава 14	
Возвращение.....	69

Глава 15	
Выход.....	74
Глава 16	
По крышам не гуляют в одиночку.....	82
Глава 17	
Магия Пустыни	86
Глава 18	
Точка боя	91

Литературно-художественное издание

КОЛЕСОВА Наталья Валенидовна

Нестрашные сны

Роман

Часть III

ПУСТЫНЯ

*Вёрстка, корректура, ответственный за выпуск –
Калашников Н.Н.*

От издателя

Роман Натальи Колесовой «Нестрашные сны», разумеется, написан как единое целое, но возможности издателя позволили издать этот роман только таким образом – в трёх частях. Надеюсь, это не помешает читателям романа воспринимать его так же, как он написан, – единым целым.

На первой странице обложке – фото из интернета.

Тираж 50 экз.

– Эксперимент, – неожиданно объявил Келдыш. – Не поймите неправильно...

Взял Агату за талию, снял с парашюта и – обнял.

Обхватил, прижал крепко, словно укутывая собственным телом. Агата ошеломлённо замерла. Уткнувшись лицом в его шею, слушала ускорявшееся биение собственного сердца, тихо, осторожно вдыхала его запах, его жар, его силу. Какой же он большой и горячий – ещё немножко и она расплавится, растает... как этот только что выпавший редчайший летний снег.

Келдыш, стоявший неподвижно, повёл головой – щёку Агаты царапнула жёсткая кожа его подбородка. Сказал неожиданно:

– Ну вот, я так и думал!

Агата перевела дыхание, приходя в себя. Думал – что? Что именно так она и отреагирует? Зашевелилась, смущённо пытаясь освободиться. Келдыш тут же отпустил её – но лишь на расстояние вытянутых рук. Приказал:

– Оглянитесь.

Агата заторможено огляделась. Ни снега, ни туч не было уже и в помине, лишь голубое небо и солнце – как оно и положено летом.

– Мортимер, – торжественно заявил Келдыш, по-прежнему держа её за плечи. – Прекратите нам портить погоду!

